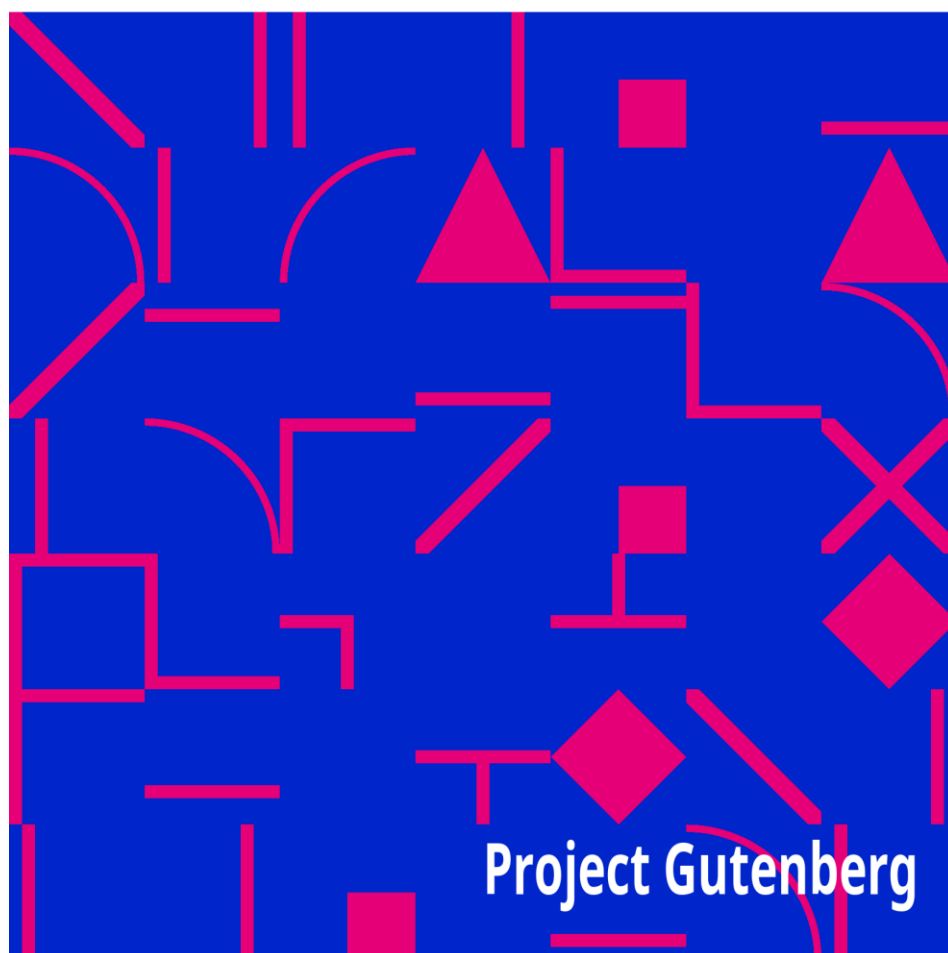

Миф, ритуал и религия, Том 1 (из 2)

Эндрю Лэнг

Myth, Ritual and Religion, Vol. 1 (of 2)

Andrew Lang

Электронная книга проекта "Гутенберг" о мифах, ритуалах и религии, том 1 (из 2)

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Миф, ритуал и религия, Том 1 (из 2)

Автор: Эндрю Лэнг

Дата выхода: 1 сентября 2001 г. [Электронная книга № 2832]

Последнее обновление: 28 ноября 2012 г.

Язык: Английский

В титрах: Продюсеры: Дональд Лейнсон и Дэвид Уиджер

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "МИФ, РИТУАЛ И РЕЛИГИЯ", ТОМ 1 (ИЗ 2) ***

МИФ, РИТУАЛ И РЕЛИГИЯ

Том Первый

Эндрю Лэнг

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ К "НОВОМУ ВПЕЧАТЛЕНИЮ".
ПРЕДИСЛОВИЕ К НОВОМУ ИЗДАНИЮ.

МИФ, РИТУАЛ И РЕЛИГИЯ ГЛАВА I. СИСТЕМЫ МИФОЛОГИИ

ГЛАВА II. ПРЕДЛАГАЕМАЯ НОВАЯ СИСТЕМА

ГЛАВА III. ПСИХИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ДИКАРЕЙ—НЕПОНИМАНИЕ ПРИРОДЫ—ТОТЕМИЗМ

**ГЛАВА IV. ПСИХИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ДИКАРЕЙ—МАГИЯ—МЕТАМОРФОЗЫ—
МЕТАФИЗИКА—ПСИХОЛОГИЯ**

ГЛАВА V. МИФЫ О ПРИРОДЕ

ГЛАВА VI. НЕАРИЙСКИЕ МИФЫ О ПРОИСХОЖДЕНИИ МИРА И ЧЕЛОВЕКА

ГЛАВА VII. ИНДОАРИЙСКИЕ МИФЫ -ИСТОЧНИКИ СВИДЕТЕЛЬСТВ

ГЛАВА VIII. ИНДИЙСКИЕ МИФЫ О ПРОИСХОЖДЕНИИ МИРА И ЧЕЛОВЕКА

ГЛАВА IX. ГРЕЧЕСКИЕ МИФЫ О ПРОИСХОЖДЕНИИ МИРА И ЧЕЛОВЕКА

ГЛАВА X. ГРЕЧЕСКИЕ КОСМОГЕНИЧЕСКИЕ МИФЫ

ГЛАВА XI. ДИКИЕ БОЖЕСТВЕННЫЕ МИФЫ

ПОДРОБНОЕ СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ К "НОВОМУ ВПЕЧАТЛЕНИЮ".

ПРЕДИСЛОВИЕ К НОВОМУ ИЗДАНИЮ.

ГЛАВА I. МИФОЛОГИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ.

Определения религии—Противоречивые свидетельства—"Вера в духовных существ"—Возражение против определения г—на Тайлора—Определение в отношении этого аргумента—Проблема: противоречие между религией и мифом—Два человеческих настроения—Примеры—Пример Греции—Древние мифологи—Критика Евсевия—Современные мифологические системы—Г-н Макс Мюллер-Маннхардт.

ГЛАВА II. — ПРЕДЛОЖЕНА НОВАЯ СИСТЕМА.

Глава I. краткое изложение—Предложение нового метода: Наука о сравнительном или историческом изучении человека —Частично предвосхищено Евсеем, Фонтенелем, Де Броссом, Спенсером (из С.С. С., Кембридж), и Маннхардтом—Наука о Тайлоре—Объект исследования: найти состояние человеческого интеллекта, при котором чудеса мифа являются частью практической повседневной веры —Это дикое состояние—Дикари описаны —Дикий элемент мифа выживание после дикого состояния—Преимущества этот метод—Частично объясняет широкое РАСПРОСТРАНЕНИЕ, а также ПРОИСХОЖДЕНИЕ мифов—Связан с общей теорией эволюции—Загадочный пример мифа о глотателе воды-Критика метода профессором Тиле—Возражения против метода и ответ на них—См. Приложение В.
ГЛАВА III.—ПСИХИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ДИКРЕЙ—ПУТАНИЦА С ПРИРОДОЙ—ТОТЕМИЗМ.

Психическое состояние дикарей — основа иррационального элемента в мифе -Характеристики этого состояния: (1) Смешение всех вещей при равенстве предполагаемой одушевленности и интеллекта; (2) Вера в колдовство; (3) спиритуализм; (4) Любопытство; (5) Легкая доверчивость и умственная леность — Любопытство удовлетворяется, благодаря доверчивости, мифами в ответ на все запросы — Свидетельство этого —Mr. Мнение Тайлора—Mr. Им Турн—Отношения миссионеров—иезуитов— Примеры смешения людей, растений, животных и других природных объектов—Отчеты путешественников—Свидетельства из института тотемизма—Определение тотемизма—Тотемизм в Австралии, Африке, Америке, на островах Океании, в Индии, Северной Азии-Выводы: Тотемизм, столь широко распространенный, является доказательством существования того дикого психического состояния, при котором не проводится никакой границы между людьми и другими вещами в мире. Эта путаница - одна из характерных черт мифов всех рас.

ГЛАВА IV.—ПСИХИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ДИКРЕЙ—МАГИЯ—МЕТАМОРФОЗЫ—МЕТАФИЗИКА—ПСИХОЛОГИЯ.

Заявления колдунов—Дикие научные спекуляции—Теория причинно—следственной связи—Легковерие, за исключением новых религиозных идей—

"Post hoc,

следовательно, propter hoc"—Фундаментальные идеи магии—Примеры: заклинания, призраки, духи-Свидетельства ранга и других институтов в доказательство помрачения рассудка, проявляющегося в магических верованиях.

ГЛАВА V.—МИФЫ О ПРИРОДЕ.

Дикая фантазия, любопытство и доверчивость, проиллюстрированные в мифах о природе —

В этих явлениях все объясняется верой в общую одушевленность всего сущего в сочетании с верой в метаморфозы—Солнечные мифы, азиатские, австралийские, африканские, меланезийские, индийские, бразильские, маори, самоанские мифы о Луне, австралийские, муйские, мексиканские, зулусские, макассарские, гренландские, пиутские, малайские мифы о Громе—Греческие и арийские мифы о солнце и Луне—Звездные мифы—Мифы о звездах, дикие и цивилизованные,

о животных, объясняющих их приметы и привычки —Примеры обычая заявлять о кровном родстве с низшими животными—Мифы о различных растениях и деревьях —Мифы о камнях и превращении в камни, греческие, австралийские и американские —Вся естественная философия дикарей выражена в мифах и сохранилась в фольклоре и классической поэзии; и легенды о метаморфозах.

ГЛАВА VI.—НЕАРИЙСКИЕ МИФЫ О ПРОИСХОЖДЕНИИ МИРА И ЧЕЛОВЕКА.

Путаница мифов-Различное происхождение человека и вещей—Мифы Австралии, Андаманских островов, бушменов, овахереро, намакуа, зулусов, гуронов, ирокезов, диггеров, навахо, виннебагов, халдеев, тлинкитов, жителей Тихоокеанских островов, маори, ацтеков, перуанцев — Сходство идей, пронизывающих все эти народы в различных условия жизни в обществе и культуре.

ГЛАВА VII.ИНДОАРИЙСКИЕ МИФЫ —ИСТОЧНИКИ СВИДЕТЕЛЬСТВ.

Авторитеты—Веды—Брахманы—Социальное положение Ведической Индии—Искусства—Ранги—Война—Ведический фетишизм—Поклонение Предкам—Дата появления Риг-

Ведические гимны сомнительны—Неясность гимнов—Трудность интерпретации реального характера Вед — Не примитивный, а священнический—Моральная чистота, не невинность, а утонченность.

ГЛАВА VIII.—ИНДИЙСКИЕ МИФЫ О ПРОИСХОЖДЕНИИ МИРА И ЧЕЛОВЕКА.

Сравнение ведических и диких мифов—Метафизический ведийский рассказ о начале вещей—Противоположная и дикая басня о мире, составленном из фрагментов человека—Обсуждение этого гимна—Нелепости брахманов—Праджапати, ведический Ункулункулу или Кат—Эволюционные мифы—Брак неба и земли—Мифы Пуран, их дикие параллели—Самые дикие мифы повторяются в Брахманы.

ГЛАВА IX. ГРЕЧЕСКИЕ МИФЫ О ПРОИСХОЖДЕНИИ МИРА И ЧЕЛОВЕКА.

Греки были практически цивилизованными, когда мы впервые встречаемся с ними у Гомера —

Однако их мифология полна отталкивающих черт —

Гипотеза о том, что многие из них являются пережитками дикости — Есть ли другие примеры такого выживания в греческой жизни и институтах?—Греческое мнение было постоянным, что раса была дикой—Иллюстрации выживания дикарей из греческого закона о человекоубийстве, из магии, религии, человеческих жертвоприношений, религиозного искусства, следов тотемизма и мистерий —Вывод: это выживание дикарей также можно ожидать в греческих мифах.

ГЛАВА X. ГРЕЧЕСКИЕ КОСМОГЕНИЧЕСКИЕ МИФЫ.

Характер свидетельств—Традиции происхождения мира и человека—Гомеровские, гесиодовские и орфические мифы —Более поздние свидетельства историков, драматургов, комментаторов—Гомеровская история сравнительно чистая—История Гесиода и ее дикарские аналоги—Объяснения мифа о Кроносе, современные и древние—Орфическая космогония—Фанес и Праджapati—Греческие мифы о происхождении человека —Их дикие аналоги.

ГЛАВА XI. ДИКИЕ БОЖЕСТВЕННЫЕ МИФЫ.

Происхождение веры в БОГА за пределами понимания истории и спекуляций—Набросок гипотетических теорий—Два элемента во всех верованиях, будь то отсталых или цивилизованных рас — Мифический и Религиозный —Они могут быть ровесниками или один из них может быть старше другого—Сложность изучения—Текущая антропологическая теория—Заявленные возражения против теории—Боги и духи—Предположение, что религия дикарей заимствована у европейцев—Ответ на аргументы мистера Тайлора по этому поводу —Мораль дикарей.

ПРЕДИСЛОВИЕ К НОВОМУ ВПЕЧАТЛЕНИЮ.

Когда эта книга впервые появилась (1886), филологическая школа интерпретации религии и мифа, которая тогда еще была могущественна в Англии, подверглась критике со стороны автора. В науке, как и на древнем турецком троне, "от Амурата к Амурату"; филологические теории религии и мифа теперь уступили место антропологическим методам. Центром антропологической позиции была "теория призраков" мистера Герберта Спенсера, "анимистическая" теория мистера Э. Р. Тайлора, согласно которой умиловление духов предков и других существ ведет к политеизму, а оттуда - к монотеизму. Во втором издании (1901) этой работы автор утверждал, что вера в "относительно высшее существо", антропоморфное,

была такой же древней, а может быть, и даже старше, чем анимистическая религия. Эту теорию он изложил более подробно и с большим количеством доказательств в своей книге "Создание религии".

С 1901 года накопилось много новых свидетельств того, что мистер Ховитт называет "Всеобщим Отцом" в диких и варварских религиях. Что касается этого существа в Африке, читатель может ознакомиться с томами Новой серии Журнала Антропологического института, которые полны африканских свидетельств, которые, насколько мне известно, еще не обсуждались ни одним автором по истории религии. Еще в "Человеке", в № 66 за июль 1906 года, мистер Паркинсон опубликовал интересные легенды йоруба об Олероне, создателе и отце людей, и Оро, Хозяине "Быка-ревуна".

Из Австралии у нас есть отчет мистера Ховитта о Всеобщем Отце в его родных племенах Юго-Восточной Австралии, а также отчет о Всеобщем Отце центральноавстралийского племени кайтиш в Северо-центральных племенах Австралии, составленный г-ном Дж. Спенсер и Гиллен (1904), а также "Племя эвахлайи" миссис Лэнгли Паркер (1906). Эти мастерски написанные книги незаменимы для всех изучающих предмет, в то время как у господ Дж. Упомянутая работа Спенсера и Гиллена, и в их более ранних коренных племенах Центральной Австралии мы знакомимся с дикарями, которые предлагают сложную анимистическую теорию и, как говорят, не обнаруживают никаких следов веры во Всеотца.

Книги господ. Спенсер и Гиллен также представляют много свидетельств о ранее неизвестной форме тотемизма, при которой тотем не передается по наследству и не регулирует брак. Это преобладает среди "народа" арунта и племени кайтиш. По мнению г-на Спенсера (Отчет Австралийской ассоциации содействия развитию науки, 1904) и г-на Дж. Дж. Фрейзера (Fortnightly Review, сентябрь 1905), это самая ранняя из сохранившихся форм тотемизма, и г-н Фрейзер предполагает анимистическое происхождение этого института. Я критиковал эти взгляды в "Тайне тотема" (1905) и предложил иное решение проблемы. (См. также "Примитивный и развитый тотемизм" в Журнале Антропологического института, июль 1906 г.) В упомянутых работах будут найдены ссылки на другие источники информации по этим вопросам, которые все еще находятся на рассмотрении суда. Миссис Бейтс, которая изучала доселе почти неизвестные племена Западной Австралии, обещает написать книгу об их верованиях и институтах, а мистер Н. У. Томас работает над томом об австралийских институтах. В этом месте автор может обратить внимание только на эти новые источники и на обещанное третье издание "Золотой ветви" мистера Фрейзера.

А. Л.

ПРЕДИСЛОВИЕ К НОВОМУ ИЗДАНИЮ.

Оригинальное издание книги "Миф, ритуал и религия", опубликованное в 1887 году, давно вышло из печати. При переработке книги я привел ее в соответствие с идеями, выраженными во второй части моего труда "Создание религии" (1898), и исключил некоторые отрывки, которые на момент появления книги в свет были несовместимы с ее основным тезисом. В некоторых случаях оригинальные отрывки сохранены в примечаниях, чтобы показать характер развития мнений автора. Пара спорных фрагментов была удалена, а главы xi и xii, посвященные религии низших рас, были полностью переписаны на основе более свежей или более ранней информации, полученной в последнее время. Суть книги в ее нынешнем виде и в том, в каком она была изначально, содержится в следующих строках из предисловия 1887 года: "Хотя предпринимается попытка показать, что более дикие черты мифа сохранились, или были заимствованы, или имитировались идеями людей, находящихся в диком состоянии мышления, повсюду настаивается на существовании — даже среди дикарей — сравнительно чистых, хотя и невнятных религиозных верований". Я придерживаюсь этого мнения и надеюсь, что сейчас оно выражено с большей последовательностью, чем в первом издании. Я вижу все больше и больше оснований сомневаться в обоснованности "теории привидений", или анимистической гипотезы, как объясняющей всю структуру религии; и я привожу аргументы против утверждения мистера Тайлора о том, что высшие концепции веры дикарей заимствованы у миссионеров.⁽¹⁾ Однако очень возможно, что у мистера Тайлора есть аргументы более весомые, чем те, которые содержатся в его статье 1892 года. Ибо наша информация пока неадекватна научной теории происхождения религии и, вероятно, никогда не будет адекватной. За расами, которые мы должны считать "ближайшими к началу", стоят их неизвестные предки из далекого прошлого, такие же люди, как и мы, но о чьем психическом и моральном состоянии мы можем строить только догадки. Среди них возникла религия в обстоятельствах, о которых мы по необходимости ничего не знаем. Таким образом, я лишь осмеливаюсь высказать предположение о зародыше веры в Творца (если я не хочу говорить "Создатель") и Судью людей. Но что касается того, возникла ли высшая религиозная вера или низшие мифические истории первыми, мы, по крайней мере, уверены, что христианское представление о Боге, данное в чистом виде, вскоре было искажено популярной фантазией Европы в нью-Марчене относительно Божества, Мадонны, ее Сына и Апостолов. Здесь, за пределами возможности отрицания, на первом месте стояла чистая вера, а уже после к ней прилагалась причудливая легенда. Я склонен предположить, что так было всегда, и на страницах "Легенды о Зевсе" я показываю процессы вырождения, мифические наросты на вере в Небесного Бога в действии. Что "чувство религиозной преданности" свидетельствует о "высоких способностях" древнего человека (таких, в которых часто отказывают людям, которые "не могут сосчитать до семи"), и что "такие же высокие умственные способности... это безошибочно привело бы его, пока его способность рассуждать оставалась слабо развитой, к различным странным суевериям и обычаям", - таково было убеждение мистера Дарвина.⁽²⁾ Таково и мое мнение, и я отмечаю, что низшие дикари еще не виновны в самых худших обычаях, таких как "принесение людей в жертву кровожадному Богу" и испытания ядом и огнем, на которые ссылается мистер Дарвин. "Совершенствование нашей науки" освободило нас от злодеяний, которые неизвестны андаманцам или австралийцам. Таким образом, в отношении этих аспектов морали по мере развития общества имело место вырождение из дикости, и я полагаю, что вырождение имело место и в религии. Говорить это не значит намекать на теорию сверхъестественного откровения древнейшим людям, теорию, которую я должен, в конечном счете, отвергнуть.

(1) Тайлор, "Пределы религии дикарей". Журнал Антропологического института, том xxi.

(2) Происхождение человека, стр. 68, 1871.

В томе ii. стр. 19 в примечании содержится ссылка на критику мистером Хартлендом моих идей об австралийских богах, изложенных в книге "Создание религии". Мистер Хартленд, любезно прочитавший главы об австралийской религии в этой книге, не считает, что мое примечание на стр. 19 соответствует сути его аргументации. Что касается австралийцев, я имею в виду не более того, что среди бесконечных низких мифов некоторые из них обладают верой в "творца всего", первобытное существо, все еще существующее, наблюдающее за поведением, наказывающее за нарушение своих законов и, в некоторых случаях, вознаграждающее за добро в будущей жизни. Конечно, это зародыши сочувствующей религии, даже если рассматриваемое таким образом существо смешано с аморальными или юмористическими противоречивыми мифами. Моей позиции не вредят подобные мифы, которые встречаются во всех старых религиях, а в средние века новые мифы были связаны со священными фигурами христианства в поэзии и народных сказаниях.

Таким образом, если в религии нет ничего "священного", потому что также встречаются дикие или порочные басни о богах, то нет ничего "священного" почти ни в одной религии на земле.

Однако точка зрения мистера Хартленда, по-видимому, заключается в том, что при создании религии я выбрал определенные австралийские верования как особенно "священные", которые следует отличать от других, потому что они прививаются в религиозных мистериях некоторых племен. Таким образом, его цель - раскрыть низкие, дикие, безнравственные мифы, насаждаемые Мистериями, и таким образом разрушить линию, проведенную мной между религией, с одной стороны, и мифами или просто народными преданиями, с другой. Итак, существует существо по имени Дарамулун, об обрядах которого среди Бормотания на Побережье я кратко изложил рассказ мистера Ховитта. (1) Из заявления г-на Гринуэя (2) г-н Хартленд узнал, что имя Дарамулун, как говорят, означает "нога набок" или "хромой". Поэтому он с тонким юмором отзывается о Дарамулуне как о "творце с игровой ногой", хотя, когда два превосходных лингвиста, мистер Ридли и мистер Гринуэй, выводят "Байаме" из "Камиларой байа", "создавать", мистер Хартленд отнюдь не так уверен в смысле этого названия. Оказывается, ему это неудобно! Пусть имена означают что угодно, мистер Хартленд находит в некрологе мистера Ховитта (до того, как он был посвящен), что Дарамулун, как говорят, "умер" и что его дух теперь вознесся ввысь. Кто и где так говорит, нам не сообщают, (3) а вопрос важный.

(1) J. A. I., xiii. стр. 440-459.

(2) Там же, xxi. стр. 294.

(3) Там же, xiii. стр. 194.

Ибо вираиджури В СВОИХ МИСТЕРИЯХ рассказывают миф о каннибальском поведении Дарамулуна, а также об обмане и недостатке знаний в Байаме. (1) Об этом я не знал или пренебрег этим, поскольку я прямо сказал, что следую рассказу мистера Ховитта, где ничего подобного не упоминается. Мистер Ховитт, фактически, описал Тайны Прибрежного Мурринга, в то время как рассказчик низких мифов, мистер Мэтьюз, описал тайны отдаленного племени вираиджури, у которого Дарамулун не вождь, а подчиненное лицо. Как друзья мистера Мэтьюса могут сразу утверждать, что Дарамулун был "уничтожен" Байаме (их главным божеством), а

также что голос Дарамулуна слышен на их обрядах, я не знаю.(2) Я также не знаю, почему м-р Хартленд берет миф о племени, где Дарамулун - "злой дух, правящий ночью", (3) и представляет его в качестве аргумента против веры в далекое племя, где, по словам м-ра Ховитта, Дарамулун - не злой дух, а "повелитель" всего сущего, чье обиталище находится над небом, и кому приписываются силы всемогущества и вездесущности, или, во всяком случае, способность "делать что угодно и идти куда угодно".... К его непосредственным постановлениям относятся социальные и моральные законы общества". (4) Это не "злой дух"! Когда мистер Хартленд устраивает скандалы в отдаленном племени другой веры, чтобы дискредитировать веру Прибрежных Муррингов, он с таким же успехом может приписать Свободной Церкви "ошибки Рима". Но мистер Хартленд делает это!(5) Будучи "искусным фехтовальщиком", он может ответить, что я также вольно отождествил вираиджури и Береговой Мурринг как о безразличных дарамулунитах. Я сделал это, и я был неправ, и мой критик должен был не принимать, а разоблачать мою ошибку. Вириджури Дарамулун, который был уничтожен, но который является "злым духом, правящим ночью", не является Мурчащим стражем и основателем признанной этики.

(1) J. A. I., xxv. стр. 297.

(2) Там же, май 1895 г., стр. 419.

(3) Там же.

(4) Там же, xiii. стр. 458, 459.

(5) Фольклор, ix., № iv., стр. 299.

Но в мистериях Вириджури мастер, Байаме, обманывает женщин относительно Мистерий! Для НАС это шокирует, но вводить женщин в заблуждение относительно этих тайн, по мнению австралийцев в целом, необходимо для безопасности мира. Более того, мы слышали о лживом духе, посланном обманывать пророков в гораздо более высоком вероучении. Наконец, в мифе о Тайне вириджури Байаме не всеведущ. Действительно, даже цивилизованные расы не могут удержаться на уровне этих религиозных концепций, а не удерживаться на этом уровне — это мифология. Аполлону в гимне Гермесу, исполняемом по священному случаю, нужно спросить у старого виноградаря совета. Гиперион "все видит и все слышит", но нуждается в том, чтобы его дочери сообщили ему об убийстве его коров. Господь в Книге Иова должен спросить сатану: "Откуда ты пришел?" То ради драматического эффекта, то из чистой неспособности жить на уровне своей высшей мысли человек мифологизируется и очеловечивается, как в Греции или Израиле, так и в Австралии.

Из этого не следует, что в его религии нет "ничего святого". Мистер Хартленд приводит мне соответствующий пример. В "Австралийских легендарных сказках миссис Лэнглох Паркер" (стр. 11, 94) рассказывается о низких приключениях Байаме. В ее "More Australian Legendary Tales" (стр. 84-99) описан очень поэтический и очаровательный аспект веры в Байаме. Мистер Хартленд говорит, что я "постараюсь отложить" первую серию историй в сторону, как "своего рода шутку, в которой нет ничего священного". Не я, а само племя нунгахбурра проводит это существенное различие. Миссис Лэнглох Паркер говорит: (1) "Предыдущие серии" (с мифами лоу-Байаме) "были все такими легендами, которые рассказывают черным пиканингам; среди нынешних есть такие, которые им не разрешили бы слушать, поскольку они касаются священных вещей, табу для молодежи". Черные проводят черту, которую, как говорят, стремлюсь провести я.

(1) Другие легендарные рассказы, стр. xv.

В еще одном случае (1) гротескные охотничьи приключения Байаме рассказываются в мистериях и иллюстрируются священными временными изображениями на поднятой земле. Я этого не знал; я просто следовал за мистером Ховиттом. Но я в этом не сомневаюсь. Мой ответ таков: в греческих мистериях было "что-то священное", что-то очищающее, облагораживающее, утешающее. Для этого Лобек собрал (и принизил) свидетельства Пиндара, Софокла, Цицерона и многих других, в то время как даже Аристофан, как проф. Кэмпбелл замечает: "У нас есть яркое солнце и веселая жизнь только у тех, кто прошел посвящение и жил благочестиво по отношению к незнакомцам и частным лицам". (2) Безопасность и душевный покой в этом мире и в будущем, мы не знаем, каким образом, были вложены в сердца Пиндара и Софокла в "Мистериях". И все же, если мы вообще можем доверять Отцам, там были сцены разврата, как в Мистериях фиджийцев (Нанга) было шутовство ("чтобы позабавить мальчиков", - говорит мистер Хоуитт о некоторых австралийских обрядах), история Баубо - это только один пример, и в других мистериях, помимо элевсинских, мы знаем о ряженных, в которых абсурдная история о Зевсе рассказывается в связи с дубовым бревном. И все же, несомненно, в вере в Зевса было "что-то священное"! Давайте судить об австралийцах так, как мы судим о греках. Заповеди "говорить чистую правду", бескорыстие, избегание ссор, обид по отношению к "незащищенным женщинам", противоестественных пороков, несомненно, передаются в Мистериях одних племен, а у других - знание имени и природы "Отца нашего", Мунганнгаура. То, что тотемистический танец, или лечебный танец охоты на эму, также демонстрируется (3) на определенных мистериях данного племени, и что о Байаме говорят как о герое этого балета, не больше лишает австралийское моральное и религиозное учение (о Мистериях) священной ценности, чем глупая непристойность, посредством которой Баубо рассмешил Деметру, разрушает святость Элевсинии, на которой красноречиво останавливаются Пиндар, Софокл и Цицерон. Если австралийским мистам в самый торжественный момент их жизни показывают скучный или грязный божественный балет, то что же увидел Софокл, искупавшись со своей свиньей? Многие вещи были далеки от назидания, но также был представлен священный элемент религиозной надежды и веры. Так обстоит дело и в Австралии.

(1) J. A. I., xxiv. стр. 416.

(2) Религия в греческой литературе, стр. 259. К сожалению, ученый профессор не приводит никаких ссылок. Греческие мистерии рассматриваются позже в этом томе.

(3) См. Рисунок Австралии, 1829, стр. 264.

Эти исследования должны быть сравнительными, иначе они ничего не стоят. Поскольку мистер Хартленд называет Дарамулуна "вечным Творцом с охотничьей ногой", который "умер", он может назвать Зевса "вечным отцом, который проглотил свою жену, возлежал со своей матерью и сестрой, занимался любовью как лебедь и умер, более того, был похоронен на Крите". Я не думаю, что мистер Хартленд назвал бы Зевса "богом-призраком" (моя собственная фраза) или подумал бы, что он набрал бы очко против меня, если бы я говорил о священных и этических качествах Зевса, которому поклонялся Эвмей в "Одиссее". Он не стал бы так юмористично отзываться о Зевсе и не впал бы в невежество по отношению к эленчи. Ибо я никогда не утверждал, что у какого-либо австралийского племени была чистая теистическая концепция, не запятнанная мифами и шутовством. Мой аргумент заключался в том, что среди их идей есть идея сверхчеловеческого существа, непрестанного (если я не могу сказать вечного), создателя

(если я не могу сказать Творца), хранителя определенной, ни в коем случае не презренной этики, которую я никогда не провозглашал сверхъестественно вдохновенной! Это не ответ мне, если сказать, что в Мистериях или вне их рассказываются низкие басни об этом существе и разыгрываются буффонады. Ибо, хотя я и говорю, что в Мистериях преподаются определенные высокие идеи, я не думаю, что утверждаю, что в Мистериях не рассказываются низкие мифы.

Я пользуюсь этой возможностью, как самой ранней, чтобы извиниться за ошибку в моем представлении о религии, касающуюся отрывка из "Примитивной культуры" моего друга мистера Э. Б. Тайлора. Мистер Тайлор процитировал (1) отрывок из "Истории Вирджинии" капитана Джона Смита, приведенный в Пинкертоне, xiii. стр. 13-39, 1632. В этом отрывке не упоминается виргинское божество по имени Ахоне, но назван "Оки", другой, более свирепый бог. Я заметил, что если бы мистер Тайлор воспользовался "Историей страданий" Стрейчи (1612), он нашел бы "слегка измененную копию" текста Смита 1632 года, в которой Ахон превосходит Оки. Я добавил в примечании (стр. 253): "Существует описание Вирджинии, сделанное У. Стрейчи, включая замечания Смита, опубликованные в 1612 году. Стрейчи переплел часть этой работы со своей рукописью, хранящейся в Британском музее. "Здесь, как сейчас будет показано, я допустил ошибку вместе с редактором "Стрейчи" 1849 года и автором статьи о Стрейчи из "Национального биографического словаря". То, что мистер Тайлор процитировал из издания Смита 1632 года, уже появилось в 1612 году в книге (Карта Вирджинии с описанием страны), которая на титульном листе обозначена как "написанная капитаном Смитом", хотя, по моему мнению, у Смита, возможно, был соавтор. Нет никаких доказательств того, что Стрейчи имел какое-либо отношение к этой книге 1612 года, в которой нет упоминания об Ахоне. Мистер Арбер датирует рукопись Стрейчи (в которой встречается Ахон) 1610-1615 годами. (2) Я сам, по причинам, о которых в настоящее время не сообщается, датирую рукопись в основном 1611-1612 годами. Если мы с мистером Арбером правы, Стрейчи, должно быть, имел доступ к рукописи Смита до того, как она была опубликована в 1612 году, и мы увидим, как он ее использовал. Я хочу здесь сказать, что Стрейчи упомянул Ахона (в MS.) до того, как была опубликована книга Смита 1612 года. Этого нельзя было понять из посвящения Бэкону, помещенного перед рукописью Стрейчи, поскольку это посвящение не могло быть датировано ранее 1618 года. (3) Теперь я прошу разрешения обсудить свидетельства ранней дохристианской веры в изначального Творца, которой придерживались индейские племена от Плимута, в Новой Англии, до острова Роанок, недалеко от Южной Вирджинии.

(1) Прим. Культ. ii. стр. 342.

(2) Арбер-Смит, стр. cxxxiii.

(3) Общество Хаклуит, Стрейчи, 1849, стр. xxi., xxii.

БОГ АХОНЕ.

Вставка явного плагиата в работу уличенного лжеца, как правило, не является веским доказательством. И все же можно утверждать, что это все имеющиеся у нас доказательства существования в ранней Виргинии веры в доброго Творца по имени Ахон. Дело обстоит таким образом: в 1607-1609 годах знаменитый капитан Джон Смит пережил в Виргинии страдания и приключения. В 1608 году он отправил Совету на родине карту MS. и описание колонии. В 1609 году он вернулся в Англию (октябрь). В мае 1610 года Уильям Стрейчи, джентльмен, прибыл в Вирджинию, где он был "государственным секретарем" лорда Де ла Варра. В 1612 году Стрейчи

и Смит оба были в Англии. В том же году Барнс из Оксфорда опубликовал Карту Вирджинии с описанием и т.д., "написанную капитаном Смитом", согласно титульному листу. К письму прилагалась подборка из различных источников, отредактированная "W. S.", то есть НЕ Уильямом Стрейчи, а доктором Уильямом Саймондсом. В том же 1612 или 1611 году Уильям Стрейчи написал свою "Историю страданий в Виргинии Британии", по крайней мере, до страницы 124 издания Хаклюита 1849 года.(1)

(1) Доказательство см. на стр. 24. третья строка снизу страницы, где указано 1612. Опять же, смотрите стр. 98, строка 5, где "в прошлом году" датировано как "1610, около Рождества", что позволяет отнести работу Стрейчи на данный момент фактически к 1611 году; то есть до публикации Смита. Снова, стр. 124: "в прошлом году, когда я был у Водопада" (на реке Джеймс), "я нашел в доме индейца некие когти... который я увез с собой в Англию".

Если Стрейчи, который уехал с лордом Де ла Варром в качестве секретаря в 1610 году, вернулся с ним (что вполне вероятно), он отплыл в Англию 28 марта 1611 года. В этом случае он был в Англии в 1611 году, и процитированные отрывки оставляют сомнение в том, написал ли он свою книгу в 1611, 1612 или в оба года.(1)

(1) Мистер Арбер датирует рукопись "1610-1615" и приписывает "Законам Стрейчи для Вирджинии" 1612 год.

Стрейчи воплотил в своей работе значительные фрагменты Карты Вирджинии и описания Смита, написанные в 1608 году и опубликованные в 1612 году. Однако он постоянно покидает Смита, добавляя более свежую информацию, размышления и ссылки на древних классиков с намеками на свои собственные путешествия по Леванту. Его глоссарий гораздо обширнее, чем у Смита, и он вставляет в оригинал местную песню о триумфе над англичанами.(1) Теперь, когда Стрейчи переходит к религии туземцев (2), он посвящает восемнадцать страниц (по большей части словоблудию) пяти из них, написанных Смитом.(3) То, что Смит (1612) говорит об их главном боге, я цитирую, помещая рядом версию Стрейчи (1611-1612).

(1) Стрейчи, стр. 79-80. Возможно, он позаимствовал эту песню у Кемпса или Мачампса, дружелюбных местных жителей.

(2) С. 82-100.

(3) Арбер, стр. 74-79.

СМИТ (Опубликовано в 1612 году).

Но их главный Бог, которому они поклоняются, - Диуэлл. Его они называют Оке и больше боятся его, чем луи. Они говорят, что провели с ним совещание и придали себе форму, максимально приближенную к его фигуре, насколько они могут себе представить. В своих Храмах они искусно вырезают его изображение, а затем раскрашивают и украшают цепочками, медью и бисером; и покрывают кожей таким образом, чтобы уродство вполне подходило такому Богу. Рядом с ним обычно находится гробница их Царей.

СТРЕЙЧИ (Написано в 1611-12 годах).

Но их главный бог, которому они поклоняются, на самом деле не кто иной, как дивелл, которого они изображают и скрывают под видом идола, которого они называют Океусом, и которому они

поклоняются, как римляне поклонялись своему зловредному богу Вейовису, больше из страха перед хармом, чем в надежде на что-либо хорошее; они говорят, что у них совещание с ним, и одеваются настолько близко к его облику, насколько они могут себе представить. В каждом weroance-это храм, и священник, может быть, два или thrie; еще happie ли что weroance ассомпт сам, кто может detainе с ним Quiyough-quisock, из лучших, серьезный, везучий, хорошо ориентироваться в их misteryes, и возлюбленного своего бога; а такому человеку ное ща почетный тогда Диана священника в Ефесе, для которой у них больше частных храмов, часовни и chauncells в нем, как достоинство и уважение Quiyough-quisock, где weroance wilbe при начислении опираться на цели, sometyme двадцать фут широкий и СТО в длину, смастерил беседку по Wyse после их buylding, имея часто Доре открытие на восток, и на Запад прекратить Спенс или chauncell из тела храма, с полым wyndings и пиллерс, на которой стоят дайверов черный imagies, вылепленные плечи, их лица, глядя на церковь, и где в их weroances, на вид Бире из reedes, щелочь buryed; и под ними, Помимо, в хранилище низко в землю (как более secrett вещь), затем склонила матовая, ООО "ситц" их Okeus, образ жестокого favouredly резной, весь в черном одетый, с chaunes из перле, изложению и фигурой, что Бог (сказать священниками прихожан, и которые свято верите в то, что священники Саи) что открылось их все harme они страдают, быть YT в их телах или товара, в течение dooges или за рубежом; и правда YT составляет многие из них водолазы tymes (especyally offenders) проникательно царапается как они Вальке в одиночестве в лесу, YT может быть по subtile духа, malicious враг человечества, которых, таким образом, чтобы расefie и тверд в ДОУ них хорошие (по крайней мере, не harme) в священники говорят им, что они должны делать вот так и эти жертвоприношения ему (им) этих и этих вещей, и так и так часто, что meanes не только их хозяин Мухтара детей, но straungers, иногда жертву приносили к нему: несмотря на то, великого бога (жрецы скажут них), которые governes всему миру, и заставляет солнце светить, создавая Луна и звезды его comranyons, великих держав, и что жить с ним, и чьи добродетели и влияет на то, под землей закаляется и приносит ее fruiets по ее словам сезонов, они звонили Ahone; на хороший и Праведный Бог требует таких dutyes, ни раздвинуть быть века сего, ибо он intendeth все хорошее к ним, и ДОУ ное harme, только недовольно Okeus, заглядывая во все мужские accions и изучение же по тяжелой шкала справедливости, суд над согрешающими следует их sicknesse, бьет их, и поражает своей спелой кукурузы с подрывов, stormes, и гром clapps, stirrs доВарре, и делает их женщинами правдой к ним. Таковы страдания и рабство, в которые Сатан заключил этих жалких негодяев.

Я начал с того, что назвал Стрейчи плагиатором. Теперь читатель заметит, что он дает гораздо больше, чем берет. Например, его рассказ о храмах гораздо более полон, чем у Смита, и он добавляет к версии Смита характер и существо Ахоне, как то, что "священники говорят им". Следовательно, я утверждаю, что дополнения Стрейчи, если они справедливы для храмов, не дискредитируют Никого только потому, что они включены в рамки Смита. Насколько я понимаю этот вопрос, Карта Вирджинии Смита (1612) является исправленной копией с дополнениями, сделанной Смитом или другим автором этого описания, которое он отправил домой в Совет Вирджинии в ноябре 1608 года. (1) К книге 1612 года была добавлена часть "Отношений" разных рук, отредактированная У. С., а именно доктором Саймондсом. Редактор Стрейчи в 1849 году считал У. С. Стрейчи и предположил, что Стрейчи был настоящим автором Карты Вирджинии Смита, так что в своей "Истории страданий" Стрейчи просто забрал обратно свою собственную. Он не забрал обратно свою; он использовал рукопись Смита, еще не опубликованную, если мистер Арбер и я правильно датируем РУКОПИСЬ Стрейчи 1610-15 или 1611-12 годами. Почему

Стрейчи поступил таким образом, можно только догадываться. Как ученый, хорошо знакомый с Вирджинией, и как секретарь колонии, он должен был иметь доступ к рукописи Смита 1608 года среди документов Совета до ее публикации. Смит заявляет, что он "не ученый".(2) С другой стороны, Стрейчи любит хвастаться знанием латыни и греческого. Он обладает любопытными, хотя и неточными, знаниями об эзотерических греческих и римских религиозных древностях и при написании книги "Религия" использует сравнительный метод. Стрейчи, однако, взял на себя труд скопировать фрагменты Смита в свою собственную большую работу, которую он так и не отдал в типографию.

(1) Арбер, стр. 444.

(2) Арбер, стр. 442.

Теперь что касается Эйона. Моим аргументам соответствует предположение, что рассказ Стрейчи не менее достоверен, чем его описание храмов (проиллюстрированное картиной Джона Уайта, который был в Вирджинии в 1589 году) и рассказ о Большом зайце из американской мифологии.(1) Это представление о Создателе из Вирджинии, "нашем главном боге", "который принимает облик зайца", было получено, по словам Стрейчи, "в прошлом 1610 году" от брата короля Потомака, мальчика по имени Спилман, который говорит, что Смит "продал" его Поухэттену.(2) В своем собственном кратком повествовании Спилман (или Spilman) ничего не говорит о Космогонической легенде о Большом Зайце. Эта история всплыла, когда капитан Арголл рассказывал брату Паухэттана о сотворении мира в Книге Бытия (1610).

(1) Стрейчи, стр. 98-100.

(2) "Рассказ Спилмана", Арбер, сх.-cxiv.

Теперь Большой заяц Стрейчи принят мифологами, в то время как к Ахоне относятся с подозрением. Человек не соответствует антропологическим представлениям, заяц подходит им гораздо лучше. Более того, и это еще более важно, имеется множество подтверждающих свидетельств в пользу Оке и Зайца Мичабо, который, по словам доктора Бринтона, "изначально был высшим божеством, признанным ими, могущественным и благотельным превыше всех остальных, творцом небес и мира", как, собственно, и Ахоне. И доктор Бринтон объясняет нам, что изначально Мичабо означал не Великого Зайца, а "дух света".(1) Таким образом, первоначально Красные люди поклонялись "Духу Света, творцу небес и мира". Стрейчи ни на что больше этого не претендует. Теперь, конечно, доктор Бринтон, возможно, прав. Но я уже выразил свое крайнее недоверие к филологическим процессам, с помощью которых он извлекает "Великий Свет, дух света" из Мичабо, "вне всякого сомнения!" По моему скудному мнению, какими бы претензиями ни обладал Мичабо как уникальный создатель земли и небес — "Бог есть Свет", — своим мифическим обликом Зайца он обязан чему-то иному, чем бессознательному каламбуру. В любом случае, по словам доктора Бринтона, Мичабо, рассматриваемый как творец, эквивалентен Человеку Стрейчи. Я могу потребовать от индейцев Потомака такого количества подтверждений веры в Ахоне на реке Джеймс. Доктор Бринтон, как известно, не верит в американский "монотеизм".(2)

(1) Мифы Нового Света, стр. 178.

(2) Мифы Нового Света, стр. 53.

Однако противники подлинности Ахоне, несомненно, возразят: "Что касается Оке, или Оки, как грозного существа или духа, или общего имени для подобных персонажей, у нас есть множество свидетельств, подтверждающих версию Смита. Но какие свидетельства в отношении Эйхона подтверждают показания Стрейчи? Я должен признаться, что у меня нет явных подтверждающих доказательств в пользу Эйхона, но тогда у меня нет доступной библиотеки ранних книг о Вирджинии. Теперь ясно, что если бы я нашел и представил доказательства в пользу Ахоне еще в 1625 году, я бы сразу же столкнулся с возражением, что между 1610 и 1625 годами христианские идеи загрязнили местные верования. Таким образом, если я найду Ахоне или божество с подобными атрибутами очень рано, он не пригодится для моей цели. Да я и не очень-то рассчитываю найти его. Но находим ли мы массачусетского Бога Уинслоу, Кихтана, названного В ЧЕСТЬ 1622 года ("Я только прошу информацию"), и если мы этого не сделаем, помешает ли это мистеру Тайлору процитировать Кихтана, явно полагаясь на доказательства?(1)

(1) Первобытная культура, ii. стр. 342.

Опять же, Человек, хотя и первобытный и созидательный, по словам Стрейчи, является партнером по сну. У него нет жертвоприношения, и о нем не упоминается ни храм, ни идол. Следовательно, вера в Ахоне могла быть обнаружена только в результате расследования, в то время как фигуры Оке или Океуса и его заслуги были обычными и бросающимися в глаза.(1) Что касается Оке, я не совсем понимаю позицию мистера Тайлора. Резюмируя Лафитау, покойного писателя 1724 года, мистер Тайлор пишет: "Весь класс духов или демонов, известных карибам под именем семи, на алгонкинском как маниту, на гуронском как оки, Лафитау теперь пишется с заглавной буквы и превращает каждого из них в высшее существо".(2) Однако в "Примитивной культуре", ii., 342, 1891, мистер Тайлор упомянул смитовского Оки (с большой буквы) как "главного бога" виргинцев в 1612 году. Как можно утверждать, что Лафито возвел оки в ранг Оки и, таким образом, создал бога из "класса духов или демонов" в 1724 году, когда мистер Тайлор уже цитировал Оки Смита с большой буквы как "главного бога" в 1612 году? Смит, которого за то же самое упрекнул мистер Тайлор, даже отождествил Оки с дьяволом. Лафито, конечно, не положил начало этому ошибочному представлению об Оки как о "главном боге" среди виргинцев. Если я не могу сегодня привести подтверждения в пользу бога по имени Ахоне, я могу, по крайней мере, показать, что от севера Новой Англии до юга Вирджинии существуют ранние свидетельства, приведенные мистером Тайлором, в пользу веры в первичное творческое существо, близко аналогичное Ахоне. И это свидетельство, я думаю, отчетливо доказывает, что такое существо, как Ахоне, было по силам индейцам в этих широтах. Мистер Тайлор, должно быть, думал в 1891 году, что туземцы способны верить в верховное божество, поскольку он сказал: "Еще одно известное индейское имя верховного божества - Оки".(3) Однако в эссе 1892 года Оки, по-видимому, не существует как имя бога до 1724 года. Теперь мы можем, в поисках более ранних свидетельств, обратиться к мастеру Томасу Гериоту, "тому ученому математику", "который говорил на индийском языке" и был с отрядом, покинувшим Виргинию 18 июня 1586 года. Они находились в 130 милях к северу и в 130 милях к северо-западу от острова Роанок, что приводит их по соседству со страной Смита и Стрейчи. Гериот пишет о местных верованиях: "Они верят, что существует много богов, которых они называют Мантоак, но разных видов и степеней. Также, что есть один главный Бог, который был от всей вечности, который, как они говорят, когда он намеревался сначала сотворить мир, сначала создал других богов главного порядка, чтобы они были инструментами для использования в Творении и последующем Управлении, а после Солнца, Луны и Звезд были мелкими богами, а

инструменты другого порядка - более важными.... Они думают, что все боги имеют человеческий облик", и представляют их антропоморфными идолами. Идол, или изображение, "Кеваса" (множественное число - "Кевасовок"), помещается в храмах, "где они поклоняются, молятся и делают много подношений". Хорошие души отправляются радоваться к богам, плохие сгорают в Попогуссо, великой яме, "где заходит солнце". Доказательством этой теории будущей жизни, как обычно, являются истории людей, которые умирали и возрождались снова, история, найденная в десятке широко разделенных регионов, вплоть до наших дней, когда смерть, возрождение и откровение произошли с основателем новой религии Арапахо - Танца Призраков. Вера "работает во имя праведности". "Обычный вид... будьте очень осторожны, чтобы избежать мучений после смерти и наслаждаться блаженством", также они "очень уважают своих Правителей".

(1) Изображение Оки еще в 1607 году было использовано в битве против Смита, который захватил бога в плен (Арбер, стр. 393). Таким образом, никто не был в качестве доказательства.

(2) Антропологический журнал. Инст., февраль 1892 г., стр. 285, 286.

(3) Первичный. Культ, ii. стр. 342.

Эта вера в главного бога "от всей вечности" (то есть необъяснимого происхождения) может быть неудобна некоторым спекулянтам, но она точно подтверждает рассказ Стрейчи об Агоне как создателе с подчиненными. Свидетельство датируется 1586 годом (за двадцать шесть лет до Стрейчи), и, как и Стрейчи, Гериот приписывает "священникам" всю схему верований. "Это суть их религии, которую я узнал, будучи особенно знакомым с некоторыми из их священников". (1) Я не вижу выхода из заключения, что виргинцы верили так, как говорит Гериот, за исключением утверждения, что они быстро позаимствовали некоторые идеи Гериота и утверждали, что эти идеи когда-то были их собственными. Гериот, конечно, не узнал эту личность. "Беседуя с нами, они прониклись большими сомнениями в своей собственной религии и немалым восхищением нашей; о которой многие желали узнать больше, чем мы могли выразить из-за отсутствия средств выражения на их языке". Так что Гериот не мог быть утонченным на родном языке. Гериот делал все возможное, чтобы обратить их в свою веру: "Я сделал все возможное, чтобы Его бессмертная слава стала известна". Его усилия увенчались успехом главным образом благодаря неистовому восхищению нашими ружьями, математическими инструментами и так далее. Эти источники пробудившегося интереса к христианству исчезли бы с полным разрушением и замешательством колонии, если бы несколько пленников, позже убитых, не обучили туземцев нашей религии.(2)

(1) По словам Стрейчи, Гериот мог говорить на родном языке.

(2) Рассказ Гериота, стр. 37-39. Куорич, Лондон, 1893.

Я приведу еще один ранний пример божества Новой Англии, родственного Ахону, с заместителем, другом магов, таким как Оки. Этот отчет содержится во Всеобщей истории Новой Англии Смита, 1606-1624. Мы отправили колонию в 1607 году; "все они вернулись в 1608 году", оценив страну как "холодную, бесплодную, гористую, каменистую пустыню". Я склонен полагать, что они не посеяли плодоносящих семян благодати среди туземцев в 1607-1608 годах. Но миссионерские усилия французских торговцев, конечно, могли быть благословлены; я также не могу отрицать, что желтоволосый мужчина, чей труп был найден в 1620 году с какими-то железными предметами, возможно, обратил туземцев в ту веру, которой они придерживались.

Однако нам говорят, что эти принципы восходили к глубокой древности. Я цитирую Э. Уинслоу, отредактированного Смитом (1623-24):—

"Те, кто живет на этой Плантации (Нью-Плимут), говорят, что Киэтан (1) создал всех остальных Богов: также одного мужчину и одну женщину, а с ними и все человечество, но как они оказались настолько рассеянными, они не знают. Они говорят, что сначала не было царя, кроме Киетана, что обитает далеко на западе, за небесами, куда попадают все хорошие люди после смерти и где у них всего вдоволь. Плохие тоже идут туда и стучат в дверь, но ("дверь закрыта") он велит им идти скитаться в бесконечной нужде и несчастье, ибо они там не останутся. Они никогда не видели Киехтана, (2) но они считают великим долгом, чтобы одна раса учила другую; и в честь него они устраивают пиры, плачут и поют о изобилии и победе, или о чем-нибудь хорошем.

(1) В 1873 году мистер Тайлор счел "правдоподобной" этимологию слова Kiehtan, предложенную доктором Бринтоном как = Kittanitowit = "Великий Живой Дух". В своем издании 1891 года он опускает эту этимологию. Лично я полностью не доверяю филологическим теориям первоначального значения древних божественных имен как общему правилу.

(2) "Они никогда не видели Киетана". Итак, примерно в 1854 году "Обычный ответ интеллигентных чернокожих парней из Барвона, когда их спрашивают, знают ли они Байаме ... таков: "Камил зайя зумми Байаме, зайя винузгулда"; "Я не видел Байаме, я слышал или воспринимал его". Если их спрашивают, кто сотворил небо, землю, животных и человека, они всегда отвечают "Байаме". Дарамулун, согласно тому же авторитету из Квинсленда Лэнга, был фамилльяром колдунов и появлялся в виде змеи. Это соответствует, как я показываю, Хобамоку, подчиняющему силу Киетану в Новой Англии и Оки, фамилльяру магов в Вирджинии. (Ридли, J. A. I., 1872, стр. 277.)

"У них есть другая Сила, которую они называют Хобамок, которую мы воспринимаем как Дьявольскую, и к нему они взывают, чтобы исцелить свои раны и болезни; когда они излечимы, он убеждает их, что послал их, потому что они вызвали его неудовольствие; но, если они смертны, тогда он говорит: "Их послал Киетан"; что заставляет их никогда не обращаться к нему в своих болезнях. Они говорят, что этот Хобамок иногда является им в виде человека, оленя или орла, но чаще всего в виде змеи; не всем, но их Способностям излечивать болезни и нежелательных существ... и это такие, которые колдуют в Вирджинии и заставляют людей делать то, что они перечисляют ". Уинслоу (или, скорее, Смит, редактирующий здесь Уинслоу) уже сказал: "Они, как и виргинцы, верят во многие божественные силы, но в одну превыше всех остальных, как южные виргинцы называют своего главного бога Кевассу (ошибка), и в то, что мы сейчас населяем Оке.... Массачусетцы называют своего великого бога Кихтан".(1)

(1) Арбер, стр. 767, 768.

Итак, здесь, у Гериота (1586), Стрейчи (1611-12) и Уинслоу (1622), мы находим довольно гармоничные описания полидемонизма с главным, первичным, творческим существом над ним и за ним; существом безымянным, а также Ахоном и Киетаном.

Является ли все это изобретением? Или все это было заимствовано у европейцев до 1586 года, и, если да, то у каких европейцев? М-р Тайлор в 1873 году писал: "После должной поправки на неправильное понимание ответов дикарей и заимствование мыслей белых людей, вряд ли можно судить о том, что божественное существо, характеристики которого часто так непохожи

на то, что могло бы предложить европейское общение, и о котором слышали такие ранние исследователи среди таких отдаленных племен, могло быть божеством иностранного происхождения". ТЕПЕРЬ он "вряд ли может быть ПОЛНОСТЬЮ божеством иностранного происхождения". (1) Я согласен с более ранним заявлением мистера Тайлора. На мой взгляд, Ахоне-Океус, Кихтан—Хобамок, соответствуют первой паре обычно невидимых австралийских Байаме (хрустальное или гипнотическое видение Байаме едва ли в счет), в то время как вторая пара, Океус и Хобамок, соответствуют австралийским знакомым магов, Коину и Бревину; американские "Силы" принадлежат народам с более высоким уровнем культуры. Подобно Таррамулуну, где верховным является Байаме, Хобамок предстает в образе змеи (Асклепия).

(1) Прим. Культ., ii. 340, 1873, 1892.

По всем этим причинам я склонен принять "Ахоне" Стрейчи как подлинный элемент веры вирджинцев. Без храма или службы такое существо не бросалось в глаза, подобно Оки и другим богам, у которых были идола и жертвоприношения.

Насколько я вижу, у Стрейчи нет теории, которой мог бы послужить его изобретение. Он спрашивает, как какие-либо расы, "если они произошли от людей первого творения, должны сохранять столь всеобщее и грубое отступничество от истинного знания Бога". Он вынужден предположить, что, будучи потомками Хама, они наследуют "невежество в отношении истинного благочестия". (стр. 45). Только дети Сима и Иафета "сохранили до пришествия Мессии единственное знание о вечной и никогда не меняющейся Троице". Виргинцы, с другой стороны, стали наследниками невежества и "боязливого и суеверного природного инстинкта" Хэма (стр. 40). Следовательно, Ахон не был изобретен Стрейчи для подкрепления теории (которой придерживался Стрейчи) о унаследованном откровении или о сверхчувственном чувстве, которое не могло пойти наперекос. Пока не будет представлено доказательств того, что у Стрейчи была теория или какая-либо другая цель, которой служило изобретение Ахоне, я не могу в настоящее время прийти к мнению, что он беспричинно выдумал, хотя, возможно, бессознательно преувеличивал.

Каковы были источники Стрейчи? Он пробыл в колонии девять месяцев, если не больше: он проехал по меньшей мере 115 миль вверх по реке Джеймс, время от времени он предлагает внести изменения в карту Смита, он ссылается на приключения Смита, и его глоссарий намного больше, чем у Смита; его точность я оставляю американским лингвистам. Такого свидетеля, несмотря на его допущенное использование текста Смита (если он действительно полностью написан Смитом), не следует презирать, и его не презирают в Америке. (1) Стрейчи, это правда, не был, как Смит, схвачен индейцами и не обращался с ними с совершенной добротой и вниманием (как сообщал Смит в то время), не был привязан к дереву и не угрожал стрелами, и не лежал так, чтобы ему разможили голову камнем; как он утверждал шестнадцать лет спустя! Стрейчи, не попавший в плен, был обязан своим освобождением не (1) великодушию Паухэттана, (2) его собственной изобретательной лжи, (3) заступничеству Покахонтас, как непоследовательно заявляли Смит и его друзья в разные даты. Смит, безусловно, больше видел туземцев у себя дома: Стрейчи проявил более прилежный ум к тому, что он мог узнать об их обычаях и идеях; и он не является отъявленным хвастуном. Я предполагаю, что одним из источников Стрейчи был туземец по имени Кемпс. Смит захватил Кемпса и Кинсока в 1609 году. Известные власти (Пауэлл? и Тодкилл?) представьте этих двух дикарей как "самых отъявленных злодеев в стране". (2) Их заставляли работать в оковах, затем отпустили на свободу,

но "мало кто желал этого".(3) Некоторые "душегубы" сбежали к освобожденному Кемпсу, который привел их обратно к Смиту.(4) Непонятно, почему Кемпса и его друга называют "двумя самыми отъявленными негодьями в стране". Кемпс умер "от surveye" (вероятно, от scurvey) в Джеймстауне в 1610-11 годах. Лорд Де ла Варр высоко ценил его, "он неплохо говорил по-нашему по-английски, и каждый день аккуратно приходил в церковь на молитву". Он назвал Стрейчи имена жен Паухэттена и сказал ему, правда это или нет, что Покахонтас была замужем около 1610 года за индейцем по имени Кокум.(5) Я предполагаю, что Кемпс и Мачампс, которые приезжали и уезжали из Покахонтас и читали индейскую молитву, которую Стрейчи забыл скопировать, возможно, были среди авторитетов Стрейчи. Мне, конечно, скажут, что Кемпс подцепил Кого-то в церкви. Стрейчи это не поразило; у него не было никакого мнения о вероучении, в котором Ахон был одним из факторов, о "страданиях и рабстве, которыми Сатан сковал этих жалких негодяев". По словам Стрейчи, священники, далекие от того, чтобы заимствовать какую-либо часть нашей веры, "боятся и трепещут, чтобы в этих краях не научились познанию Бога и нашего Спасителя Иисуса Христа".

(1) Arber, cxvii. Стрейчи упоминает об этом (до своего прибытия в Вирджинию). Обнаженная Покахонтас крутила колеса телеги в Джеймстауне, когда ей не исполнилось и двенадцати, и она еще не носила фартук. Смит говорит, что в 1608 году ей было десять, но не упоминает колеса телеги. Позже он счел удобным указать ее возраст в двенадцать или тринадцать лет в 1608 году. Большинство американских ученых, таких как мистер Адамс, совершенно не доверяют более поздним романтическим повествованиям Смит.

(2) Проработки и т.д., У. С. Арбер, стр. 151.

(3) Там же, стр. 155.

(4) Там же, стр. 157.

(5) Стрейчи, стр. 54, 55.

Поэтому Стрейчи выступает за низвержение священников и, подобно Смит (действительно, здесь заимствуется у Смита), обвиняет их в принесении в жертву детей. К заявлению Смита о том, что подобный обряд был совершен в Куайо-коханоке, Стрейчи добавляет, что сэр Джордж Перси (который был со Смитом) "был и наблюдал" аналогичное таинство в Кекоутане. Очевидно, что обряд был не жертвоприношением, а Боро, или посвящением, и параллель между спартанской поркой мальчиков и удалением мальчиков и их наставников очень близка и, конечно, не отмечена исследователями классической литературы, за исключением мистера Фрейзера. Стрейчи заканчивает критическим замечанием о том, что мы не узнаем всей достоверности религии и мистерий, пока не сможем поймать кого-нибудь из священников или Квайо-квисоков.

Студенты, имеющие доступ к хорошей библиотеке Americana, могут сделать больше для разъяснения Ahone. Я считаю, что он стоит в одном ряду с Киэтаном и Богом, о котором говорит Гериот, и не верю (1), что Стрейчи солгал; (2) что туземцы обманули Стрейчи; (3) что Ахон был позаимствован у "Бога капитана Смита".

МИФ, РИТУАЛ И РЕЛИГИЯ.

ГЛАВА I. МИФОЛОГИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ.

Определения религии—Противоречивые свидетельства—"Вера в духовных существ"—Возражение против определения мистера Тайлора—Определение в отношении этого аргумента—Проблема: противоречие между религией и мифом—Два человеческих настроения—Примеры—Пример Греции—Древние мифологи—Критика Евсевия—Современные мифологические системы—Мистер Макс Мюллер—Маннхардт.

Слово "Религия" может употребляться и использовалось во многих различных смыслах и с ошеломляющей широтой значения. Никакая попытка дать определение слову, вероятно, не будет вполне удовлетворительной, но почти любое определение может послужить цели аргументации, если автор, использующий его, откровенно излагает свой смысл и неуклонно придерживается его. Студентам знаком пример путаницы, которая может возникнуть при использовании термина "религия". Доктор Дж. Д. Лэнг писал о коренных народах Австралии: "У них нет ничего общего с характером религии или религиозными обрядами, что отличало бы их от вымирающих животных". Однако в той же книге доктор Лэнг опубликовал доказательства того, что местные жители верят в "Туррамуллуна, вождя демонов, который является источником болезней, зла и мудрости".⁽¹⁾ Вера в сверхчеловеческого автора "болезни, зла и мудрости", безусловно, является религиозной верой, которой явно не придерживаются "звери"; однако австралийцам было отказано во всякой религии тем самым автором, который печатает (каким бы ошибочным стилем он ни был) изложение части их вероучения. Этот писатель просто унаследовал старую миссионерскую привычку говорить о боге нехристианского народа как о "демоне" или "злом духе".

(1) См. Примитивную культуру, второе издание, i. 419.

Отрицательному мнению доктора Ланга противоречили показания, опубликованные им самим, приложение преподобного мистера Ридли, содержащее доказательства веры в Байаме. "Те, кто узнал, что "Бог" - это имя, которым мы говорим о Творце, говорят, что Байаме - это Бог".⁽¹⁾

(1) Квинсленд Ланга, стр. 445, 1861.

В качестве "минимального определения религии" мистер Тайлор предложил "веру в духовных существ". Против этого можно возразить, что, хотя у нас нет определенной уверенности в том, что какая-либо раса людей лишена веры в духовных существ, все же определенные моральные и созидательные божества низших рас, по-видимому, вообще не рассматриваются как "духовные". Они рассматриваются как СУЩЕСТВОВАНИЕ, как СУЩЕСТВА, неподвластные Времени, Пространству или Смерти, и никто, кажется, не задавал чисто метафизического вопроса: "Эти существа духовны или материальны?" (1) Теперь, если бы была открыта раса, которая верила в таких существ, но не верила в духов, эту расу нельзя было бы назвать нерелигиозной, как это следовало бы назвать в "минимальном определении" мистера Тайлора. Почти наверняка, не существует расы, находящейся на этой стадии веры ни во что, кроме безусловных, но не явно духовных существ. Тем не менее, такая вера, возможно, существовала до того, как люди вообще разработали теорию духов, и такая вера в творческих и морально необусловленных существ, не претендующих на духовность, не могла быть исключена из определения религии.(2)

(1) См. "Создание религии", стр. 201-210.

(2) "История евреев, нет, история нашего собственного разума, наглядно доказывает, что мысль о Боге - это гораздо более легкая мысль и гораздо более ранняя, чем мысль о духе". Отец Тиррелл, С.Дж., Месяц, октябрь 1898 года. Что касается евреев, то этот вопрос обсуждается. Что касается нашего собственного младенчества, то нас, безусловно, учат о Боге еще до того, как мы, вероятно, будем способны воспринять метафизическое понятие духа. Но мы едва ли можем рассуждать от детей в христианских семьях до младенчества расы.

По этим причинам мы предлагаем (исключительно для целей настоящей работы) определить религию как веру в первичное существо, Творца, бессмертную, обычно моральную, не отрицая при этом, что веру в духовные существа, даже если она аморальна, можно назвать религиозной. Наше определение специально сформулировано для целей данного аргумента, поскольку этот аргумент направлен на то, чтобы привлечь внимание к существенному конфликту между религией и мифом. Мы намерены показать, что этот конфликт между религиозной и мифической концепцией присутствует не только (там, где он был общепризнан) в верованиях древних цивилизованных народов, таких как Греция, Рим, Индия и Египет, но также и в идеях самых низких из известных дикарей.

Можно, конечно, возразить, что вера в Творца сама по себе является мифом. Как бы то ни было, отношение благоговения и морального послушания перед таким предполагаемым существом является религиозным в смысле христианской религии, тогда как выдумывание причудливых, юмористических и дико иррациональных басен об этом существе или других людях по сути мифологично в обычном значении этого слова, хотя и не отсутствует в популярном христианстве.

Итак, вся суть и загадка мифологии заключается в следующем: "Почему, придя (каким бы то ни было образом) к вере в бессмертного хранителя, "Хозяина Жизни", человечество принялось за создание хронической скандальной истории о НЕМ? И почему эта хроника представляет собой тщательно продуманный абсурдный набор легенд, которые мы находим во всех мифологиях?"

Отвечая или пытаясь ответить на эти вопросы, мы не можем следовать верованиям рас, которые сейчас наиболее погружены в дикое невежество. О психологии рас, еще более неразвитых, мы

не можем иметь никаких исторических знаний. Среди самых малоизвестных племен мы обычно находим, как и в Древней Греции, веру в бессмертного "Отца", "Мастера", "Создателя", а также множество юмористических, непристойных, причудливых мифов, которые находятся в вопиющем противоречии с религиозным характером этой веры. Эту веру мы называем рациональной и даже возвышенной. С другой стороны, мифы - это то, что мы называем иррациональным и унижающим достоинство. Мы считаем низких дикарей очень иррациональными и униженными персонажами, следовательно, природа их мифов нас не удивляет. Однако их религиозная концепция "Отца" или "Хозяина Жизни", по-видимому, не соответствует природе разума дикарей, как мы ее понимаем. Тем не менее, религиозная концепция действительно существует, и из этого, по-видимому, следует, что мы не вполне понимаем разум дикарей или его неизвестные предпосылки. В любом случае, факты таковы, как будет продемонстрировано далее. Однако предки австралийцев, или андаманцев, или гуронов достигли своей высшей религиозной концепции, они определенно обладают ею. (1) Развитие их мифических представлений объясняется теми качествами их ума, которые мы понимаем и подробно проиллюстрируем. В настоящее время мы можем только сказать, что религиозная концепция возникает в человеческом интеллекте в одном настроении, в состоянии серьезного созерцания и покорности, в то время как мифические идеи возникают в другом настроении, в состоянии игровой и сумасбродной фантазии. Эти два настроения заметны даже в христианстве. Первое, состояние серьезного и смиренного созерцания, заявляет о себе в молитвах, гимнах и "тусклом религиозном свете" соборов. Второе настроение, настроение игровой и сумасбродной фантазии, заметно в буффонаде пьес о чудесах, в *Marchen*, этих пародийных популярных историях о нашем Господе и Апостолах, и в отвратительных и гротескных скульптурах на священных зданиях. Эти два настроения присутствуют и находятся в конфликте на протяжении всей религиозной истории человечества. Они так же близки друг к другу и так же далеки друг от друга, как Любовь и Вождение.

(1) Гипотеза о том, что концепция была заимствована из европейских вероучений, будет обсуждена позже. Смотрите также: "Заимствованы ли боги дикарей у миссионеров?" Деятнадцатый век, январь 1899 года.

Позже будет показано, что даже некоторые из самых отсталых дикарей проводят, возможно, полусознательное различие между своей мифологией и религией. Что касается первых, то они общительны; что касается вторых, то они ревниво охраняют свою тайну в священных мистериях. Маловероятно, чтобы рефлексирующие "черные парни" были морально потрясены вопиющими противоречиями между их религиозными концепциями и мифическими историями о божественных существах. Но человеческая мысль не могла прийти к ясному сознанию, не вызвав чувства шока и удивления по поводу этих противоречий между Религией и Мифом об одном и том же божестве. Из этого мы продолжим приводить примеры.

В Греции, еще в шестом веке до нашей эры, мы все знакомы со стихотворением Ксенофана (1), в котором богам приписывались худшие преступления смертных — фактически, мерзости, известные только по оргиям Нерона и Элагабала. Мы слышим, как Пиндар отказывается повторять историю, в которой говорилось, что благословенные были каннибалами. (2) В Индии мы читаем о благочестивых попытках брахманов достойно изложить мифы, которые сделали Индру убийцей Брахмана; грешником, то есть совершившим непростительный грех. В Египте мы также изучаем жреческие или философские системы, с помощью которых духовенство стремилось снять бремя абсурда и святотатства со своих собственных божеств. Из всех этих

попыток цивилизованных и благочестивых верующих объяснить истории об их собственных богах мы можем сделать вывод об одном факте — наиболее важном для изучающего мифологию — о том, что мифы возникли не во времена ясного цивилизованного мышления. Именно тогда, когда Греция только начинает освобождать свою мысль от оков слишком конкретного языка, когда она пытается использовать абстрактные термины, ее философы и поэты впервые находят греческие мифы камнем преткновения.

(1) Риттер и Преллер, История. Философ., Гота, 1869, стр. 82.

(2) Олимпийские оды, i., перевод Майерса: "Для меня невозможно назвать одного из благословенных богов каннибалом.... Мужчине подобает говорить о богах с честью, ибо так меньше упреков. О тебе, сын Тантала, я буду говорить в противоположность тем, кто был до меня". Однако, избегая истории о боге-каннибале, Пиндар рассказывает историю, еще более оскорбительную для нашей морали.

Все ранние попытки интерпретации мифологии - это многочисленные попытки объяснить мифы на основе какого-либо принципа, который не покажется неразумным людям, живущим во времена такого объяснения. Поэтому благочестивые увещания и вынужденные построения ранних мыслителей, таких как Ксенофан, поэтов, таких как Пиндар, всех древних исследователей Гомера и языческих апологетов, от Феагена Регийского (525 г. до н.э.), раннего комментатора Гомера, до Порфирия, почти последнего из языческих философов, являются столь многочисленными доказательствами того, что Греции, как только у нее появилась рефлексивная литература, мифы Греции казались нечестивыми и ИРРАЦИОНАЛЬНЫМИ. Точно так же эссе местных комментаторов Вед представляют собой попытки вложить в мифы, которые считаются иррациональными и нечестивыми, смысл, не оскорбляющий ни благочестия, ни разума. Следовательно, мы можем заключить, что не люди ранней стадии философской мысли (в том виде, в каком философия понимается сейчас) — не такие люди, как Эмпедокл и Гераклит, и не такие разумно набожные люди, как Эвмей, благочестивый свинопас из "Одиссеи", — создали богохульные мифы Греции, Египта и Индии. Мы должны искать объяснение в другом месте. Мы должны попытаться обнаружить какое-то действительное, доказуемое и широко распространенное состояние человеческого разума, при котором рассказы, которые даже отдаленным и рудиментарным цивилизациям казались иррациональными и неестественными, казались бы естественными и рациональными. Обнаружить это интеллектуальное состояние было целью всех мифологов, которые не верили, что миф - это божественная традиция, искаженная человеческой слабостью, или искаженная версия исторических событий.

Прежде чем идти дальше, желательно указать, какова наша цель и в какой степени мы стремимся к интерпретации мифологии. В наши намерения не входит объяснять каждую деталь каждой древней легенды ни как искаженный исторический факт, ни как результат той или иной путаницы в мыслях, вызванной забвением значений языка, ни каким-либо другим способом; более того, мы должны постоянно протестовать против слишком смелых изобретательных попыток. Миф настолько древен, настолько сложен, настолько полон элементов, что искать причину для каждого явления - напрасный труд. Мы в основном заняты поиском исторического состояния человеческого интеллекта, при котором элемент мифов, рассматриваемый нами как иррациональный, будет казаться достаточно рациональным. Если мы сможем доказать, что такое состояние ума широко распространено среди людей и существовало ранее, это состояние ума можно временно рассматривать как источник мифов, которые всегда ставили в

тупик людей в разумном современном ментальном состоянии. Опять же, если удастся показать, что эта ментальная стадия была той, через которую прошли все цивилизованные расы, универсальность мифопоэтического ментального состояния в какой-то степени объяснит повсеместное РАСПРОСТРАНЕНИЕ историй.

Итак, во всех мифологиях, будь то диких или цивилизованных, и во всех религиях, куда вторгаются мифы, существуют два фактора — фактор, который мы сейчас считаем рациональным, и фактор, который мы, современные люди, считаем иррациональным. Первый элемент мало нуждается в объяснении; второй требует объяснения с тех пор, как человеческое мышление стало сравнительно упорядоченным и абстрактным.

Возьмем пример: даже в мифах дикарей есть многое, что все еще кажется рациональным и прозрачным. Если дикари говорят нам, что какое-то мудрое существо научило их всем простым искусствам жизни, обращению с огнем, луком и стрелами, насаживанию крючьев и так далее, мы сразу понимаем их. Нет ничего более естественного, чем то, что человек должен верить в оригинального изобретателя искусств и рассказывать истории о воображаемых первооткрывателях, если настоящие герои забыты. Пока все идет гладко. Но когда дикарь продолжает говорить, что тот, кто научил пользоваться огнем или кто дал первые законы о браке, был кроликом, или вороной, или собакой, или бобром, или пауком, тогда мы сразу сталкиваемся лицом к лицу с элементом мифов, который кажется нам ИРРАЦИОНАЛЬНЫМ. Опять же, у цивилизованных народов мы читаем в Ведах о чистом всевидящем Варуне, для которого грех является оскорблением. Мы читаем об Индре, Повелителе Грома, возносимом на своей колеснице, дарующем победу, дарующем богатство благочестивым; здесь все снова кажется естественным и ясным. Представление о божестве, управляющем вихрем и бурей, боге сражений, боге, благословляющем праведность, знакомо нам и понятно; но когда мы читаем, как Индра напился и прелюбодействовал с женщинами-асурами, и родился из того же лона, что и бык, и превратился в перепела или барана, и страдал от самого низменного физического ужаса, и так далее, тогда мы оказываемся среди мифов, которые уже не так легко понять; мы чувствуем, что это ИРРАЦИОНАЛЬНЫЕ истории, первоначальные идеи которых в их естественном смысле утрачены. , вряд ли могли быть задуманы людьми в чистой и рациональной ранней цивилизации. Опять же, в религиях даже низших рас подобные мифы противоречат этическим элементам веры.

Если мы посмотрим на греческую религиозную традицию, то увидим сосуществование РАЦИОНАЛЬНОГО и явно ИРРАЦИОНАЛЬНОГО элементов. РАЦИОНАЛЬНЫЕ мифы - это те, которые представляют богов прекрасными и мудрыми существами. Артемида из "Одиссеи", "развлекающаяся охотой на кабанов и быстрых оленей, в то время как с ней ими развлекаются дикие лесные нимфы, и высоко над всеми ними она поднимает свое чело, и ее легко узнать там, где все прекрасны" (1), является совершенно РАЦИОНАЛЬНЫМ мифическим изображением божественного существа. Даже сейчас мы чувствуем, что представление о "королеве и богине, целомудренной и прекрасной", аббатисе лесных земель, как называет ее Поль де Сен-Виктор, - прекрасная и естественная фантазия, не требующая объяснений. С другой стороны, Артемида Аркадийская, которую путают с нимфой Каллисто, которая, опять же, как говорят, превратилась в медведицу, а позже в звезду; и Артемида Браурон, чьи служительницы-девицы танцевали танец медведя, (2) являются богинями, легенда о которых кажется неестественной и нуждается в разъяснении. Или, опять же, нет ничего необъяснимого и естественного в представлении об олимпийском Зевсе, представленном великой хризелефантиновой статуей Зевса в Олимпии,

или в гомеровском представлении о Зевсе как о боге, который "повсюду обращает свои сияющие очи, и наблюдает за всеми вещами, и защищает праведных, и приносит людям добро или зло". Но Зевс, чья могила была показана на Крите, или Зевс, сыгравший с Деметрой непристойную шутку с помощью барана, или Зевс, принявший облик лебедя и ставший отцом Кастора и Поллукса, или Зевс, обманувший Геру притворным браком с неодушевленным предметом, или Зевс, который боялся Атта, или Зевс, занимавшийся любовью с женщинами в облике муравья или кукушки, - это существо, миф о котором считается неестественным и сбивающим с толку. (3) Именно этот ИРРАЦИОНАЛЬНЫЙ и неестественный элемент, как говорит мистер Макс Мюллер, "глупый, бессмысленный и дикий элемент", делает мифологию загадкой, которую люди так долго искали. Ибо, заметьте, греческий миф представляет собой не просто юмористическую игру воображения, имеющую дело с религиозно священными вещами как бы для облегчения напряженного благоговейного созерцания величия Зевса. Многие истории греческой мифологии таковы, что цивилизованный Ксенофан или Феаген не могли впервые прийти в голову даже во сне. ЭТО была настоящая головоломка.

(1) Одиссея, vi. 102.

(2) (Греческое слово опущено); сравните *Harpokration* с этим словом.

(3) Это те черты мифа, которые вызывают, например, удивление Эмерика-Давида. "Ящерица, волк, собака, осел, лягушка и все другие животные, столь часто встречающиеся на религиозных памятниках повсюду, разве все они не подразумевают МЫСЛЬ, которую мы должны угадать?" Он приходит к выводу, что эти животные, растения и чудовища из мифов представляют собой множество "загадок" и "символов", скрывающих некую глубокую, священную идею, аллегории некоего эзотерического религиозного вероучения. Юпитер, Париж, 1832, стр. lxxvii.

Мы привели примеры — дикарские, индийские и греческие — того элемента мифологии, который, как чувствовали все цивилизованные расы, требует объяснения.

Чтобы быть еще более ясными, мы можем составить краткий список главных проблем в легендарных историях, связанных со старыми религиями мира, — проблем, на которые мы специально обращаем внимание. Во-первых, в мифах всех рас мы имеем самые гротескные представления о характере богов, когда они представлены в мифологии. Существа, которые в религии оставляют желать лучшего и о которых говорят как о святых, бессмертных, всеведущих и добрых, в мифах представлены созданными по подобию не только человека, но и животных; подверженными смерти, невежественными и нечестивыми.

Большинство дохристианских религий имели своих "зооморфных" или частично зооморфных идолов, богов в форме низших животных или с головами и шеями низших животных. Точно так же все мифологии представляют богов любящими появляться в облике животных. Под этими личинами они совершали множество любовных утех, даже с дочерьми человеческими, и греческие дома гордились своим происхождением от Зевса в облике орла или муравья, змеи или лебедя; в то время как Кронос, ведический Тваштри и Посейдон занимались любовью в облике лошадей, а Аполлон - собаки. Не менее дикими являются легенды о рождении богов из бедра, или головы, или ступней, или подмышек какого-либо родителя; в то время как рассказы, описывающие невыразимые божественные непристойности, и изображения, представляющие их, были часты в мифологии и в храмах Греции. И снова говорили, что боги обладают способностью превращать мужчин и женщин в птиц, зверей, рыб, деревья и камни, так что в

греческом мире едва ли найдется знакомый природный объект, который когда-либо (согласно легенде) не был мужчиной или женщиной. Мифы о происхождении мира и человека, опять же, были в последней степени детскими и отвратительными. У бушменов и австралийцев, пожалуй, нет истории о происхождении видов, столь варварской по стилю, как анекдоты о Фанесе и Праджапати, которые сохранились в орфических гимнах и в Брахманах. Поведение ранних династий классических богов друг по отношению к другу было столь же общеизвестно жестоким и омерзительным, сколь коварным и капризным было их поведение по отношению к смертным. Классические боги, со всей их бессмертной мощью, в силу мифического противоречия религиозной концепции считаются способными к страху и боли и попадают в передраги, столь же нелепые, как Братец Волк или Братец Черепаха в сказках негров Южных штатов Америки. Звезды, опять же, в мифологии смешаны с животными, планетами и людьми в той же самой путанице фантастических представлений. Мертвые и живые, люди, звери и боги, деревья и звезды, реки, солнце и луна танцуют в царстве мифов в бурлескном балете Приапа, где все может быть чем угодно, где у природы нет законов, а у воображения нет границ.

Таковы иррациональные характеристики мифов, классических или индийских, европейских или американских, африканских или азиатских, австралийских или маорийских. Таков один из элементов, который мы находим по всему миру среди цивилизованных и диких людей, *quod semper, quod повсеместный, quod ab omnibus*. Неудивительно, что благочестивые и размышляющие люди на протяжении стольких веков и столькими способами пытались отчитаться перед самими собой за то, что придерживались верований, тесно связанных с религией, которые, тем не менее, казались губительными для религии и морали.

Объяснения, которые люди давали своим собственным священным историям, извинения за своих собственных богов, которые они были вынуждены предлагать самим себе, были самым ранним лепетом мифологической науки. Эта наука в своих смутных зачатках была предназначена для удовлетворения моральной потребности. Человек обнаружил, что его боги, когда они представлялись в мифах, были созданы не по его собственному моральному образу в лучшем виде, а по образу иногда зверей, иногда его собственной моральной природы в самом худшем ее проявлении: по подобию разбойников, волшебников, чародеек и прелюбодеев. Итак, здесь невозможно детально рассмотреть все системы мифологической интерпретации. Каждый ключ был опробован в этом сложном замке; каждая причина путаницы была рассмотрена и протестирована, признана адекватной и, наконец, отвергнута или отведена второстепенное место. Вероятно, первые попытки сбросить с себя бремя религиозного ужаса перед мифическим нечестием были предприняты путем молчаливого умолчания. Таким образом, большинство самых отвратительных мифов ранней Индии отсутствуют в Ригведе и, по-видимому, были опущены. "Религиозное чувство гимнов, и без того столь возвышенное, отбросило большинство историй, которые оскорбляли его, но не преуспело в том, чтобы отбросить их все". (1) Точно так же, как поэты Ригведы предпочитают избегать более оскорбительных традиций об Индре и Тваштри, так и Гомеру удастся избегать более гротескных и ребяческих историй о его собственных богах. (2) Период настоящих извинений наступает позже. Как мы видели, Пиндар отказывается обвинять бога в каннибализме. Сатапатха-Брахман придумывает новую историю об убийстве Вишварупы. Не Индра, а Трита, извиняющимся тоном говорит Брахман, убил трехголового сына Тваштри. "Индра, несомненно, был свободен от этого греха, ибо он - бог", - говорит индийский апологет. (3) И все же грехи, которые нам кажутся гораздо более чудовищными, чем грешок убийства трехголового Брахмана, свободно приписываются Индре.

(1) "Религии Индии", Барт, стр. 14. См. Также postea, "Индийские мифы".

(2) Причины скрытности Гомера, вероятно, различны в разных отрывках. Возможно, в некоторых случаях он слышал более чистую версию мифа, чем та, что дошла до Гесиода; возможно, иногда он намеренно (подобно Пиндару) очищал миф; обычно он, должно быть, отбирал, в соответствии с благородной человечностью и чистотой своего вкуса, рассказы, которые лучше всего соответствовали его идеалу. Он заставляет своих божеств неохотно втягивать в спор старые скандалы об их ранних негероических приключениях, некоторые из которых, однако, он приводит, например, изгнание Гефеста с небес и заточение Ареса в бронзовом сосуде. Сравните "Гомера" профессора Джебба, стр. 83: "что бы ни перенес инстинкт великого художника, по крайней мере, он изгнал эти вещи". то есть божественную любовь в звериной форме.

(3) Сатапатха Брахман, Оксфорд, 1882, том i, стр. 47.

В то время как поэты могли лишь опустить богохульную историю или мимоходом набросать извинение, делом философов и писателей-антикваров стало сознательное "обеление" богов популярной религии. Необходимо было предоставить систематические объяснения священных историй, сохранившихся в поэзии или рассказанных священниками. В Индии была своя этимологическая и легендарная школа мифологии.(1) Таким образом, хотя гимн, по-видимому, повествует о том, что маруты были богами, "рожденными вместе с пятнистым оленем", этимологические толкователи объяснили, что слово, обозначающее оленя, означает только разноцветные линии облаков.(2) В арсенале апологетики этимология была самым действенным оружием. Легко видеть, что с помощью этимологии самой отталкивающей легенде может быть придан чистый или безвредный смысл, и ее можно объяснить как невинную ошибку, вызванную простым словесным недопониманием. Брахманы, греки и германцы в равной степени находили утешение в этой гипотезе. В "Кратиле" Платона Сократ говорит о понятии объяснения мифов с помощью этимологических догадок о значении божественных имен как о "философии, которая пришла к нему в одно мгновение". Таким образом, мы находим Сократа шокированным непочтительностью, с которой Зевс называл сына Крона, "вошедшего в поговорку из-за глупости". Но, изучив филологически имя Кронос, Сократ решает, что оно действительно должно означать Корос, "не в смысле юности, а в значении чистого и украшенного ума". Поэтому, когда люди впервые называли Зевса сыном Крона, они не имели в виду ничего непочтительного, а только то, что Зевс - дитя чистого разума. Эта этимологическая система не только наиболее благочестива и утешительна, но и, как добавляет Сократ, имеет универсальное применение. "А пока я думаю об очень новой и остроумной идее ... что мы можем вставлять и вытаскивать буквы по своему усмотрению и изменять ударения".(3)

(1) Ригведа Санхита. Макс Мюллер, стр. 59.

(2) Постеа, "Индийские божественные мифы".

(3) Платон Джоуэтта, том i. стр. 632, 670.

Сократ, конечно, говорит более чем наполовину с иронией, но в его рассказе об этимологическом анализе и его зависимости от индивидуальных вкусов и предвзятой теории есть определенная правда.

Древние классические школы интерпретации мифологии, хотя и ненаучные и безуспешные, не лишены интереса. Мы обнаруживаем, что философы и грамматисты ищут, точно так же, как и мы сами, какое-то состояние человеческого интеллекта, из которого предположительно мог бы возникнуть абсурдный элемент в мифах. Вполне естественно, что философы предположили, что люди, в мозгу и речи которых возникли мифы, должны были быть такими же философами, как и они сами, — умными, образованными людьми. Но такие люди, утверждали они, никогда бы не захотели рассказывать истории о богах, полные такой бессмыслицы и богохульства.

Следовательно, бессмыслица и богохульство изначально должны были иметь какой-то безвредный или даже достойный похвалы смысл. Каким мог быть этот смысл? На этот вопрос каждый древний мифолог отвечал в соответствии со своим собственным вкусом и предрассудками, и прежде всего, как и все другие и более поздние спекулянты, в согласии с общей тенденцией своих собственных исследований. Если он жил в то время, когда физические рассуждения входили в моду, как в эпоху Эмпедокла, он думал, что поэмы Гомера должны содержать завуалированный рассказ о физической философии. Таково было мнение Теагена Регийского, который писал в период, когда грубый физизм отделялся от более ранних религиозных и мифических космогонических систем Греции. Феаген был потрясен гомеровским описанием битвы, в которой боги сражались как союзники ахейцев и троянцев. Поэтому он объяснил это дело как завуалированный рассказ о борьбе стихий. Такая "борьба" была знакома читателям физических рассуждений Эмпедокла и Гераклита, которые обвиняли Гомера в его молитве против Борьбы.⁽¹⁾

(1) Ис. и Осир., 48.

Теагену не пришло в голову спросить, существуют ли какие-либо свидетельства того, что догомеровские греки были философами Эмпедокла или Гераклита. Он с готовностью доказал себе, что Аполлон, Гелиос и Гефест были аллегорическими изображениями, подобными тому, что такие философы изобразили бы, — огня, что Гера была воздухом, Посейдон водой, Артемида луной, а остальным он распорядился таким же образом.⁽¹⁾

(1) Схолия об Илиаде, хх. 67. Диндорф (1877), том iv. стр. 231. "Этот способ апологетики так же стар, как Теаген Регийский. Гомер предлагает теологическую доктрину под видом физической аллегии".

Метродор, опять же, превратил не только богов, но и гомеровских героев в "комбинации стихий и физические силы"; ибо нет ничего нового в популярной недавно мифологической философии, которая видела солнце, облако и ветер в Ахилле, Афине и Гермесе.⁽¹⁾

(1) Гроте, История Греции, изд. 1869, i. стр. 404.

В "Вакханках" (291-297) Еврипид вкладывает другую мифологическую систему своего времени в уста Кадма, фиванского царя, который предлагает филологическое объяснение истории о том, что Дионис был зашит в бедро Зевса. Самой известной из более поздних теорий была теория Эвгемера (316 г. до н.э.). В своего рода философском романе Эвгемер заявил, что он приплыл на некую Ничейную землю, Панхею, где нашел истину о мифических временах, выгравированную на бронзовых столбах. Эту истину он опубликовал в "Священной истории", где рационализировал басни, утверждая, что боги были людьми, а мифы были преувеличенными и искаженными записями фактов. (See Eusebius, Praep. E., ii 55.) Аббат Банье ("Объяснение

мифологии в истории", Париж, 1738, том ii, стр. 218) пытается защитить Эвгемера, которого большинство древних считали атеистом. В его романтической гипотезе была доля правды.(1)

(1) См. Блок, Euhemere et sa Doctrine, Монс, 1876.

Иногда говорили, что старые истории скрывают моральный, иногда физический, иногда мистический или неоплатонический смысл. Поскольку каждый апологет интерпретировал легенды по-своему, интерпретации обычно расходились и убивали друг друга. Точно так же, как один современный мифолог видит ветер в Эете и зарю в Медее, в то время как другой представитель той же школы считает, на основании не менее веских доказательств, что и Эет, и Медея - это луна, так и такие писатели, как Порфирий (270 г. н.э.) и Плутарх (60 г. н.э.), сделали древние божества прообразами своих собственных любимых доктрин, какими бы они ни были.

Когда христианство стало могущественным, христианские писатели, естественно, атаковали языческую религию там, где она была наиболее уязвима, со стороны мифов и мистерий, которые были драматическими представлениями мифов. "Хорошеньким богам вы поклоняетесь, - говорили Отцы, - убийцам, прелюбодеям, быкам, медведям, мышам, муравьям и тому подобному". Таким образом, языческие апологеты старой религии были вынуждены в ранние века христианства прибегать к различным методам объяснения мифов своей дискредитированной религии.

Раннехристианские писатели очень легко и со значительной аргументационной силой опровергли апологетику мифов, выдвинутую Порфирием и Плутархом. Таким образом, Евсевий в "Евангелической проповеди" сначала нападает на египетские интерпретации их собственных звероподобных или полужвероподобных богов. Он показывает, что различные интерпретации уничтожают друг друга, и продолжает указывать на то, что греческий миф, по сути, является лишь лощеной версией египетской веры. Он с изрядной долей юмора высмеивает старые теории, которые превращали стольких мифических героев в солнце; он показывает, что, в то время как одна система довольствуется тем, что рассматривает Зевса как простые огонь и воздух, другая система признает в нем высший разум, в то время как Геракл, Дионис, Аполлон и Асклепий, отец и дитя, все безразлично являются солнцем.

Допуская, что мифотворцы создавали только физические аллегории, почему они завернули их, спрашивает Евсевий, в то, что Мы считаем отвратительными вымыслами? В каком состоянии были люди, которые не могли смотреть на чистые процессы Природы, не вспоминая о самых отвратительных и противоестественных преступлениях? Еще раз: "Физические интерпретаторы не согласны даже в своих физических интерпретациях". Все это одинаково поверхностно, одинаково правдоподобно и одинаково не поддается доказательству. Опять же, утверждает Евсевий, толкователи принимают как должное то количество физических знаний, которым создатели мифов, безусловно, не обладали. Например, если бы Лето было всего лишь другим именем Геры, характер Зевса был бы прояснен в том, что касается его любви с Лето. Итак, древние верующие в "теорию физических явлений" мифов пришли к выводу, что Гера, жена Зевса, на самом деле была тем же человеком под другим именем, что и Лето, его любовница. "Ибо Гера - это земля" (в другие времена говорили, что Гера - это воздух), "а Лето - это ночь; но ночь - это только тень земли, и поэтому Лето - это только тень Геры". Однако было легко доказать, что этот научный взгляд на ночь как на тень земли вряд ли был известен мифотворцам, которые считали "быструю Ночь" реальным человеком. У Плутарха тоже была

заумная теория, объясняющая легенду о подставной жене — дубовом бревне, на котором Зевс делал вид, что женится, когда был не в ладах с Герой.(1)

(1) Pausanias, ix. 31.

Эта ссора, по его словам, была всего лишь путаницей и борьбой элементов. Зевс был теплом, Гера была холодом (как уже объяснялось, она была землей и воздухом), фиктивная жена дубравы была деревом, появившимся после потопа, и так далее. Конечно, не было никаких доказательств того, что мифопоэтические люди придерживались плутархианских теорий тепла и холода и конфликта стихий; кроме того, как указал Евсевий, Гера уже однажды была определена как аллегория супружеской жизни, один раз как земля, и снова как воздух, и было слишком поздно утверждать, что она также была холодной и водной стихией в мире. Что касается его собственного объяснения мифов, Евсевий считает, что они восходят к периоду, когда люди в своем беззаконном варварстве не знали ничего лучшего, как рассказывать подобные истории. "Древние люди, в крайней дикости своей жизни, не придавали значения Богу, всеобщему Творцу (здесь Евсевий, вероятно, ошибается)... но довели их до всевозможных мерзостей. Ибо законы достойного существования еще не были установлены, и среди людей не было установлено никакого оседлого и мирного состояния, а был только распушенный и дикий образ бродячей жизни, в то время как, будучи неразумными животными, они заботились только о том, чтобы набить свои животы, находясь в некотором смысле без Бога в мире ". Став немного более цивилизованными, люди, согласно Евсевию, искали чего-то божественного, что они находили в небесных телах. Позже они стали поклоняться живым людям, особенно "знахарям" и фокусникам, и продолжали поклоняться им даже после их смерти, так что греческие храмы действительно являются гробницами мертвых.(1) Наконец, цивилизованные древние, с консервативным нежеланием отказываться от своих старых мифов (греческий текст опущен), изобрели для них моральные или физические объяснения, подобные объяснениям Плутарха и других, более ранних и поздних.(2)

(1) Praep. E., ii. 5.

(2) Там же, 6,19.

Поскольку Евсевий, подобно Клименту Александрийскому, Арнобию и другим раннехристианским диспутантам, не имел предубеждения в пользу эллинской мифологии и не имел сентиментальных оснований предполагать, что происхождение ее примесей было чистым, он нашел свой путь почти к теории иррационального элемента в мифологии, которую мы предлагаем.

Даже для того, чтобы вкратце описать историю мифологических гипотез в наше время, потребовалась бы целая книга. Здесь должно быть достаточно указать на различные направления, по которым развивались рассуждения о мифологии.

Все интерпретации мифа были сформированы в соответствии с идеями, преобладавшими во времена толкователей. Ранние греческие физики думали, что мифопоэтические люди были физиками. Аристотель намекает, что они были (как и он сам) политическими философами.(1) Неоплатоники искали в мифах неоплатонизм; большинство христиан (в отличие от Евсевия) либо становились на сторону Эвгемера, либо находили в мифах выдумки дьяволов, либо запятнанную и искаженную память о библейском откровении.

(1) Мет., xi. 8,19.

Такова была теория, например, старого доброго Джейкоба Брайанта, который повсюду видел воспоминания о Ноевом потопе и доказательства правильности ветхозаветной этнологии.(1)

(1) Брайант, Новая система, в которой предпринята попытка опровергнуть традицию басни, 1774.

Почти такая же попытка найти библейскую истину в основе дикой и древней басни была недавно предпринята покойным М. Ленорманом, католическим ученым.(1)

(1) Les Origines de l'Histoire d'apres le Bible, 1880-1884.

В начале нынешнего столетия Германия обратила свое внимание на мифологию. Как обычно, представления мужчин были предвзяты из-за общего характера их мнений. Руководствуясь благочестивым духом, Фридрих Кройцер стремился найти СИМВОЛЫ какой-нибудь чистой, древней и восточной теософии в мифах и мистериях Греции. Конечно, греки философского периода объясняли свои собственные мифы как символы высших вещей, но это объяснение было запоздалым.(1) Великий Лобек в своей "Аглаофаме" (1829) вернул здравый смысл и сделал его проводником своей обширной, несравненной учености. В более мягком и добродушном духе К. Отфрид Мюллер заложил фундамент подлинно научной и исторической мифологии.(2) Ни один из этих авторов не обладал, в отличие от Альфреда Мори,(3) большими знаниями о мифах и верованиях низших рас, но часто кажется, что они предвосхищают этнологический метод.

(1) Creuzer, Symbolik und Mythologie, 2d edit., Leipzig, 1836-43.

(2) Введение в научную систему мифологии, английский перевод, Лондон, 1844.

(3) Histoire des Religions de la Grece Antique, Paris, 1857.

Когда филологическая наука в нашем веке достигла зрелости, в филологии, как в древности в физике, а позже и в символах, искали ключ к мифам. В то время как физическая аллегория, религиозный и эзотерический символизм, словесная путаница, историческая легенда и изначальная божественная традиция, извращенная в темные века, были самыми популярными ключами в другие эпохи, у научного девятнадцатого века был свой собственный филологический ключ. Методы Куна, Бриля, Макса Мюллера и вообще филологический метод не могут быть рассмотрены здесь во всей полноте.(1) Короче говоря, современный филологический метод предназначен для научного применения старых этимологических интерпретаций. Кадм в "Вакханках" Еврипида, Сократ в "Кратиле" Платона отвергают неприятные мифы как результат словесной путаницы. Первоначально люди говорили что—то вполне разумное - такова гипотеза, — но когда их потомки забыли смысл своих замечаний, из серии бессознательных каламбуров вытекло новое и абсурдное значение.(2) В древние времена эта точка зрения подкреплялась чисто предположительными и невозможными этимологиями. Таким образом, миф о том, что Дионис был зашит в БЕДРО Зевса (греческий текст опущен), был объяснен Еврипидом как результат путаницы слов. Первоначально люди говорили, что Зевс дал клятву (греческий текст опущен) Гере. Современная филологическая школа полагается при объяснении неблагоприятных и других мифов на подобную путаницу. Таким образом, говорят, что изначальна Дафна была не романтической девушкой, а рассветом (санскрит, дахана: ахана),

преследуемым восходящим солнцем. Но поскольку первоначальное арийское значение слова "Дахана" или "Ахана" было утрачено, а "Дафна" стало означать лавр — дерево, которое легко горит, — возникла басня о том, что деревом была девушка по имени Дафна.(3)

(1) Смотрите Мифологию в Энциклопедии. Брит. и в "Мифологии" (А. Л.), Париж, 1886, где критикуется система г-на Макса Мюллера. См. также Обычай, миф и современную мифологию.

(2) Несомненно, что значительное количество мифов, главным образом мифов о географических названиях, возникают из популярных этимологий: что вызывает возражения, так это огромная доля, отводимая этому элементу в мифах.

(3) Макс Мюллер, Деятнадцатый век, декабрь 1885 г.; "Солнечные мифы", январь 1886 г.; Мифы и мифологи (А. Л.). Уитни, Маннхардт, Берген и другие оспаривают этимологию. Или. и Линг. Исследования, 1874, с. 160; Маннхардт, "Антике Вальд и Фельд Култус" (Берлин, 1877), с. хх.; Берген, "Религиозные веды", iii. 293; и Курциусу это не очень нравится, "Принципы греческой этимологии", английский перевод, ii. 92, 93; Современная мифология (А. Л.), 1897.

Эта система в основном основана на сравнении санскритских имен в Ригведе с мифическими именами в греческих, немецких, славянских и других арийских легендах. Предпринята попытка доказать, что в обычной речи неразделенной арийской расы существовало много слов, обозначающих великолепные или сияющие природные явления, и что природные процессы описывались в образном стиле. По мере того как различные арийские семьи разделялись, смысл старых слов и имен тускнел, *putina* превращалась в *putina*, имена - в богов, описания элементарных процессов - в мифы. Поскольку эта система уже подвергалась нами тщательной критике в других местах, ссылки на эти обзоры должно быть достаточно в этом месте. Вкратце можно сказать, что различные мастера школы — Кун, Макс Мюллер, Рот, Шварц и остальные — редко соглашались там, где согласие необходимо, то есть в филологических основах своего здания. Они различаются в очень многих этимологических анализах мифических имен. Они также различаются в интерпретации названий: Кун почти неизменно видит огонь, бурю, тучу или молнию там, где мистер Макс Мюллер видит целомудренный Рассвет. Таким образом, Маннхардт, побывавший учеником, вынужден сказать, что сравнительная индогерманская мифология не принесла ожидаемых плодов и что "ОПРЕДЕЛЕННЫЕ достижения системы сводятся к самому скудному списку параллелей, таких как Дьяус = Зевс = Тиус, Парджанья = Перкунас, Бхага = Бог, Варуна = Уран" (позиция, вызывающая много споров) и т.д. Маннхардт добавляет, что он убежден в том, что ряд других "уравнений" — таких как Сарамея = Гермейас, Сараньюс = Деметра Эриннис, Кентаурос = Гандхарва и многие другие — не выдержат критики, и он опасается, что эти остроумные догадки окажутся скорее *jeux d'esprit*, чем реальными фактами.(1) Множество примеров ненадежного и противоречивого характера результатов филологической мифологии, множество примеров "сомнительных этимологий", ложной логики, поспешных выводов и попыток превратить то, что является специфически индийским в мышлении, в предмет универсального применения, встретятся нам в главах, посвященных индийским и греческим божественным легендам. (2) "Метод в его практическом применении демонстрирует фундаментальное отсутствие исторического смысла", - говорит Маннхардт. Примеры вырваны из контекста, замечает он; историческая эволюция игнорируется; отрывки из Вед, сами по себе совершенно неясные, выдвигаются вперед для объяснения малопонятных греческих мифических явлений. Таковы обвинения, выдвинутые опечаленным Маннхардтом против школы, к которой он изначально принадлежал и которая была популярна и всемогуща

даже в пору зрелости его собственного более прозорливого гения. Доказательства правильности его критики будут в изобилии представлены в ходе этой работы. Станет очевидным, что, какими бы великими ни были приобретения филологии, ее наименее достоверные открытия были слишком поспешно применены к чуждой "материи", то есть к области мифа. Это не значит, что филологии совершенно нет места или роли в исследовании мифа, когда среди филологов существует согласие относительно значения божественного имени. В этом случае проливается определенный свет на легенду о носителе имени, а также на его происхождение и первую родину - арийскую, греческую, семитскую или тому подобное. Но как редко бывает согласие среди филологов!

(1) Baum und Feld Kultus, p. xvii. Kuhn's "epoch-making" book is Die Herabkunft des Feuers, Berlin, 1859. В качестве примера споров относительно первоначального значения такого имени, как Прометей, сравните "Мемуары Парижского лингвистического общества", т. iv. стр. 336.

(2) См., в частности, примечание Маннхардта к теориям Куна о Посейдоне и Гермесе, В. и. F. K., стр. xviii, xix, примечание 1.

"Филологический метод, - говорит профессор Тиле, (1), - неадекватен и вводит в заблуждение, когда речь идет о раскрытии ПРОИСХОЖДЕНИЯ мифа, или физическом объяснении древнейших мифов, или об объяснении грубого и непристойного элемента в божественных легендах цивилизованных рас. Но это не единственные проблемы мифологии. Существует, например, вопрос о ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИХ связях мифов, где мы должны определить, являются ли мифы народов, говорящих на языке одной семьи, особыми модификациями мифологии, некогда общей для расы, из которой произошли эти народы. Здесь может помочь только филологический метод ". Но это покажется очень ограниченной областью, когда мы обнаружим, что почти у всех рас, какими бы отдаленными и не связанными речью они ни были, практически одни и те же мифы.

(1) Преподобный де л'Истор. des Rel., xii. 3, 260, ноябрь- декабрь 1885г.

ГЛАВА II. ПРЕДЛОЖЕНА НОВАЯ СИСТЕМА.

Глава I. краткое изложение—Предложение нового метода: Наука сравнительного или исторического изучения человека—Частично предвосхищено Евсеем, Фонтенелем, Де Броссом, Спенсером (С. С. С., Кембридж) и Маннхардтом—Наука Тайлора—Объект исследования: найти состояние человеческого интеллекта, при котором чудеса мифа являются частью практической повседневной веры—Это дикое состояние—Описанные дикари—Дикий элемент мифа, выживший из дикого состояния—Преимущества этого метода—Частично объясняет широкое РАСПРОСТРАНЕНИЕ, а также ПРОИСХОЖДЕНИЕ из мифов —Связан с

общей теорией эволюции—Загадочный пример мифа о глотателе воды—Критика метода профессором Тиле—Возражения против метода и ответ на них —См. Приложение В.

Мы вкратце обрисовали прошлые системы мифологической интерпретации. Было показано, что практическая потребность в примирении РЕЛИГИИ и МОРАЛИ, с одной стороны, и МИФОВ о богах - с другой, породила гипотезы Теагена и Метродора, Сократа и Эвмеруса, Аристотеля и Плутарха. Было показано, что в каждом случае примирители спорили на основе своих собственных идей и философских воззрений своего времени. Ранний физик думал, что миф скрывает физическую философию; ранний этимолог видел в нем языковую путаницу; ранний политический спекулянт предполагал, что миф был изобретением законодателей; литератор Эвмерус разгадал тайну мифов в ходе воображаемого путешествия на легендарный остров. Затем наступил момент христианских нападков, и языческие философы, тронутые восточным пантеизмом, распознали в мифах определенные пантеистические символы и загадочное откровение своего собственного неоплатонизма. Когда боги умерли, а их алтари рухнули, антиквары обратили свое любопытство к проблеме объяснения мифа. Христиане распознали в нем искаженную версию еврейских священных писаний и находили ковчеги на каждой горной вершине Греции. Критический девятнадцатый век привел к более тщательному анализу вместе с Отфридом Мюллером и Лобеком; и, наконец, во время внезапного подъема сравнительной филологии случилось так, что филологи аннексировали область мифов. В каждой из этих систем была своя доля истины, но ни одна из них, безусловно, не смогла распутать всю паутину традиций и глупой веры.

Тем временем возникла новая наука, изучающая человека в совокупности всех его трудов и мыслей, как они развивались на протяжении всего процесса его развития. Эта наука, Сравнительная антропология, исследует развитие закона из обычая; развитие оружия - от палки или камня до новейшей многозарядной винтовки; развитие общества от орды до нации. Это исследование, которое не презирает самое отсталое или деградировавшее племя и не пренебрегает самым цивилизованным, и оно часто обнаруживает у австралийцев или нутка зародыш идей и институтов, которые греки или римляне довели до совершенства или сохранили, мало изменив их раннюю грубость, посреди цивилизации.

Неизбежно, что эта наука должна также попробовать свои силы в мифологии. Наша цель состоит в том, чтобы применить антропологический метод — изучение эволюции идей от дикой к варварской, а оттуда к цивилизованной стадии — в области мифа, ритуала и религии. Было показано, что свет этого метода озарил Евсевия в его полемике с языческими апологетами. Спенсер, глава Corpus в Кембридже (1630-1693), на самом деле не имел в виду никакой другой схемы в своей эрудированной работе по еврейскому ритуалу.⁽¹⁾ Спенсер изучал человеческие религии в целом, и он пришел к выводу, что еврейский ритуал был всего лишь вычеркнутой и, так сказать, божественно "лицензированной" адаптацией языческих обычаев в целом. Мы лишь следуем его указаниям на менее опасной почве, когда ищем оригинальные формы классических обрядов и мифов в параллельных обычаях и легендах самых отсталых рас.

(1) De Legibus Hebraeorum Ritualibus, Tubingae, 1782.

Фонтенель в прошлом столетии со всей ясностью французского интеллекта изложил систему, частично разработанную в этом эссе, — систему, которая объясняет иррациональный элемент в мифе как унаследованный от дикости. Статья Фонтенеля ("Об истоках басен") кратка, разумна и

остроумна и требует небольших, но обильных доказательств, чтобы сделать ее адекватной. Но он просто отбросил эту идею и оставил ее без внимания.⁽¹⁾

(1) См. Приложение А. "Происхождение басен" Фонтенеля.

Среди других основателей антропологической или исторической школы мифологии не следует забывать Де Броссеса. В своей книге "Смерть фетишей" (1760) он следует по пути, указанному Евсевием, — пути Спенсера и Фонтенеля, — ныне проторенному пути Тайлора, М'Леннана и Маннхардта.

В антропологии, в науке Вайтца, Тайлора и М'Леннана, при исследовании веры человека в свете его социальных, правовых и исторических условий в целом, мы находим, вместе с Маннхардтом, некоторые ключи к мифу. Эта наука "делает очевидным, что различные стадии, через которые прошло человечество в своей интеллектуальной эволюции, все еще имеют своих живых представителей среди различных существующих рас. Изучение этих низших рас является бесценным инструментом для интерпретации пережитков более ранних стадий, которые мы встречаем в полной цивилизации культурных народов, но истоки которых уходят в глубочайший фетишизм и дикость".⁽¹⁾

(1) Маннхардт, указ. соч., стр. xxiii.

Именно следуя по этому пути, а также с помощью антропологии и человеческой истории, мы предлагаем искать явно актуальное состояние человеческого интеллекта, естественным и неизбежным результатом которого были бы загадочные качества мифа. Во всех более ранних теориях, которые мы в общих чертах изложили, исследователи считали само собой разумеющимся, что создатели мифов были людьми с философскими и моральными идеями, подобными их собственным, — идеями, которые по какой-то религиозной или государственной причине они выражали в причудливых аллегорических терминах. С другой стороны, мы попытаемся доказать, что человеческий разум прошел через состояние, совершенно непохожее на состояние цивилизованных людей, — состояние, в котором вещи казались естественными и рациональными, а теперь кажутся неестественными и лишенными разума, и в котором, следовательно, если бы мифы были развиты, они, если бы дожили до цивилизации, были бы такими, которые цивилизованные люди находят странными и сбивающими с толку.

Наш первый вопрос будет заключаться в следующем: существует ли такая стадия развития человеческого общества и человеческого интеллекта, на которой факты, кажущиеся нам чудовищными и иррациональными — факты, соответствующие более диким эпизодам мифа, — принимаются как обычные явления повседневной жизни? В области романтического, а не мифического вымысла мы знаем, что такое государство существует. Мистер Лейн в своем предисловии к "Тысяче и одной ночи" говорит, что у арабов есть преимущество перед нами как рассказчиками историй. Они могут описывать такие происшествия, как превращение мужчины в лошадь или женщины в собаку, или вмешательство Ифритов, без каких-либо колебаний, каких не испытывают наши романисты, описывая дуэль или сокрытие завещания. Среди арабов использование магии идухов считается по меньшей мере таким же вероятным и распространенным явлением, каким, по-видимому, считаются дуэли и сокрытие завещаний европейскими романистами. Очевидно, что нам не нужно искать дальше объяснения сверхъестественных событий в арабских романах. Теперь давайте применим эту систему к мифологии. Общеизвестно, что греки, римляне, арийцы Индии в эпоху санскритских

комментаторов и египтяне эпохи Птолемеев и более ранних эпох были так же, как и мы, озадачены мифическими приключениями своих богов. Но известна ли какая-либо стадия развития человеческого интеллекта, на которой подобные приключения и превращения людей в животных, деревья, звезды и все остальное, что озадачивает нас в цивилизованных мифологиях, рассматриваются как возможные происшествия повседневной человеческой жизни? Наш ответ таков: все в цивилизованных мифологиях, которые мы считаем иррациональными, кажется современным дикарям лишь частью принятого и естественного порядка вещей, а в прошлом казалось столь же рациональным и естественным дикарям, о которых у нас есть исторические сведения.⁽¹⁾ Следовательно, наша теория состоит в том, что дикий и бессмысленный элемент мифологии является, по большей части, наследием фантазии предков цивилизованных рас, которые когда-то были в интеллектуальном состоянии не выше, а, вероятно, ниже, чем у австралийцев, людей буша, краснокожих индейцев, низших рас Южной Америки и других народов, худших, чем варварские. По мере того как предки греков, арийцев Индии, египтян и других народов развивались в цивилизации, их религиозная мысль была потрясена мифами (первоначально относящимися к периоду дикости и естественными в тот период, хотя даже тогда часто противоречащими морали и религии), которые сохранялись вплоть до времен Павсания местным духовенством, или которые были стереотипизированы в древних поэмах Гесиода и Гомера, или в брахманах и Ведах Индии, или были сохранены в популярной религии Египта. Эта теория понравилась Лобеку. "Мы можем полагать, что древние племена создавали богов, похожих на них самих в действии и в опыте, и что аллегорическое смягчение мифов является объяснением, добавленным позже потомками, которые достигли более чистых представлений о божественности, но не осмелились отвергнуть религию своих предков".⁽²⁾ Бессмысленный элемент в мифах, согласно этой теории, был бы по большей части "пережитком"; и эпоха и состояние человеческой мысли, из которых он выжил, были бы такими, в которых наши самые обычные представления о природе вещей и пределах возможного еще не существовали, когда все вещи были задуманы совсем по-другому; то есть в эпоху дикости.

(1) Нас попросили ДАТЬ ОПРЕДЕЛЕНИЕ дикарю. Его нельзя определить в эпиграмме, но можно выбрать типаж:—

1. В материальном отношении совершенный дикарь - это тот, кто пользуется орудиями труда из камня и дерева, а не из металла; кто ведет скорее кочевой образ жизни, чем оседлый; кто знаком (если вообще знаком) только с самыми примитивными формами искусства изготовления горшков, ткачества, разведения огня и т.д.; и кто добывает больше пищи охотой и дикими кореньями и растениями, чем каким-либо видом земледелия или мясом домашних животных.

2. В психологии дикарь - это тот, кто (бессознательно распространяя на вселенную свое собственное неявное сознание личности) рассматривает все природные объекты как одушевленные и разумные существа и, не проводя жесткой границы между собой и вещами в мире, легко убеждается, что люди могут быть превращены в растения, зверей и звезды; что ветры и облака, солнце и заря - это личности с человеческими страстями и особенностями; и что низшие животные, особенно, могут быть существами более могущественными, чем он сам, и, в некотором смысле, божественными и творческими.

3. В религии дикарь - это тот, кто (хотя часто, в определенных настроениях, осознает гораздо более высокую нравственную веру) верит также в призраков предков или духов лесов и

колодцев, которые никогда не принадлежали предкам; часто молится с помощью магии; а иногда поклоняется неодушевленным предметам или даже обращается к животным как к сверхъестественным защитникам.

4. В обществе дикарь - это тот, кто (как правило) основывает свои законы на четко определенных принципах тотемизма, то есть заявляет о своем происхождении от природных объектов или ином близком родстве с ними и выводит из священности этих объектов санкцию на свои брачные запреты и кровную месть, в то время как умение в магии он превращает в претензию на выдающийся ранг.

Таков, для нашей цели, дикарь, и мы предлагаем объяснить более "бессмысленные" факторы в мифологии цивилизации как "пережитки" этих идей и обычаев, сохраненных консерватизмом и местной традицией, или, что менее вероятно, заимствованных у рас, которые были дикими.

(2) Aglaoph., i. 153. Если бы Лобек пошел на шаг дальше и исследовал психическое состояние ветеранов и высших родов, эта книга была бы излишней. Не знал он и того, что более чистые идеи существовали и среди некоторых низших дикарей.

Общепризнано, что "пережитки" такого рода действительно являются причиной многих аномалий в наших институтах, в законодательстве, политике, обществе, даже в одежде и манерах. Если в них сохранились изолированные фрагменты более ранних эпох, то еще более вероятно, что другие фрагменты сохраняются во всем, что столь тесно связано, как мифология, с консервативными религиозными чувствами и традициями. Итак, наша цель - доказать, что "глупый, дикий и иррациональный" элемент в мифах цивилизованных народов, как правило, является либо пережитком периода дикости, либо был заимствован культурным народом у диких соседей, либо, наконец, является имитацией позднейшими поэтами древних сведений о дикарях. (1) Например, объяснять созвездия как метаморфозу людей, животных или других объектов земной жизни — привычка дикарей, (2) естественная привычка людей, которые рассматривают все вещи как находящиеся на одном уровне личной жизни и интеллекта. Когда звезды среди цивилизованных греков или арийцев Индии также широко рассматриваются как преображенные люди, животные и тому подобное, эта вера может быть либо пережитком эпохи, когда предки греков и индийцев были в интеллектуальном состоянии австралийских мурри; или название звезды и звездный миф могли быть заимствованы у дикарей или у культурных народов, когда-то бывших дикими или склонных копировать дикарей; или, как в случае с *Soma Berenices*, поэт позднего возраста мог изобрести новый искусственный миф на основе старых линий дикой фантазии. .

(1) Нас могут спросить, почему дикари придерживаются иррациональных идей, которые сохранились в мифах? С таким же успехом можно спросить, почему они едят друг друга или используют камни вместо металла. Их интеллектуальные способности развиты не полностью, и поспешные аналогии из их собственного неразумного сознания являются их главным ориентиром. Миф, по выражению мистера Дарвина, является одним из "жалких и косвенных последствий наших высших способностей". Происхождение человека, стр. 69.

(2) См. Обычай и миф, "Звездные мифы".

Мы должны повторить, что этот метод интерпретации определенного элемента мифологии не является чем-то новым, хотя, судя по протестам нескольких мифологов, он является новым для многих исследователей. Мы видели, что Евсевий выдвигал предложения в этом направлении;

что Спенсер, Де Броссе и Фонтенель бессознательно следовали ему; и мы процитировали высказывание Лобека, придерживающегося аналогичного мнения. Весь этот вопрос был изложен как можно более ясно мистером Б. Б. Тайлором:—

"Дикари на протяжении неисчислимых веков жили и продолжают жить на стадии мифотворчества человеческого разума. Именно из-за явного невежества и пренебрежения этим прямым знанием того, как и каким образом люди на самом деле создают мифы, их простая философия оказалась погребенной под горами комментаторского хлама ..." (1) М-р Тайлор продолжает так (и в его словах содержится суть нашего аргумента): "Общий тезис заключается в том, что миф возник в диких условиях, преобладавших в отдаленные века среди всего человечества; что он остается сравнительно неизменным среди грубых современных племен, которые меньше всего отошли от этих примитивных условий, в то время как более высокие и поздние цивилизации частично сохранили свои действительные принципы, а частично - благодаря продолжая унаследованные результаты в форме традиции предков, продолжая ее не просто в терпимости, но и в почете". (2) В другом месте м-р Тайлор указывает, что с помощью этого метода интерпретации мы можем изучать мифы на различных стадиях эволюции, начиная с грубых догадок дикаря об объяснении природных явлений, через системы высшего варварства или низших цивилизаций (как в древней Мексике) и священства Индии, пока миф не достигнет своей наиболее человеческой формы в Греции. Однако даже в греческих мифах зверь не изгнан полностью, и Эллада ни в коем случае не "позволила обезьяне и тигру умереть". То, что мистер Тайлор не исключает арийскую расу из своей общей теории, достаточно очевидно. (3) "Что такое арийская концепция бога Грома, как не поэтическое изложение мыслей, унаследованных от стадии дикости, через которую прошли первобытные арии?" (4)

(1) Первобытная культура, 2-е изд., i. стр. 283.

(2) Указ. соч., стр. 275.

(3) Первобытная культура, 2-е изд., ii. 265.

(4) Похоже, что примерно такой же точки зрения придерживается мистер Макс Мюллер (Девятнадцатый век, январь 1882 г.), когда он называет Цуй Гоаба (которого готтентоты считают ныне покойным фокусником) "готтентотским Индрой или Зевсом".

Преимущества нашей гипотезы (если признать ее правомерность) очевидны. Во-первых, мы имеем дело с реальным доказуемым состоянием человеческого интеллекта. Существование дикого состояния во всех его различных степенях, а также общие интеллектуальные привычки и условия, которые разделяют отсталые народы, и, опять же, выживание многих из них в условиях цивилизации, являются несомненными фактами. Мы не обязаны прибегать к какой-то причудливой и ничем не подкрепленной теории о том, что делал, говорил и думал "первобытный человек". Более того, мы избегаем всех заблуждений, связанных с терминами "первобытный человек". Мы не обязаны (как будет показано ниже) (1) доказывать, что первые люди были похожи на современных дикарей или что дикари представляют собой первобытного человека. Возможно, что самые низшие из дошедших до нас дикарей являются ближайшими из существующих народов к типу первых человеческих существ. Но в этом пункте нам нет необходимости догматизировать. Если мы сможем показать, что, независимо от того, начинали ли люди свою карьеру как дикари или нет, они, по крайней мере, прошли через статус дикарей или позаимствовали идеи рас в статусе дикарей, это все, что нам нужно. Мы вырываемся из

всех ловушек теорий (не поддающихся историческому подтверждению) о действительно первобытном и изначальном состоянии человеческой семьи.

(1) Приложение В.

Еще раз, наша теория естественным образом привязана к общей системе Эволюции. Мы имеем возможность рассматривать мифологию как явление постепенного развития и медленных и разнообразных модификаций, соответствующих в некоторой степени различным изменениям в общем прогрессе общества. Таким образом, мы будем наблюдать за варварскими условиями мышления, которые порождают варварские мифы, в то время как они, в свою очередь, сохраняются, или, возможно, очищаются, или, возможно, объясняются более развитыми цивилизациями. Далее, мы сможем обнаружить сохранение диких идей с наименьшими изменениями и живучесть диких мифов с наименьшими изменениями среди классов цивилизованного населения, которые меньше всего участвовали в общем прогрессе. Эти классы - это, во-первых, сельские жители, живущие вдали от городов и школ, на пустошах или у моря; во-вторых, консервативное местное духовенство, которое сохраняет более грубые и древние мифы о местных богах и героях после того, как они были изменены или отвергнуты более чистыми философами и национальными поэтами. Таким образом, большая часть древнего мифа представляет собой сплетенную основу из трех нитей: "дикого донни", цивилизованной и поэтической модификации "дикого донни", версии оригинальной басни, которая сохранилась в популярных сказаниях и в "священных главах" местного духовенства. Критическое изучение этих трех стадий развития мифа соответствует признанной научной практике. Действительно, вся система является лишь приложением к этой конкретной области, мифологии, метода, с помощью которого прослеживается развитие организмов или человеческих институтов. Как аномалии и явно бесполезные и случайные особенности человека или других животных организмов могут быть объяснены как недоразвитые или рудиментарные остатки органов, полезных на предыдущей стадии жизни, так и аномальные и иррациональные мифы цивилизованных рас могут быть объяснены как пережитки историй, которые на более раннем этапе мышления и знаний казались достаточно естественными. Живучесть мифов объясняется хорошо известным консерватизмом религиозных чувств — консерватизмом, замеченным еще Евсевием. "В более поздние времена, когда они стали стыдиться религиозных верований своих предков, они изобрели частные и уважительные толкования, каждый по своему усмотрению. Ибо никто не осмеливался поколебать верования предков, поскольку они очень высоко ценили святость и древность старых ассоциаций и учения, которое они получили в детстве".(1)

(1) Praep. E., ii. 6, 19.

Таким образом, метод, который мы предлагаем использовать, согласуется как с современной научной процедурой, так и со взглядами дальновидного Отца Церкви. Следовательно, ни одна система не может быть менее "еретической" и "неортодоксальной".

Последнее преимущество нашей гипотезы, о котором необходимо здесь упомянуть, состоит в том, что оно помогает объяснить РАСПРОСТРАНЕНИЕ не меньше, чем ПРОИСХОЖДЕНИЕ дикого и безумного элемента в мифе. Мы ищем истоки дикарского фактора мифа в одном аспекте интеллектуального состояния дикарей. Мы специально говорим "в одном аспекте", чтобы уберечься от предположения, что интеллект дикаря не имеет другого аспекта, кроме этого, и нет более разумных идей, чем идеи мифа. Распространение историй, практически

идентичных в каждой четверти земного шара, можно (условно) рассматривать как результат преобладания в каждой четверти, в то или иное время, сходных ментальных привычек и идей. На это объяснение не следует давить слишком сильно или заходить слишком далеко. Если мы обнаружим во всем мире веру в то, что люди могут превращать себя и своих соседей в зверей, эта вера объяснит появление метаморфозы в мифах. Если мы обнаружим веру в то, что неодушевленные предметы действительно находятся на одном уровне с человеком, это мнение объяснит такие эпизоды мифа, как тот, в котором деревянная фигура-голова на "Арго" говорит человеческим голосом. Опять же, широко распространенная вера в отделимость души или жизни от тела объясняет эпизод из детских сказок и мифов о "великане, у которого не было сердца в теле", но который хранил свое сердце и жизнь в другом месте. Древняя идентичность ментального статуса и действие сходных ментальных сил в попытке объяснить одни и те же явления объяснят, без какой-либо теории заимствования, передачи мифа или изначального единства расы, распространение многих мифических концепций по всему миру.

Но эта теория об изначальном сходстве разума дикарей повсюду и у всех рас едва ли объясняет повсеместное распространение длинных и запутанных мифических СЮЖЕТОВ, последовательных серий искусно переплетенных ситуаций. При наличии этих длинных романов, встречающихся у стольких широко разделенных народов, догадки в настоящее время почти бесполезны. Во многих случаях мы не знаем, были ли такие истории разработаны независимо, или перенесены из общего центра, или заимствованы одной расой у другой и таким образом распространены по всему миру.

Эту главу можно завершить примером сказки, РАСПРОСТРАНЕНИЕ которой можно объяснить по-разному, хотя ее ПРОИСХОЖДЕНИЕ, несомненно, кажется диким. Если мы обратимся к алгонкинам, племени краснокожих индейцев, то наткнемся на популярную традицию, которая действительно заставляет задуматься мифолога. Могла ли эта история, спрашивает он себя, быть придумана отдельно в совершенно разных местах, или ирокезы могли позаимствовать ее у австралийских чернокожих или жителей Андаманских островов? В большинстве мифологий принято считать, что все ценное для человека — огонь, солнце, вода — находится во владении какой-то враждебной силы. Затем огонь, или солнце, или вода похищаются или другими способами спасаются от врага и возвращаются человечеству. История гуронов (что касается воды) рассказана отцом Полем Ле Женом, миссионером-иезуитом, который жил среди гуронов около 1636 года. Миф начинается с обычного противостояния двух братьев, Каина и Авеля из дикой легенды. Один из братьев, по имени Иоскеха, убил другого и стал отцом человечества (как известно краснокожим индейцам) и защитником ирокезов. Сначала земля была засушливой и бесплодной, но Иоскеха уничтожил гигантскую лягушку, которая поглотила всю воду, и направил потоки в гладкие ручьи и озера.(1)

(1) Relations de la Nouvelle France, 1636, p. 103 (Paris, Cramoisy, 1637).

Итак, где, кроме Северной Америки, мы находим эту лягушку, которая проглотила всю воду? Мы находим ее в Австралии.

"Аборигены озера Тайерс, - замечает мистер Броу Смит, - говорят, что когда-то нигде на поверхности земли не было воды. Вся вода содержалась в теле огромной лягушки, и мужчины и женщины не могли достать ни одной из них. Был проведен совет, и... было решено, что лягушку следует заставить смеяться, когда вода потечет у нее изо рта, и ее будет вдоволь во всех частях тела".

Короче говоря, все животные изображали шутов перед гигантской торжественной лягушкой, которая сидела такая же серьезная, как Людовик XV. "Я не люблю шутов, которые не заставляют меня смеяться", - сказал этот величественный монарх. Наконец угорь заплясал на кончике его хвоста, и серьезность огромного батрахиянца ослабла. Он смеялся до тех пор, пока у него буквально не лопнули бока, и заключенные в ловушку воды хлынули стремительным потоком. Действительно, многие люди утонули, хотя это не единственная австралийская версия Всемирного потопа.

Жители Андаманских островов живут на очень значительном расстоянии от Австралии и от ирокезов, и при нынешнем положении коренных жителей Австралии и Андаманских островов ни те, ни другие не могут посещать друг друга. Лягушку в андаманской версии называют жабой, и она пришла, чтобы проглотить воду следующим образом: однажды дятел ел мед высоко на ветвях дерева. Далеко внизу жаба была свидетельницей пиршества и попросила немного меда. "Ну, поднимись сюда, и ты получишь немного", - сказал дятел. "Но как же мне взобраться?" "Держись за это ползучее растение, и я вытащу тебя наверх", - сказал дятел; но все это время он был занят розыгрышем. Итак, жаба забрался в ведро, которое у него случайно оказалось, и привязал ведро к лиане. "Теперь тяни!" Затем дятел медленно поднял жабу на уровень ветки, где был мед, и вскоре с разбегу опустил ее вниз, не только разочаровав бедного жабу, но и сильно встряхнув его. Взбешенный жаб ушел и стал озираться по сторонам, ожидая мести. Ему в голову пришла счастливая мысль, и он выпил всю воду из рек и озер. Птицы и звери, в том числе дятлы, погибали от жажды. Жаба, вне себя от радости по поводу своего успеха, пожелал нанести еще одно оскорбление и, очень легкомысленно, начал раздражающе танцевать перед своими врагами. Но затем украденная вода хлынула у него изо рта в полном объеме, и засуха вскоре закончилась. Одним из самых любопытных моментов в этом мифе является происхождение ссоры между дятлом и жабой. То же самое начало — история об оскорблении, нанесенном животному, когда его подняли и бросили на землю во время бега, — встречается в африканском Марчене.(1)

(1) Броу Смит, "Аборигены Виктории", i. 429, 430; Бринтон, "Мифы американских героев", i. 55. Ср. также *Relations de la Nouvelle France*, 1636, 1640, 1671; (Сагард, *Hist. du Canada*, 1636, стр. 451;) *Антропологический журнал*. Inst., 1881.

Теперь эта странно размытая история об убийстве лягушки, проглотившей всю воду, кажется диким мифом, более героический конфликт Индры с Вриттроей (драконом, проглотившим всю воду) является эпической и сублимерной версией.(1) "Небесная вода, которую Вриттра утаивает от мира, обычно является призом состязания".

(1) Ludwig, *Der Rig-Veda*, iii. p. 337. См. постea, "Божественные мифы Индии".

Змей из ведического мифа, возможно, скорее разбойник-страж, чем глотатель вод, но Индра по-прежнему, подобно ирокезу Иоскехе, "тот, кто ранит полного".(1) Этот пример широкого распространения мифа показывает, как вопрос распространения, хотя и связанный с ним, все же отличается от вопроса происхождения. Преимущество нашего метода окажется в том, что он обнаруживает историческое и доказуемое состояние ума как источник дикого элемента в мифе. Опять же, широкое распространение в древнейшие времена этого психического состояния в определенной степени объясняет РАСПРОСТРАНЕНИЕ мифов. Конечно, необходимо оставить место для процессов заимствования и передачи, но как андаманцы, австралийцы и гуроны могли заимствовать друг у друга, остается нерешенной проблемой.

(1) Губернатис, Зоологический миф. ii. 395, примечание 2. "Когда Индра убивает змею, он открывает поток вод" (стр. 393). См. также "Айтарея Брахмана", перевод Хауга, ii. 483.

Наконец, наша гипотеза не связана с сомнительными расовыми теориями. Нам кажется, что на мифы (в их происхождении) гораздо меньше влияет раса, чем уровень культуры, достигнутый людьми, которые их лелеют. Битва за воды между чудовищным драконом, подобным Вриттре, и героическим богом, подобным Индре, - более благородное дело, чем ссора за воду между дятлом и жабой. Но улучшение и преображение, так сказать, мифа, по сути, то же самое, связано с высшей культурой, а не с особой расой ведических поэтов, за исключением того, что сама культура зависит от расы. В какой степени более чистая культура была достигнута благодаря первоначальному превосходству арийской породы над андаманской, для нашей цели нет необходимости выяснять. Таким образом, в целом, мы можем утверждать, что наша система обладает определенным доказуемым характером, который помогает упростить проблемы мифологии и перевести их из области причудливых догадок и противоречивых этимологических предположений в область трезвой науки. То, что эти утверждения не остаются без внимания даже мифологов, получивших образование в других школах, подтверждается замечаниями доктора Тиле.(1)

(1) Преподобный де л'Ист. des Rel., "Миф о Кроносе", январь 1886 г. Следует отметить, что доктор Тиле не является убежденным приверженцем нашей теории. Смотрите Современную мифологию: "Вопрос о союзниках".

Доктор Тиле пишет: "Если бы мне пришлось выбирать между этим методом" (система, которую здесь отстаивают)" и методом сравнительной филологии, я бы без малейших колебаний выбрал первый. Только этот метод позволяет нам объяснить тот факт, который так часто вызывал изумление, что люди столь утонченные, как греки, ... или такие грубые, но нравственно чистые, как германцы, ... умудрялись приписывать своим богам всевозможные трусости, жестокость и беспорядочное поведение. Только этот метод объясняет, почему и зачем происходили все те странные превращения богов в животных, растения и даже камни, которые шокировали философов и на которых остроумный Овидий играл для развлечения своих современников. Короче говоря, этот метод учит нас распознавать во всех этих странных историях пережитки варварской эпохи, давно ушедшей в прошлое, но сохранившейся до более поздних времен в форме религиозных традиций, из всех традиций наиболее стойких.... Наконец, только этот метод позволяет нам объяснить происхождение мифов, потому что он пытается изучить их в их самой грубой и примитивной форме, таким образом позволяя их истинному значению проявиться гораздо яснее, чем это может быть в мифах (так часто затрагиваемых, ретушируемых, дополненных и очеловеченных), которые распространены среди рас, достигших определенного уровня культуры".

Этот метод в такой степени одобрен наиболее компетентным органом, и он был тепло принят выдающейся французской школой студентов, представленной М. Гайдозом. Но очевидно, что метод основан на двойной гипотезе: во-первых, что получены удовлетворительные доказательства умственного состояния низших и отсталых рас; во-вторых, что цивилизованные расы (как бы они ни начинались) либо прошли через дикое состояние мышления и практики, либо очень свободно заимствовали у людей в этом состоянии. Эти гипотезы подверглись нападкам со стороны оппонентов; особенно подверглась нападкам достоверность наших доказательств. В целях облегчения изложения и уменьшения тревожащего элемента

противоречия ответ на возражения и защита доказательств были перенесены в Приложение.(1)
Тем временем мы переходим к изучению особых характеристик психического состояния дикарей и народов нижнего и верхнего варварства.

(1) Приложение В.

ГЛАВА III. ПСИХИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ДИКРЕЙ —ПУТАНИЦА С ПРИРОДА—ТОТЕМИЗМ.

Психическое состояние дикарей — основа иррационального элемента в мифах -Характеристики этого состояния: (1) Смешение всех вещей при равенстве предполагаемой одушевленности и интеллекта; (2) Вера в колдовство; (3) спиритуализм; (4) Любопытство; (5) Легкая доверчивость и умственная лень — Любопытство удовлетворяется, благодаря доверчивости, мифами в ответ на все запросы—Свидетельство тому — мистер Мнение Тайлора—Мг. Я Турн—Отношения миссионеров—иезуитов-Примеры путаницы между людьми, растениями, животными и другими природными объектами—Отчеты путешественников—Свидетельства института тотемизма—Определение тотемизма—Тотемизм в Австралии, Африке, Америке, на островах Океании, в Индии, Северной Азии—Выводы: Тотемизм, столь широко распространенный, является доказательством существования того дикого психического состояния, при котором не проводится грань между людьми и другими вещами в мире. Эта путаница - одна из характерных черт мифов всех рас.

Мы намеревались обнаружить стадию интеллектуального развития человека, которая обязательно породила бы существенные элементы мифа. Мы думаем, что нашли эту стадию в состоянии дикости. Теперь мы переходим к систематизации свидетельств о психических процессах дикарей. Мы намерены продемонстрировать существование в практической жизни дикарей идей, которые больше всего удивляют нас, когда мы находим их в священных легендах цивилизации.

Для целей настоящего исследования достаточно выделить несколько особых особенностей мышления дикарей.

1. Во-первых, у нас такое туманное и запутанное состояние ума, при котором все вещи, одушевленные или неодушевленные, человеческие, животные, растительные или неорганические, кажутся находящимися на одном и том же уровне жизни, страсти и разума. Дикарь, во всяком случае, при создании мифов, не проводит жесткой границы между собой и окружающим миром. Он считает себя буквально сродни животным, растениям и небесным телам; он приписывает секс и способность к деторождению даже камням и утесам, а человеческую речь и человеческие чувства он приписывает солнцу, луне, звездам и ветру не меньше, чем зверям, птицам и рыбам.(1)

(1) "So fasst auch das Alterthum ihren Unterschied von den Menschen ganz anders als die spätere Zeit."—Grimm, quoted by Liebrecht, Zur Volkskunde, p. 17.

2. Второй момент, на который следует обратить внимание во взглядах дикарей, - это вера в магию и колдовство. Поскольку мир и все вещи в нем смутно представляются разумными и рациональными, подчиняйтесь командам определенных членов племени, вождей, жонглеров, фокусников или кого угодно еще. Скалы открываются по их приказу, реки пересыхают, животные являются их слугами и беседуют с ними. Эти маги вызывают или исцеляют болезни и могут управлять даже погодой, вызывая дождь, гром или солнечный свет по своему желанию.⁽¹⁾ Есть несколько сверхъестественных атрибутов "повелевающего облаками Зевса" или Аполлона, которые не могут быть добровольно присвоены племенному фокуснику. Несомненно, благодаря общности природы между человеком и вещами в мире, фокусник (подобно Зевсу или Индре) может по желанию принимать облик любого животного или может превращать своих соседей или врагов в животные формы.

(1) См. Рот в книге "Аборигены северо-запада Центрального Квинсленда", глава xii, 1897г.

3. Другая особенность верований дикарей, естественно, связана с тем, что только что было описано. У дикарей очень сильные представления о постоянном существовании душ умерших. Они сохраняют большую часть своей прежней природы, но часто становятся более злокачественными после смерти, чем были при жизни. Они часто находятся на побегушках у фокусника, которому помогают своими советами и своей магической силой. В силу тесной связи, о которой уже говорилось между человеком и животными, души умерших нередко переселяются в тела животных или возвращаются к состоянию того вида существ, с которым каждое племя считает себя связанным узами родства или дружбы. С обычной непоследовательностью мифологических верований о душах умерших иногда говорят так, как будто они населяли духовный мир, иногда цветочный рай, иногда мрачное место, которое могут посещать смертные, но откуда не может сбежать никто, отдававший пищи призраков.

4. В связи с духами преобладает далеко идущая дикая философия. Нет ничего необычного в том, чтобы приписывать призрака всем объектам, одушевленным или неодушевленным, и дух или сила человека часто рассматриваются как нечто отдельное, способное находиться во внешнем объекте или в чем-то, имеющем определенное местоположение в теле. Сила и дух человека могут заключаться в жировых отложениях его почек, в его сердце, в пряди его волос или даже храниться им в каком-то отдельном сосуде. Очень часто считается, что человек способен отделить свою душу от тела и позволить ей бродить по своим делам, иногда в виде птицы или другого животного.

5. Можно было бы назвать множество второстепенных верований дикарей, таких как распространенная вера в дружелюбных или защищающих животных, а также представление о том, что "естественная смерть" (как мы ее называем) всегда НЕЕСТЕСТВЕННА, что смерть всегда вызывается каким-то враждебным духом или колдуном. Из этого мнения вытекает миф о том, что человек от природы не подвержен смерти: то, что смерть каким-то образом была привнесена в мир по ошибке или проступку, является следствием. (См. "Мифы о происхождении смерти" в современной мифологии.)

6. В этом кратком обзоре остается рассмотреть еще одну ментальную особенность ума дикаря. Дикарь, как и цивилизованный человек, любопытен. Первые слабые импульсы научного духа

действуют в его мозгу; ему не терпится дать себе отчет о мире, в котором он находится. Но он не более любопытен, чем при случае легковверен. Его интеллект горит желанием задавать вопросы, как это принято у детей, но его интеллект также ленив, и он довольствуется первым ответом, который попадает под руку. "Этот рассказ о первых понятиях интересен всем", - говорит отец Иером Лалеман. (1) "Ничто, - говорит Скулкрафт, - не является слишком емким (sic) для индийской веры". (2) Ответы на свои вопросы он получает из традиции или (когда возникает новая проблема) сам придумывает ответ в форме ИСТОРИЙ. Точно так же, как Сократ в платоновских диалогах вспоминает или изобретает миф в отчаянии от разума, так и у дикаря есть история для ответа почти на каждый вопрос, который он может себе задать. Эти истории в некотором смысле научны, потому что в них делается попытка разрешить загадки мира. Они в некотором смысле религиозны, потому что обычно существует какая-то сверхъестественная сила, *deus ex machina*, способная разрубить узел проблемы. Таким образом, подобные истории являются наукой и в определенной степени религиозной традицией дикарей.(3)

(1) *Relations de la Nouvelle France*, 1648, p. 70.

(2) *Алгические исследования*, i. 41.

(3) "Индейцы (алгонкины) передавали наставления — моральные, механические и религиозные - через традиционные вымыслы и сказки". Скулкрафт, *Алгические исследования*, i. 12.

Итак, эти рассказы неизбежно отлиты по образцу тех диких идей, общий очерк которых был дан выше. Изменения небесных тел, смена дня и ночи, существование звезд, изобретение искусств, происхождение мира (насколько это известно дикарю), племена, различных животных и растений, происхождение самой смерти, происхождение запутанных традиционных племенных обычаев - все это описано в историях. В то же время иногда постулируется существование действительного божественного Творца. Истории, опять же, составлены в соответствии с уже названными верованиями: верой в связь человека с животными и растениями и их родство; верой в магию; верой в постоянную возможность метаморфоз или "изменения формы"; верой в постоянство и могущество призраков умерших; верой в личный и одушевленный характер всех вещей в мире и так далее.

Больше нет необходимости говорить, чтобы объяснить дикий и (как это кажется нам, современным) иррациональный характер дикарского мифа. Это джунгли глупых фантазий, вальпургиева ночь богов, зверей, людей, звезд и призраков, все безумно движущиеся на уровне общей индивидуальности и одушевления, и все меняющие формы случайным образом, как меняются партнеры на каком-нибудь фантастическом пиршестве ведьм. Такова мифология дикарей, и как может быть иначе, когда мы рассматриваем элементы мышления и верований, из которых она в основном состоит? Мы увидим, что часть мифологии греков или ариев Индии представляет собой всего лишь подобную вальпургиеву ночь, в которой бог кровосмешения или любви может стать зверем, и объект его преследования, когда-то женщина, также может стать зверем, а затем принять форму дерева, птицы или звезды. Но у цивилизованных рас народный гений стремится подавить, исключить и облагородить дикий элемент, который, однако, никогда не устраняется полностью. Вскоре Эринии затыкают рот ахиллесову коню, когда он начинает, подобно коню из "Девушки-гусыни" Братьев Гримм, поддерживать продолжительную беседу.(1) Но древний, жестокий и гротескный элемент дикости, почти преодоленный Гомером и значительно уменьшенный ведическими поэтами, снова прорывается у Гесиода, в храмовых легендах и брахманических толкованиях и, наконец, оказывается настолько сильным, что его

может подавить только христианство, или, скорее, тот разрыв между образованными классами и традиционным прошлым религии, который произошел в результате христианства. Тем не менее, миф сохранился в фольклоре непрогрессивных классов Европы и, как в Румынии, вторгся в религию.

(1) Илиада, хіх. 418.

Теперь мы должны продемонстрировать существование в интеллекте дикарей различных идей и привычек, которые мы описали и из которых проистекает мифология. Во-первых, мы должны показать, что "туманное и запутанное состояние ума, при котором все вещи, живые или неодушевленные, человеческие, животные, растительные или неорганические, кажутся находящимися на одном и том же уровне жизни, страсти и разума", действительно существует. (1) Существование этого состояния интеллекта будет продемонстрировано сначала на основании заявлений цивилизованных наблюдателей, затем на основании свидетельств диких институтов, в которых оно воплощено.

(1) Крейцер и Гиньо, том і, стр. 111.

Мнение м-ра Тайлора, естественно, имеет большую ценность, поскольку оно сформировано на основе настолько широкого знакомства с воззрениями низших рас, насколько это возможно для любого исследователя. М-р Тайлор замечает: "Мы должны ознакомиться с представлением дикаря о природе низших животных, которое сильно отличается от представления цивилизованного человека.... Чувство абсолютного психического различия между человеком и животным, столь распространенное в цивилизованном мире, вряд ли можно найти среди низших рас". (1) Универсальное приписывание "душ" всем вещам - теория, известная как "анимизм", — является еще одним доказательством того, что дикарь не проводит четкой границы между человеком и другими вещами в мире. Представление итальянских крестьян о том, что жестокость по отношению к животному не имеет значения, потому что оно не является "христианином", не имеет аналогов в философии дикаря, которому кажется, что все предметы обладают душой, как и люди. Мистер Им Турн обнаружил, что отсутствие какого-либо ощущения разницы между человеком и природой является характерной чертой его местных жителей в Гвиане. "Сама фраза "Люди и другие животные", или даже, как ее часто выражают, "Люди и животные", основанная на превосходстве, которое цивилизованный человек чувствует над другими животными, выражает дихотомию, которая никоим образом не осознается индейцами.... Поэтому наиболее важно осознать, насколько сравнительно мала на самом деле разница между людьми в состоянии дикости и другими животными, и насколько полностью даже та разница, которая существует, ускользает от внимания диких людей... Поэтому не будет преувеличением сказать, что, согласно взглядам индейцев, другие животные отличаются от людей только телесной формой и различной степенью силы; по духу они вообще не отличаются". (2) Представление индейцев о жизни растений и камней находится на том же уровне неразумия, который мы, современные люди, считаем разумным. Он верит в духов скал и самоцветов, его не смущает отсутствие движения в этих объектах. "Предполагается, что не только множество скал, но и множество водопадов, ручьев и действительно материальных объектов любого рода состоят из тела и духа, как и человек". (3) Не наше дело спрашивать здесь, как люди пришли к вере во всеобщую одушевленность. Эта вера постепенно уходит, постепенно вводятся различия по мере развития цивилизации и знаний. Для нас достаточно, если неспособность провести четкую границу между человеком и животными, камнями и

растениями практически повсеместна среди дикарей и если она постепенно исчезнет перед более полным познанием цивилизации. Сообщение, которое м-р Им Турн приводит от индейцев Гвианы, подтверждается тем, что Скулкрафт говорит об алгонкинских расах северной части континента. Вера рассказчиков и слушателей в каждую дикую и невероятную вещь, рассказанную, чудесным образом помогает в оригинальных историях соединить все части воедино. Индеец верит, что все видимое и невидимое творение одушевлено.... Что еще хуже, эти племена верят, что животные как низшего, так и высшего класса в цепи творения одинаково наделены мыслительными способностями. В качестве естественного вывода они наделяют птиц, зверей и всех других животных душами". (4) В качестве примера легкости, с которой дикарь распознает сознание и произвольное движение даже в камнях, можно привести рассказ Коля о верованиях объективистов.(5) Почти каждый индеец открыл, по его словам, объект, которому он питает особое доверие и которому он жертвует более ревностно, чем Великому Духу. "Надеждой" Отамигана (спутника путешественника) была скала, которая однажды двинулась ему навстречу, покачнулась, поклонилась и снова вернулась назад. Другой индеец почитал канадскую лиственницу, "потому что однажды он услышал очень примечательный шелест в ее ветвях". Таким образом, по-видимому, хотя у дикаря есть общее представление о том, что неодушевленные предметы одушевлены, на него производит большое впечатление их поведение, когда он думает, что они действительно проявляют свою одушевленность. Точно так же набожный современный спиритуалист, вероятно, с большим почтением относится к столу, за которым он видел танцы и слышал стук, чем к столу, за которым он только обедал. Другое общее утверждение о неспособности провести грань между людьми и иррациональным творением содержится в книге старого миссионера-иезуита Ле Жена "Отношения Новой Франции".(6) "Les sauvages se persuadent que non seulement les hommes et les autres animaux, mais aussi que toutes les autres choses sont animees." Again: "Ils tiennent les poissons raisonnables, comme aussi les cerfs". На Соломоновых островах мистер Ромилли плавал со старым вождем, который нецензурно выражался в адрес волн, когда они угрожали опрокинуть лодку, и "увещевания старого Такки увенчались успехом".(7) Вайтц(8) обнаруживает такое же отношение к животным у негров. Человек, по их мнению, ни в коем случае не является отдельным видом личности на вершине природы и высоко над животными; их он скорее рассматривает как темных и загадочных существ, чья жизнь полна тайн, и которых он поэтому считает то своими подчиненными, то своими начальниками. Сэром Джоном Лаббоком была собрана коллекция доказательств того, что дикари не умеют отличать человека от нечеловека, живое от неодушевленного.(9)

(1) первобытная культура, i. 167-169.

(2) Среди индейцев Гвианы (1883), стр. 350.

(3) Указ. соч., 355.

(4) Скулкрафт, Алгические исследования, i. 41.

(5) Коль, "Странствия вокруг озера Верхнее", стр. 58, 59; Мюллер, "Американский язык", стр. 62-67.

(6) 1636, стр. 109.

(7) Западная часть Тихого океана, стр. 84.

(8) Anthropologie der Natur-Völker, ii. 177.

(9) Происхождение цивилизации, стр. 33. Ряд примеров такого ментального настроения среди бушменов можно найти в главе v., после.

Для расы, привыкшей, подобно нам, упорядочивать и классифицировать, для людей, знакомых с детства и их игр с "растениями, животными и минералами", состояние ума, при котором такие различия не проводятся, не больше, чем в греческих или брахманических мифах, естественно, должно казаться тем, что мистер Макс Мюллер называет "временным помешательством". Воображение дикаря было определено мистером Тайлором как "нечто среднее между состояниями здорового, прозаичного современного гражданина и буйствующего фанатика или пациента в лихорадочной палате". Если какие-либо пережитки такого воображения выживут в цивилизованной мифологии, они будут очень сильно напоминать порождения некогда всеобщего "временного безумия". Итак, пусть будет допущено, что "для низших племен человека солнце и звезды, деревья и реки, ветры и облака становятся личностными, одушевленными созданиями, ведущими жизнь, соответствующую аналогии с жизнью человека или животного, и выполняющими свои особые функции во вселенной с помощью конечностей, подобных животным, или искусственных инструментов, подобных людям; или что то, что видят человеческие глаза, является всего лишь инструментом для использования или материалом для придания формы, в то время как за этим стоит некое потрясающее, но все же получеловеческое существо, которое сжимает это руками или дует на это своим дыханием. Основа, на которой строятся подобные идеи, не должна сводиться к поэтической фантазии и трансформированной метафоре. Они опираются на широкую философию природы; действительно, раннюю и грубую, но вдумчивую, последовательную и вполне реально и серьезно задуманную".(1)

(1) Первобытная культура, глава 285.

Далее в качестве иллюстрации необходимо привести несколько незначительных примеров этого смешения между человеком и другими вещами в мире, которое вскоре будет проиллюстрировано свидетельством мощного и давно рассеянного набора институтов.

Христианские киши Гватемалы верят, что у каждого из них есть зверь в качестве друга и защитника, точно так же, как в Высокогорье "собака - друг Маклейнов". Когда финны в своей эпической поэме "Калевала" убивают медведя, они умоляют животное простить их. "О, От-со, - поют певцы, - не сердись, что мы приближаемся к тебе. Медведь, медоногий медведь, родился в землях между солнцем и Луной, и он умер не от рук людей, а по своей собственной воле". (1) У краснокожих Северной Америки (2) есть традиция, показывающая, почему медведь не умирает, но, подобно Геродоту со священными историями египетских жрецов, мистер Скулкрафт "не может заставить себя описать это".(3) В высшей степени любопытно, что аборигены Австралии рассказывают похожую историю о СВОЕМ "родном медведе". "Он не умер", когда на него напали люди.(4) В некоторых частях Австралии снимать шкуру с местного медведя считается большим преступлением, точно так же, как на части западного побережья Ирландии, где тюлени считаются суеверными, людей нельзя подкупить, чтобы они сняли шкуру с них. В Новой Каледонии, когда ребенок пытается убить ящерицу, мужчины предупреждают его, чтобы он "остерегался убивать своего собственного предка".(5) Зулусы жалеют на уничтожение определенного вида змей, которые, как полагают, являются духами сородичей, поскольку большая змея, появившаяся во время жертвоприношения Энея, считалась призраком Анхиза. Мексиканские женщины (6) верили, что дети, рожденные во время затмения, превращаются в

мышей. В Австралии туземцы верят, что дикая собака обладает даром речи; всякий, кто слушает ее, окаменеет; и показано определенное место, где "дикая собака заговорила и превратила людей в камень"; (7) и чернокожие убегают, спасая свои жизни, как только собака начинает говорить. Там было написано "Кости".

(1) Калевала в "Ла Финляндия", Леузон Ле Дюк (1845), том ii, стр. 100; ср. также Введение.

(2) Скулкрафт, v. 420.

(3) Смотрите аналогичные церемонии умилоствления медведя в книге Джуэтта "Приключения среди нутка", Эдинбург, 1824.

(4) Броу Смит, i. 449.

(5) Мисс Дж. Дж. Аткинсона

(6) Саагун, ii. viii. 250; Бэнкрофт, iii. 111. Сравните истории женщин, рожавших животных в Мелузине, 1886 год, август-ноябрь. Батавийцы верят, что женщины, рожая ребенка, часто рожают одновременно с молодым крокодилом-близнецом. "Путешествия Хоксворта", iii. 756. Liebrecht, Zur Volkskunde, p. 17 et seq.

(7) Броу Смит, "Аборигены Виктории", i. 497.

Это незначительные примеры формы мнения, которая настолько сильна, что фактически является главной составляющей в обществе дикарей. Это общество, будь то в Ашанти или Австралии, в Северной Америке или Южной Африке, или в Северной Азии, или в Индии, или среди более диких племен древнего Перу, основано на институте, обычно называемом "тотемизм". Этот весьма необычный институт, каким бы ни было его происхождение, мог возникнуть только среди людей, способных воспринимать родство и все человеческие отношения как существующие между ними самими и всеми живыми и неодушевленными вещами. То, что дикие общества основаны на этой вере, является правилом, а не исключением. Политическое и социальное поведение отсталых рас регулируется в таких вопросах, как кровная месть и брак, теориями о действительном родстве и связи по происхождению или старой дружбой, которую люди связывают со зверями, растениями, солнцем и луной, звездами и даже ветром и дождем. Итак, каким бы образом ни возникла эта вера в подобные отношения к животным и растениям, она, несомненно, свидетельствует о состоянии ума, при котором не было проведено четкой границы между человеком и живой и неодушевленной природой. Открытие широкого распространения социальных механизмов, основанных на этой вере, полностью принадлежит м-ру Дж. Ф. М'Леннану, автору книги "Первобытный брак". Эссе м-ра М'Леннана ("Поклонение растениям и животным", "Тотемы и тотемизм") были опубликованы в Fortnightly Review, 1869-71. Любой последователь по стопам мистера М'Леннана может добавить немного доказательств к первоначально изложенному и, возможно, опровергнуть несколько не критичные авторитетные источники.(1)

(1) См. также книгу м-ра Фрейзера "Тотемизм и Золотая ветвь" с главой о тотемизме в современной мифологии.

Название "тотемизм" или "Тотамизм" впервые было применено в конце прошлого века Лонгом (1) к обычаю краснокожих индейцев, который признает родство человека с животными. Этот институт уже был признан среди ирокезов Лафито (2) и другими наблюдателями. Что касается

слова "тотем", г-н Макс Мюллер (3) цитирует мнение о том, что переводчики, миссионеры, правительственные инспекторы и другие, которые применяют название "тотем" к индийскому "фамильному знаку", должно быть, не знали индийских языков, поскольку в них нет такого слова, как "тотем". Подходящее слово, по-видимому, отэм; но поскольку преимущество "тотемизма" заключается в том, что он имеет под собой почву, мы предпочитаем говорить "тотемизм", а не "отемизм". Факты одни и те же, какое бы название мы им ни дали. Как говорит сам мистер Мюллер, (4) "у каждого воина есть свой герб, который называется его тотемом"; (5) и далее он описывает тотем индейца, умершего около 1793 года. Теперь мы можем вернуться к рассмотрению "отемизма" или тотемизма. Мы подходим к нему скорее как к факту в науке мифологии, чем как к этапу эволюции современной семейной системы. Для нас тотемизм интересен тем, что он доказывает существование той дикой ментальной установки, которая предполагает родство и союз между человеком и вещами в мире. Как будет видно впоследствии, тотемизм также наложил свой отпечаток на мифологии цивилизованных рас. Сначала мы рассмотрим этот институт в том виде, в каком он встречается в Австралии, потому что австралийская форма тотемизма в высшей известной степени демонстрирует дикарскую привычку смешивать в сообществе родства людей, звезды, растения, животных, небесные тела и силы Природы. Когда это будет однажды выяснено, более краткое описание других тотемистических рас послужит нашей цели.

(1) Путешествия, 1791.

(2) *Moeurs des Sauvages* (1724), p. 461.

(3) Академия, 15 декабря 1883г.

(4) Избранные очерки (1881), ii. 376.

(5) Сравните вклад мистера Макса Мюллера в науку о мифологии.

Общество мурри, или черных людей Австралии, разделено на местные племена, каждое из которых владеет или раньше владело и охотилось на значительном участке территории. Эти местные племена объединены смежностью и общими местными интересами, но не обязательно кровным родством. Например, племя Порт-Маккей, племя Маунт-Гамбир, племя Балларат - всеберут свои названия от своего района. Точно так же мы могли бы говорить о жителях Стратклайда или Нортумбрии в ранней истории Англии. Так вот, все эти местные племена содержат неопределенное количество сородичей, людей, считающих себя связанными узами крови и общего происхождения. Это происхождение группы соглашаются проследить не от какого-то реального или идеализированного родителя-человека, а от какого-то животного, растения или другого природного объекта, такого как кенгуру, эму, игуана, пеликан и так далее. Представители племени пеликанов на севере Квинсленда считают себя родственниками людей того же племени в самых южных частях Австралии. Существо, от которого каждое племя претендует на происхождение, называется "от той же плоти", в то время как люди другого происхождения являются "свежей плотью". Туземец не может жениться на женщине из "своей плоти"; он может жениться только на женщине из "свежей" или "чужой" плоти. Человек не может есть животное из "своей собственной плоти"; он может есть только "чужую плоть". Только в случае крайней необходимости австралиец станет есть животное, которое является родственником по плоти и крови и защитником его поголовья.(1) (Эти правила брака и крови, однако, не применяются среди арунта Центральной Австралии, чьи Тотемы (если их вообще

можно назвать тотемами) развивались по совершенно иным линиям.(2)) Более ясного свидетельства путаницы между человеком и животным, притязаний на родство между человеком и животным вряд ли могло быть.

(1) Доусон, "Аборигены", стр. 26, 27; Ховитт и Фисон, "Камиларой и Курнай", стр. 169.

(2) Спенсер и Гиллен, коренные племена Центральной Австралии.

Но австралийская философия взаимосвязи Природы идет еще дальше. Помимо местных разделений и родственных группировок, которые ведут свое происхождение от животных, среди многих австралийских племен существуют разделения такого рода, которые до сих пор остаются необъясненными. Например, каждый мужчина местного племени Маунт-Гамбир по рождению является либо кумитэ, либо кроки. Эта классификация применима ко всей разумной вселенной. Таким образом, дым и жимолость относятся к подразделению кумитэ и сродни мужскому роду рыбных ястребов. С другой стороны, кенгуру, лето, осень, ветер и дерево шевак принадлежат к подразделению кроки и родственны человеческому роду черных какаду. Таким образом, любой человек из подразделения Кроки имеет в качестве своих братьев солнце, ветер, кенгуру и остальных; в то время как любой человек из подразделения кумитэ с фамилией кроу является братом дождя, грома и зимы. Эта экстраординарная вера — не просто досужая фантазия - она влияет на поведение. "Человек не убивает и не использует в пищу ни одно из животных того же подразделения (кроки или кумитэ), что и он сам, за исключением случаев, когда заставляет голод, и тогда они выражают сожаление из-за того, что вынуждены есть своих вингонгов (друзей) или туманангов (их мясо). Используя последнее слово, они прикасаются к своей груди, чтобы указать на тесную связь, имея в виду почти часть их самих. Для иллюстрации: однажды один из чернокожих убил ворону. Три или четыре дня спустя умер Боортва (человек по фамилии кроу и происхождению) по имени Ларри. Он болел несколько дней, но убийство его вингонга (тотема) ускорило его смерть". (1) Комментируя это заявление, м-р Файсон замечает: "Южноавстралийский дикарь смотрит на вселенную как на Великое Племя, к одному из подразделений которого он сам принадлежит; и все вещи, одушевленные и неодушевленные, принадлежащие к его классу, являются частями единого организма, частью которого он сам является". Этот рассказ об австралийских верованиях и обычаях в определенной степени подтверждается свидетельствами сэра Джорджа Грея (2) и покойного мистера Гидеона Скотта Ланга.(3) Эти два автора не принимают во внимание особые "дихотомические" подразделения, такие как кумитэ и кроки, но они обращают внимание на группы сородичей, которые получают свои фамилии от животных, растений и тому подобного. "Происхождение этих фамилий, - говорит сэр Джордж Грей, - туземцы объясняют разными причинами.... Одно из источников, часто приписываемых туземцами, состоит в том, что они были получены из какого-то растения или животного, очень распространенного в районе, который населяла семья ". Мы видели из свидетельств г-на Дж. Файсон и Ховитт считают, что более распространенное туземное объяснение основано на родстве с овощем или растением, которое дает семье фамилию. Сэр Джордж Грей упоминает, что семьи используют свое растение или животное в качестве герба или кобонга (тотема), и добавляет, что местные жители никогда добровольно не убивают животных своего кобонга, считая, что кто-то из этого вида является их ближайшим другом. Последствия употребления в пищу запрещенных животных значительно различаются. Иногда бойлясы (то есть призраки) мстят за преступление. Таким образом, когда сэр Джордж Грей съел несколько мидий (которые, в конце концов, не

являются гербом Серых), разразилась буря, и один из его чернокожих приятелей симпровизировал этот посох:

О, зачем он съел мидии?

Теперь Бойляс устраивает бури и раскаты грома;

О, зачем ему есть мидии?

(1) Камиларой и Курнай, стр. 169.

(2) Путешествия, ii. 225.

(3) Ланг, Лекция о туземцах Австралии, стр. 10.

В расположении этих групп сородичей, названных по растениям и животным, есть два момента, которые, как мы обнаружим, обладают высокой важностью. Ни один представитель такого рода не может жениться на женщине с таким же именем и происхождением от того же объекта.(1) Таким образом, ни один мужчина из племени эму не может жениться на женщине-эму; ни одна Черная змея не может жениться на женщине-Черной Змее, и так далее. Этот момент очень убедительно подчеркивает мистер Доусон, у которого был большой опыт общения с черными. "Законы о браке соблюдаются настолько строго, что, если между лицами "одной плоти" наблюдаются какие-либо признаки ухаживания или привязанности, братья или родственники мужского пола женщины жестоко избивают ее". Если кровосмесительная пара (хотя и не имеющая ни малейшего отношения согласно нашим представлениям) убегает вместе, они "наполовину убиты"; и если женщина умирает в результате своего наказания, ее партнера по беззаконию снова избивают. За ее смерть не выплачивается никакого "эрика" или кровавого штрафа любого рода, что не несет в себе никакой кровной мести. "Ее наказание законно".(2) Этот отчет полностью подтверждает рассказ сэра Джорджа Грея.(3)

(1) Таплин, Нерриниери. стр. 2. "Каждое племя, рассматриваемое ими как семья, имеет своего нгайтге, или гения-покровителя, или племенной символ в виде какой-либо птицы, зверя, рыбы, рептилии, насекомого или вещества. Между представителями одного и того же племени не может быть брака". У нарриньери родство считается (стр. 10) по отцовской линии. См. также (стр. 46) нгайтге = самоанский айту. "Ни один мужчина или женщина не убьет своего нгайтге", кроме как с предосторожностями, ради еды.

(2) Указ. соч., стр. 28.

(3) Там же, ii. 220.

Наш вывод заключается в том, что вера в "единую плоть" (родство с животными) должна быть абсолютно обязательной идеей, поскольку эта идея карается смертной казнью.

Еще одна важная черта австралийского тотемизма укрепляет наши позиции. Идея родства с животными, должно быть, древняя в расе, потому что семейная фамилия, эму, бандикут или что-то еще, и герб, кобонг, или защитное и родственное животное, наследуются по материнской линии в большинстве видов. Таким образом, этот обычай относится к тому раннему периоду развития человеческого общества, когда женщина была постоянным и признанным фактором в

семье, в то время как происхождение мужчины неизвестно.(1) Прежде чем мы оставим эту тему, необходимо упомянуть еще об одной особенности австралийского тотемизма. Есть некоторые свидетельства того, что в определенных племенах вингонг, или тотем каждого мужчины, обозначается татуировкой, изображающей его на его теле. Местные жители очень распушенны, но мужчины отказались бы от любви с женщиной, которая не принадлежала к их родному району и не говорила на их языке, но, несмотря на это, принадлежала к их тотему. Чтобы избежать ошибок, некоторые племена, по-видимому, отмечают тотем на теле вырезанными линиями.(2) Местные жители часто рисуют какие-либо фигуры на деревьях, растущих рядом с могилами погибших воинов. Некоторым наблюдателям показалось, что в этих рисунках они узнали тотем умерших людей; но на этот счет нет никаких ясных свидетельств. Мы увидим, что этот примитивный вид геральдики, это вырезание или раскрашивание наследственных гербов, распространено среди краснокожих людей Америки.(3)

(1) Ср. Бахофен, "Дас Муттеррехт"; М'Леннан, "Первобытный брак", *passim*; Энцикл. Брит. с. против семьи.

(2) Фисон, указ. соч., стр. 66.

(3) Среди других недавних источников см. Хоуитта в "Организации австралийских племен" (Труды Королевского общества Виктории, 1889), а также Спенсера и Гиллена, уроженцев Центральной Австралии. В Центральной Австралии существуют заметные различия в форме тотемизма.

Хотя к тому, что уже было выдвинуто, можно было бы добавить большое количество доказательств, теперь мы можем подвести итог выводам, которые можно сделать из изучения тотемизма в Австралии. Было показано (1), что туземцы действительно считают себя родственными животным, растениям, солнцу и ветру и вещам в целом; (2) что эти идеи влияют на их поведение и даже регулируют их социальное устройство, потому что (3) мужчины и женщины, состоящие в родстве с одним и тем же животным или растением, не могут вступать в смешанные браки, в то время как мужчины обязаны защищать и в случае убийства мстить за лиц, принадлежащих к роду или растению, от которого они сами получили свою фамилию. Таким образом, на основании свидетельств институтов становится ясно, что австралийцы находятся (или находились до того, как влияние европейцев стало преобладающим) в состоянии ума, которое не проводит жесткой границы между человеком и вещами в мире. Таким образом, если мы обнаружим, что в австралийских мифах люди, боги, звери и вещи постоянно меняют формы и фигурируют в странном танце замешательства, то в этом открытии нас не будет ничего удивительного. Мифы о людях с интеллектуальным уровнем Австралии, о людях, которые ведут долгие беседы с маленьким "местным медведем" и просят у него оракулов, естественно и неизбежно будут гротескными и запутанными.(1)

(1) Brough Smyth, i. 447, по свидетельству У. Томаса.

От Австралии до Западного побережья Африки "далеко", и вряд ли следует предполагать, что австралийцы позаимствовали идеи и институты у ашанти или что жители Ашанти заимствовали свои концепции вселенной у австралийских мурри. Однако мы обнаруживаем, что на побережье Западной Африки, так же как и в Австралии, существуют большие местные подразделения туземцев. Мистер Боудич (который посетил страну с миссией в 1817 году) называет эти подразделения нациями, и они гораздо более густонаселенны и могущественны

(поскольку люди более цивилизованны), чем местные племена Австралии. И все же, точно так же, как среди местных племен Австралии, народы западноафриканского побережья разделены на родственные группы, каждая ГРУППА имеет своих представителей в каждой НАЦИИ. Таким образом, ашанти или фанти могут принадлежать к тому же роду, что и представитель нации ассин или акини. Когда ашанти из рода Аннона встречает варшавянина того же происхождения, они отдают честь и признают друг друга братьями. Точно так же житель Балларата из породы кенгуру в Австралии узнает родственника в жителе Маунт-Гамбира, который тоже является кенгуру. Итак, за одним исключением, все названия двенадцати видов западноафриканских племен, или, по крайней мере, все те, которые мистер Боудич смог заставить перевести местных переводчиков, происходят от животных, растений и других природных объектов, точно так же, как в Австралии. (1) Таким образом, Куонна - это буйвол, Абруту - кукурузный стебель, Аббради - подорожник. Другие названия в английском языке - попугай, дикая кошка, красная земля, пантера и собака. Таким образом, все уроженцы этой части Африки - попугаи, собаки, буйволы, пантеры и так далее, точно так же, как австралийцы - эму, игуаны, черные какаду, кенгуру и остальные. Примечательно, что в Ашанти существует племя инкра, или клан муравьев, точно так же, как в Древней Греции существовала раса мирмидонов, которые, как полагают, произошли от муравьев или иным образом связаны с ними. Хотя рассказ Боудича об этих разделениях семей в Западной Африке краток, их схема полностью соответствует австралийской. Не нужно сильно напрягать воображение, чтобы сделать вывод, что африканские племена действительно считают себя родственниками животных, имена которых они носят. (2) Более или менее подтверждает эту гипотезу тот факт, что ни одной семье не разрешается использовать в пищу животное, от которого она получила свое название. Мы видели, что подобное правило преобладает, насколько голод и скудость съестных припасов позволяют ему соблюдаться, среди туземцев Австралии. Племена интчва в Ашанти и Фанти особенно не повезло, потому что его представители не могут есть собаку, "которую местные жители очень любят и, следовательно, испытывают серьезные лишения". В равной степени следовало пожалеть древних египтян, которые, если бы принадлежали к овцеводческому племени, не могли бы есть баранину, которую их соседи, ликополиты, поглощали с удовольствием. Эти ограничения, по-видимому, связаны с почти всеобщей неприязнью каннибалов употреблять в пищу себе подобных, за исключением случаев, когда это является благочестивым долгом. Этот закон игры в каннибализме еще досконально не изучен, хотя мы часто слышим о войнах, которые ведутся специально с целью добывания пищи (человеческого мяса), в то время как некоторые южноамериканские племена фактически размножались от пленных женщин, чтобы обеспечить себе постоянные запасы разрешенного мяса. (3) Таким образом, когда мы находим виды, которые получают свои названия от животных и отказываются есть этих животных, мы можем, по крайней мере, ЗАПОДОЗРИТЬ, что они когда-то заявляли о родстве с животными, давшими названия. Отказ от их употребления в пищу порождает презумпцию такой веры. Старый Босман (4) заметил ту же практику. "Один не ест баранину, другой - козлятину, третий - говядину, свинину, дикую птицу, петухов с белыми перьями, и они говорят, что их предки делали это с начала мира".

(1) К свидетельствам переводчиков-носителей языка можно относиться с подозрением. Однако маловероятно, что в 1817 году переводчики были знакомы с тотемистической теорией мифологов и намеренно неправильно перевели названия видов, чтобы привести их в соответствие с индийскими, австралийскими и красноиндийскими тотемными родами. Это,

действительно, пример, когда критерий "повторяемости" или "совпадения" представляется ценным. Миссия Боудича в Ашанти (1873), стр. 181.

(2) Однако эта точка зрения не преобладает, например, среди тотемистических племен Британской Колумбии.

(3) Съеза де Леон (Общество Хаклюит), стр. 50. Эта удивительная история подтверждается утверждением, что родство шло по женской линии (стр. 49); таким образом, отец не был родственником своего ребенка от инопланетной женщины. Съеза был у Валидильо в 1538 году.

(4) В книге Пинкертона, xvi. 400.

Хотя в случае с племенами ашанти мы можем сделать вывод о существовании веры в родство с животными только из наличия других черт полностью развитого тотемизма (особенно из отказа употреблять в пищу животное, давшее имя), у нас есть прямые доказательства такого мнения в другой части Африки, у бечуанов.⁽¹⁾ Казалис, двадцать три года проработавший миссионером в Южной Африке, так описывает этот институт: "В то время как объединенные общины обычно носят имя своего вождя или района, который они населяют" (местные племена, как в Австралии), "каждая группа (tribu) получает свое название от животного или растения. Таким образом, все бечуаны подразделяются на бакуэна (людей-крокодилов), батлапи (людей-рыб), банарер (буйволы), бануку (дикобразы), баморара (дикие лианы) и так далее. Бакуэны называют крокодила своим отцом, поют о нем на своих пирах, клянутся им и помечают уши своего скота надрезом, напоминающим раскрытую пасть этого существа". Этот обычай помечать скот, так сказать, гербом породы, принимает у некоторых рас форму уродования самих себя, чтобы больше походить на животное, от которого они утверждают, что произошли. "Глава семейства, занимающий главное положение в племени, называется "Великий человек-крокодил". Точно так же герцогиня Сазерленд по-гэльски именуется "Великой повелительницей Кошек", хотя происхождение этого титула, вероятно, не связано с тотемизмом.

(1) E. Casalis, Les Bassoutos, 1859.

Казалис продолжает: "Никто не осмелится есть мясо или носить шкуру животного, чье имя он носит. Если животное опасно — лев, например, — люди убивают его только после того, как принесут все возможные извинения и попросят прощения. За такой жертвой должно следовать очищение". Казалис был очень поражен сходством между этими обычаями и аналогичными обычаями североамериканских рас. Рассказ Ливингстона (1) в целом подтверждает рассказ Казалиса, хотя он и говорит, что батау (племя льва) больше не существует. "Они используют слово бина "танцевать" в связи с обычаем называть себя таким образом, так что, когда вы хотите выяснить, к какому племени они принадлежат, вы спрашиваете: "Что вы танцуете?" Могло бы показаться, что это было частью древнего культа". Мифологические и религиозные знания бушменов все еще передаются в танцах; и когда человек не знаком с каким-либо мифом, он скажет: "Я не танцую этот танец", имея в виду, что он не принадлежит к гильдии, которая хранит этот конкретный "священный орден".⁽²⁾

(1) Миссионерские путешествия (1857), стр. 13.

(2) Орпен, Ежемесячный журнал Кейпа, 1872 год.

Казалис заметил сходство между мнениями Южной Африки и краснокожих индейцев о родстве с растениями и животными. Трудность в трактовке верований краснокожих индейцев заключается главным образом в обилии доказательств. Возможно, первым человеком, который когда-либо использовал слово "тотемизм", или, как он его произносит, "тотамизм", был (как мы уже говорили) мистер Лонг, переводчик Чиппевеев, опубликовавший свои "Путешествия" в 1791 году. Лонг не был полным невеждой в этих языках, поскольку говорить на них входило в его обязанности, и он был приемным индейцем. Церемония усыновления была болезненной, она началась с угощения собачьим мясом, за которым последовали турецкая баня и длительный процесс нанесения татуировки. (1) Согласно Лонгу, (2) "Тотам, по их мнению, принимает форму того или иного зверя, и поэтому они никогда не убивают, не причиняют вреда и не едят животное, форму которого, по их мнению, носит этот тотам". Один человек был полон религиозных предчувствий и поддался мрачной вере Баньяна и Каупера, что он совершил непростительный грех, потому что ему приснилось, что он убил своего тотема, медведя. (3) Это только один пример, подобный отказу Осейджей убивать бобров, с которыми они считаются двоюродными братьями, (4) вера краснокожего человека является действительным вероучением и действительно влияет на его поведение.

(1) Длинный, стр. 46-49.

(2) Там же, стр. 86.

(3) Там же, стр. 87.

(4) Скулкрафт, i. 319.

Как и в Австралии, вера в общее родство с животными наиболее четко подтверждается построением общества краснокожих индейцев. Преобладает "тотемистическая" стадия мышления и нравов. Thus Charlevoix says, (1) "Plusieurs nations ont chacune trois familles ou tribus principales, AUSSI ANCIENNES, A CE QU'IL PAROIT, QUE LEUR ORIGINE. Chaque tribu porte le nom d'un animal, et la nation entiere a aussi le sien, dont elle prend le nom, et dont la figure est sa marque, ou, se l'on veut, ses armoiries, on ne signe point autrement les traites qu'en traceant ces figures." Среди животных-тотемов Шарлевуа замечает дикобраза, медведя, волка и черепаху. Оружейные мастерские, тотемистическая геральдика народов Виргинии, очень заинтересовала геральдического предка историка Гиббона (2), который поселился в колонии. Согласно Скулкрафту, (3) тотем или фамильный знак мертвого воина изображается в обратном положении на его могильном столбе. Точно так же английские леопарды нарисованы перевернутыми на щите английского короля напротив упоминания о его смерти в старых монашеских хрониках. Как общее правило, (4) лица, носящие один и тот же тотем, в Америке не могут вступать в смешанные браки. "Союз должен заключаться между различными тотемами". Более того, как и в случае с австралийцами, "происхождение вождя происходит по женской линии". Таким образом, мы находим среди краснокожих людей точно такие же тотемистические предписания, как и среди аборигенов Австралии. Подобно австралийцам, краснокожие "никогда" (возможно, нам следует читать "почти никогда") не едят свои тотемы. Короче говоря, тотемисты щадят животных, которые являются их собственными родственниками. Чтобы избежать умножения деталей, которые все подтверждают друг друга, может быть, достаточно сослаться на Скулкрафта в отношении тотемизма у айова (5) и пуэбло; (6) в отношении ирокезов - на Лафито, миссионера начала восемнадцатого века. Лафито был, пожалуй, первым писателем, который когда-либо объяснял определенные черты греческих и других древних мифов и практик как

пережитки тотемизма. Химера, сложное существо, состоящее из льва, козла и змеи, могло представлять, по мнению Лафито, лигу трех тотемных племен, точно так же, как волк, медведь и черепаха представляли Лигу ирокезов.

(1) *Histoire de la France-Nouvelle*, iii. 266.

(2) "Введение в латинское богословие" Джона Гиббона, "Голубая мантия", Лондон, 1682.

"Танцоры были раскрашены в те же цвета, что и пейл, гуль и саб, и в те же цвета фессе", из чего Гиббон сделал вывод, "что геральдика естественным образом привилась к чувству человеческой расы".

(3) Том i, стр. 356.

(4) *Скулкрафт*, v. 73.

(5) Там же, iii. 268.

(6) Там же, iv. 86.

Отец Раслес, принявший мученическую смерть, снова пишет в 1723 году (1), что одна порода утаонаков утверждает, что они произошли от зайца ("большой заяц был человеком огромных размеров"), в то время как другая порода ведет свое происхождение от карпа, а третья - от медведя; тем не менее, они без колебаний едят медвежатину после определенных искупительных обрядов. Другими североамериканскими примерами являются катчины, которые всегда обладали системой тотемов.(2)

(1) Иезуиты Кипа в Америке, глава i. 33.

(2) Аляска Далла, стр. 196-198.

Следует отметить, что в качестве особенности тотемизма краснокожих индейцев, которую мы не наблюдали (хотя она может существовать) в Африке, некоторые племена заявляют о своей связи с солнцем. Так, отец Ле Пети, писавший из Нового Орлеана в 1730 году, упоминает Солнце, или великого вождя индейцев Натчеца.(1) Тотемом привилегированного класса натчезов было солнце, и во всех мифах солнце рассматривается как живое существо, которое может иметь детей, которое можно бить, которое истекает кровью при порезах и просто находится наравне с мужчинами и всем остальным в мире. Точно такие же свидетельства поступают из Южной Америки. В этом случае наш лучший авторитет почти вне подозрений. Он хорошо знал местные языки, поскольку сам был метисом. Он был сведущ в европейской учености своего времени; и как сын инков, он имел доступ ко всем сохранившимся перуанским запасам знаний и мог без труда собрать свидетельства своих соотечественников. Будет видно (2), что дон Гарсиласо де ла Вега мог оценить доказательства и высмеял грубые методы и ошибочные догадки испанских исследователей. Гарсиласо де ла Вега родился около 1540 года в семье принцессы инков и испанского завоевателя. Его книга "*Commentarias Reales*" (3) была специально предназначена для исправления ошибок таких испанских писателей, как Акоста. В своем рассказе о перуанской религии Гарсиласо проводит различие между верованиями племен, существовавших до расцвета империи инков, и солнцепоклонничеством инков. Но из собственного рассказа Гарсиласо и других свидетельств ясно, что при инках сохранились более древние верования и фетишизмы, подчиненные солнцепоклонству, точно так же, как языческие суеверия сохранились в обычаях и фольклоре после официального признания христианства.

Поклонение Солнцу в Перу и вера в тамошнего Верховного Творца, похоже, даже, подобно католицизму в Мексике, Китае и других местах, пошли на своего рода компромисс с низшими верованиями и удовлетворились тем, что разрешили определенное количество поклонов в храмах древних религий. Таким образом, согласно отчету Гарсиласо о перуанском тотемизме, "индеец не считался благородным, если только он не происходил от источника, реки (4) или озера, или даже от моря, ИЛИ ОТ ДИКОГО ЖИВОТНОГО, такого как медведь, лев, тигр, орел, или птицы, которую они называют кунтур (кондор), или какой-либо другой хищной птицы ". (5) Определенная степень поклонения была связана с этой верой в родство с животными и природными объектами. Мужчины приносили в жертву своим тотемам "то, что они обычно видели, как те ели".(6) На морских побережьях "они поклонялись сардинам, конькам, рыбесобаке и, за неимением более крупных богов, крабам.... Не было ни одного животного, каким бы мерзким и грязным оно ни было, которому они не поклонялись бы как богу", включая "ящериц, жаб и лягушек". Гарсиласо (который говорит, что они ели рыбу, которой поклонялись) выдвигает свою собственную теорию происхождения тотемизма. Вначале люди искали только знаки, с помощью которых можно было бы отличить одну человеческую расу от другой. "Один желал иметь бога, отличного от другого.... Они думали только о том, чтобы отличить одно от другого". Когда императоры инков начали цивилизовывать тотемистические племена, они указывали, что их собственный отец, солнце, обладал "великолепием и красотой" в отличие от "уродства и грязи лягушек и других паразитов, которых они считали богами".(7) Гарсиласо, конечно, не использует североамериканское слово *totem* (или *ote* или *otem*) для обозначения фамильного знака, который представлял предков семьи. Как правило, он называет эти предметы пакариссой. Солнце было пакариссой инков, как и у вождя племени натчез. Пакариссой других видов был лев, медведь, лягушка или что-то еще. Гарсиласо объясняет веру, распространенную на инков, когда они заявляли о реальном происхождении от солнца, замечая (8), что "среди их подданных были племена, которые исповедовали подобное сказочное происхождение, хотя они не понимали, как выбирать предков так хорошо, как инки, но обожали животных и другие низкие и земные объекты". Что касается факта перуанского поклонения животным, то, если требуется больше доказательств, их приводит, среди прочих, Съеса де Леон (9), который противопоставляет поклонение римским богам тому, что в Перу предлагалось животным. "В важном храме Пача-камак (духовное божество Перу) они поклонялись лисице или лисице и изумруд". Дьявол также "являлся им и говорил в образе тигра, очень свирепого". Другие примеры тотемизма в Южной Америке можно изучить у племен Амазонки.(10) Мистер Уоллес нашел ананасовую веточку, комаров, дятлов, цапель и другие виды тотемов. Любопытный пример сходных представлений обнаружен у бони в Гвиане. Эти люди изначально были африканцами с Западного побережья, завезенными в качестве рабов, которые завоевали свою свободу мечом. Хотя они сохраняют грубую веру в Гаду (Бога) и Дидибби (дьявола), они разделены на тотемные группы с названиями животных. Красная обезьяна, черепаха и кайман входят в число главных тотемов.(11)

(1) Кип, ii. 288.

(2) Приложение В.

(3) Смотрите перевод в сборнике Общества Хаклуйт.

(4) Подобно многим греческим героям. Одиссея, iii. 489. "Орсилох, дитя, рожденное Алфеем".

(5) Комм. Реал., i. 75.

(6) Там же, 53.

(7) Там же, 102.

(8) Там же, 83.

(9) Съеза де Леон (Общество Хаклюит), стр. 183.

(10) Акуна, стр. 103; Уоллес, Путешествия по Амазонке (1853), стр. 481-506.

(11) Crevaux, Voyages dans l'Amerique du Sud, p. 59.

После этого поспешного рассмотрения запутанной веры в родство с животными и другими природными объектами, которая лежит в основе институтов в Австралии, Западной и Южной Африке, Северной и Южной Америке, мы можем взглянуть на аналогичные представления у неарийских рас Индии. В "Этнологии Бенгалии" Далтона (1) он сообщает нам, что кланы гаро делятся на махари, или материнства. Дети принадлежат к махари матери, точно так же, как (в целом) они получают свое родовое имя и тотем по материнской линии в Австралии и у североамериканских индейцев. Ни один мужчина не может жениться (как у краснокожих индейцев и австралийцев) на женщине, принадлежащей к его собственному роду, материнству или махари. Пока что махари Бенгалии точно соответствуют тотемному роду. Но берут ли махари также свои названия от растений, животных и так далее? Мы знаем, что килли, сообщества, аналогичные бенгальским хосам и мундосам, делают это. (2) "Мундари, как и ораоны, используют в качестве племенного отличия название какого-либо животного, и мясо этого животного запрещено для них в качестве пищи; например, угорь, черепаха". Именно так обстоят дела в Ашанти. Далтон упоминает также (3) княжескую семью в Нагпуре, которая утверждает, что происходит от "большой змеи в капюшоне". Среди ораонов он нашел (4) племена, которые не могли есть молодых мышей (считающихся деликатесом) или черепах, а также племена, которые не могли есть масло дерева, которое было их тотемом, и даже сидеть в его тени. "Семейные или племенные названия" (в рамках которых они не могут вступать в брак) "обычно относятся к животным или растениям, и в этом случае мясо какой-либо части животного или плод дерева являются табу для племени, названного в их честь".

(1) Далтон, стр. 63.

(2) Там же, стр. 189.

(3) Там же, стр. 166.

(4) Там же, стр. 254.

Превосходный очерк тотемизма в Индии дан мистером Х. Х. Рисли из государственной службы Бенгалии: (1)

(1) The Asiatic Quarterly, № 3, Эссе на тему "Первобытный брак в Бенгалии".

"В основе социальной системы, как ее понимает средний индус, находится большое количество неарийских каст и племен, каждое из которых разделено на ряд так называемых тотемистических экзогамных септ. Каждый септ носит название животного, дерева, растения или какого-либо материального объекта, естественного или искусственного, которого членам

этого септа запрещено убивать, употреблять в пищу, срезать, сжигать, носить с собой, использовать и т.д."(1)

(1) Здесь мы можем отметить, что происхождение экзогамии само по себе является лишь частью строгого тотемистического запрета. Мужчина не может "использовать" предмет из рода-тотема, равно как и женщина из рода. Сравните греческую идиому (греческий текст опущен).

М-р Рисли находит, что и коларианцы, как сонталы, и дравиды, как ораоны, находятся в этом состоянии тотемизма, подобно хосам и мундам. Весьма поучительно узнать, что по мере того, как одно из этих племен поднимается по социальной лестнице, оно сбрасывает со своего тотема и, отказываясь от общего названия, производного от птицы, зверя или растения, принимает имя одноименного предка. Тенденция в этом направлении уже наблюдаются гг. Фисон и Ховитта даже в Австралии. Махили, корас и курми, которые называют себя членами индуистской общины, все еще сохраняют тотемистическую организацию с именами, полученными от птиц, зверей и растений. Даже джаганнатхи кумхары из Ориссы, занимающие ранг непосредственно ниже касты писателей, имеют тотемы тигра, змеи, ласки, коровы, лягушки, воробья и черепахи. Подкасты хатल्या-кумхаров объясняют свои тотемные имена "именами определенных святых, которые, присутствуя при жертвоприношении Лошади Дакшей, превратились в животных, чтобы спастись от гнева Шивы", подобно египетским богам, когда они бежали в зверином обличье от гнева Сета.

Среди неарийских племен закон о браке имеет тотемистическую санкцию. Ни один мужчина не может жениться на женщине своего тотемного родственника. Когда тотемное имя заменяется эпонимом, неариец, поднимающийся по социальной лестнице, оказывается практически в том же положении, что и брахманы, "разделенные на экзогамные группы (готры), члены которых заявляют, что произошли от мифического риши или вдохновенного святого, имя которого носит готра". Таким образом, ничто не опровергает гипотезу о том, что экзогамные готры всех брахманов когда-то были формой тотемного родства, которое (подобно стремящимся к неарийскому происхождению в наши дни) отказалось от тотемного имени и переименовало септы в честь какого-то одноименного героя, знахаря или риши.

Постоянное повторение одного и того же набора фактов становится утомительным, но в то же время становится необходимым из-за законного требования надежных и обильных доказательств. Как читатель, должно быть, уже размышлял, эта живая мифическая вера в общее запутанное равенство людей, богов, растений, зверей, рек и всего остального, которая все еще регулирует дикое общество, (1) является одной из наиболее выдающихся черт мифологии. Порфирий заметил и точно описал это у египтян— "обычными и сродни людям и богам они считали зверей". (2) Вера в такое равенство чужда современной цивилизации. Мы показали, что это обычное явление и фундаментально для дикости. Например, для Тихоокеанского региона мы могли бы процитировать Тернера (3), для Меланезии - Кодрингтона (4), а для Новой Зеландии - Тейлора.(5) Что касается якутов, живущих на берегах Лены в Северной Азии, то у нас есть свидетельство Страленберга, который пишет: "Каждое племя этого народа считает какое-то определенное существо священным, например, лебедя, гуся, ворона и т.д., И это племя их не ест", хотя другие могут их есть.(6) Поскольку большинство наших свидетелей совершенно не осознавали, что описанные ими факты были обычным явлением среди рас, о которых многие из них никогда даже не слышали, их свидетельства, несомненно, могут быть приняты как достоверные, особенно если учесть, что верования, засвидетельствованные в законах о браке,

в кровной мести, в воздержании от пищи, на столбах над могилами, в грубой геральдике и в других очевидных и осязаемых формах. Если мы не убедились на основании свидетельств институтов, что смутная доверчивость относительно равенства и родства человека и объектов природы на самом деле является господствующей верой среди дикарей и даже высших рас от Лены до Амазонки, от Золотого берега до Квинсленда, мы можем отчаяться когда-либо убедить оппонента. Позже будет продемонстрировано сохранение тех же верований и институтов среди цивилизованных рас, арийской и других.(7) Если мы обнаружим, что мифология цивилизованных рас здесь согласуется с действительной практической верой дикарей, и если мы также обнаружим, что цивилизованные расы сохраняют пережитки институтов, в которые верят дикари, тогда мы можем с уверенностью заключить, что деятельность зверей в мифах Греции проистекает из тех же источников, что и аналогичная деятельность зверей в мифах ирокезов или кафров. Иными словами, будет показано, что часть иррационального элемента в греческом мифе является производной (будь то путем наследования или заимствования) от установленного состояния дикой фантазии.

(1) Посмотрите несколько очень любопытных и отвратительных примеров этой путаницы в книге Либрехта "Zur Volkskunde", стр. 395, 396 (Хайльбронн, 1879).

(2) De Abst., ii. 26.

(3) "Девятнадцать лет в Полинезии", стр. 238, и "Самоа" того же автора. Полный тотемизм здесь не утверждается, а для Меланезии он отрицается.

(4) Journ. Антроп. Инст., "Религиозные практики в Меланезии".

(5) Новая Зеландия, "Смешанные браки животных с мужчинами".

(6) Описание Азии (1783), стр. 383.

(7) Профессор Робертсон Смит, "Родство в Аравии", пытается показать, что тотемизм существовал у семитских рас. Эту тему следует оставить востоковедам.

ГЛАВА IV. ПСИХИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ

ДИКАРИ—МАГИЯ—МЕТАМОРФОЗЫ—МЕТАФИЗИКА—ПСИХОЛОГИЯ.

Заявления колдунов—Дикие научные спекуляции—Теория причинности—Легковерие, за исключением новых религиозных идей—"Post hoc, следовательно, propter hoc"—Фундаментальные идеи магии—Примеры: заклинания, привидения, духи—Свидетельства ранга и других институтов в доказательство помрачения рассудка, проявляющегося в магических верованиях.

"Я имею в виду ложные нападки на магов за их отвратительную ложь и чудовищное тщеславие".—ПЛИНИЙ, ап. Фил. Голландия.

"Quoy de ceux qui naturellement se changent en loups, en juments, et puis encores en hommes?"—MONTAIGNE, Apologie pour Raymond de Sebonde.

Второй чертой дикого интеллектуального состояния, которую мы обещали исследовать, была вера в магию и колдовство. Предполагается, что мир и все вещи в нем, которые смутно воспринимаются как разумные, подчиняются командам определенных членов каждого племени, таких как вожди, жонглеры или фокусники. Эти фокусники, такие как Зевс или Индра, могут влиять на погоду, творить чудеса, принимать любые формы животных, растений или неорганических веществ, какие им заблагорассудится, и могут превращать других людей в похожие формы. Уже было показано, что дикий человек рассматривал все ВЕЩИ как ЛИЧНОСТИ, находящиеся на одном уровне с ним самим. Теперь нужно показать, КАКОЙ ЛИЧНОСТЬЮ ОН СЕБЯ СЧИТАЕТ. Он не смотрит на людей так, как смотрят на них цивилизованные расы, то есть как на существ со строгими ограничениями. С другой стороны, он думает о некоторых членах своего племени как о свободных от большинства ограничений и способных творить все чудеса, которые традиция когда-либо приписывала пророкам или богам. Такие чудесные силы, такое практическое всемогущество, как полагают дикари, вовсе не редкость среди них самих. Хотя чудесные достижения высоко ценятся, они не считаются чем-то необычным. Об этом следует постоянно помнить. Когда мифотворческий человек рассматривает небо, солнце или ветер как личность, он не имеет в виду просто личность с ограничениями, признаваемыми современными расами. Он имеет в виду человека, обладающего чудесными способностями знахаря. Небо, солнце, ветер или другой элементарный персонаж могут разговаривать с умершими и превращать себя и своих соседей в животных, камни и деревья.

Чтобы понять эти функции и их применение, необходимо изучить то, что можно назвать дикой наукой, дикой метафизикой и дикой теорией состояния мертвых. Сверхъестественные притязания шамана уходят корнями в общий дикий взгляд на мир, на то, что возможно, а что (если вообще возможно) невозможно. Дикарь, даже в большей степени, чем цивилизованный человек, может быть описан как существо, "блуждающее в неосознанных мирах". Он чувствует, не меньше, чем цивилизованный человек, потребность сделать мир понятным, и он активен в своем поиске причин и следствий. В этих глазах, которыми он так сверкает, много "предположений". Это утверждение было опровергнуто некоторыми людьми, которые жили с дикарями. Так, мистер Бейтс в книге "Натуралист на Амазонке" (1) пишет: "Их любопытство чрезвычайно велико.... Висенте (спутник-индеец) не знал причины грома и молнии. Я спросил его, кто создал солнце, звезды, деревья. Он не знал и никогда не слышал, чтобы об этом упоминали в его племени." Но мистер Бейтс признает, что даже у Висенте была теория устройства мира. "Необходимость теории земли и воды ощущалась, и была предложена теория". И снова мистер Бейтс говорит о некоем бразильском племени: "Их вялые умы, кажется, неспособны постичь или почувствовать недостаток теории души"; и он думает, что причиной этой лени является отсутствие "письменного языка или праздного класса". Теперь все дикари, как правило, принадлежат к "праздному классу", все спортсмены. Мистер Герберт Спенсер тоже выразил скептицизм по поводу любопытства, приписываемого дикарям. Этот момент важен, потому что, на наш взгляд, способности знахаря уходят корнями в дикарскую теорию вещей, и если дикарь слишком медлителен, чтобы изобрести или полусознательно развить

теорию вещей, наша гипотеза беспочвенна. Опять же, мы ожидаем найти в мифах дикарей ответ, данный самими дикарями на их собственные вопросы. Но такая точка зрения невозможна, если дикари не задают себе и никогда не задавали себе вообще никаких вопросов об окружающем мире. По этому поводу мистер Спенсер пишет: "Наряду с отсутствием удивления, естественно, идет отсутствие разумного любопытства".(2) И все же м-р Спенсер признает, что, по словам некоторых свидетелей, "даяки обладают ненасытным любопытством", самоанцы "обычно очень любознательны", а "таитяне удивительно любопытны". Нет ничего более распространенного, чем жалобы путешественников на то, что дикари в своем пылком любопытстве ни на минуту не оставляют европейца наедине с его собственными безмятежными делами. "Дикари" мистера Спенсера, которые не проявляли любопытства, демонстрировали это бесстрашие, когда европейцы пытались заставить их проявить признаки удивления. Бесстрашие - дело чести многих нецивилизованных рас, и мы не можем сделать вывод, что дикарь лишен любопытства, потому что он не любит зеркало или когда его европейские гости пытаются чваниться своими механическими приспособлениями. М-р Герберт Спенсер основывает, на уже цитированных высказываниях м-ра Бейтса, идею о том, что "дикарь, лишенный способности мыслить и сопутствующего желания знать, не склонен к спекуляциям". Он подтверждает опыт мистера Бейтса в том, что Мунго Парку не удалось "привлечь" негров к объяснению причин возникновения дня и ночи. Они никогда не строили догадок по этому поводу. Тем не менее, Пак утверждает, что "вера в единого Бога является полной и универсальной среди них". Это он "провозглашает без малейшей тени сомнения". Что касается "первобытного человека", то, по словам м-ра Спенсера, "ему не приходила в голову необходимость в объяснениях окружающих явлений". Мы отвергли все знания о "первобытном человеке", но легко показать, что мистер Спенсер основывает свою веру в отсутствие спекуляций у дикарей на хрупком фундаменте доказательств.

(1) Том ii. стр. 162.

(2) Социология, стр. 98.

Мистер Спенсер признал предположения или, по крайней мере, любопытство жителей Новой Каледонии, Новой Гвинии, даяков, самоанцев и таитян. Даже там, где он отрицает его существование, как, например, среди племен Амазонки, упомянутых мистером Бейтсом, мы можем доказать, что мистер Бейтс был дезинформирован. Другой путешественник, американский геолог, профессор Хартт из Корнельского университета, долго жил среди племен Амазонки. Но профессор Хартт, в отличие от мистера Бейтса, вовсе не считал их лишенными теорий о вещах — теорий, выраженных в мифах и свидетельствующих об интеллектуальной активности и любознательности, которые требуют ответа на свои вопросы. Профессор Хартт, когда он впервые познакомился с индейцами Амазонки, знал, что они хорошо снабжены мифами, и принялся за их сбор. Но он обнаружил, что ни уговорами, ни предложениями денег ему не убедить индейца рассказать миф. Только случайно, "устало гребя вверх по Паранамириму Итуки", он услышал, как рулевой рассказывал гребцам разные истории, чтобы они не заснули. Профессор Хартт украдкой записал эту историю и обнаружил, что, "запустив процесс" и рассказав историю самому, он мог заставить туземцев отбросить сдержанность и пополнить свой запас историй. "После того, как человек получил свой первый миф и научился излагать его точно и одухотворенно, остальное дается легко". Сказки, опубликованные профессором Харттом, - это в основном истории о животных, подобные тем, что распространены в Африке и среди краснокожих индейцев, и Хартт даже полагал, что многие

легенды были импортированы неграми. Но поскольку большинство негритянских мифов, как и мифов австралийцев, приводят "причину, почему" существования того или иного явления, аргумент против любознательности и живости интеллекта первобытного человека довольно несостоятелен, даже если амазонские мифы были импортированы из Африки. Мистер Спенсер основывал свое неверие в интеллектуальную любознательность амазонских племен и негров на сообщениях мистера Бейтса и Мунго Парка. Но оказывается, что и у негров, и у амазонок есть истории, которые действительно удовлетворяют ненаучное любопытство, и даже считается, что негры одолжили амазонкам именно эти истории. (1) Камчадалы, по словам Стеллера, "сами находят причину для всего, в соответствии со своей собственной живой фантазией, и не оставляют без критики ни малейшего вопроса". (2) Таким образом, поскольку возражения м-ра Спенсера применимы к существующим дикарям, мы можем считать, что они перевешиваются доказательствами, и мы можем поверить в наивное дикарское любопытство к миру и желание объяснить причины вещей. Мнение м-ра Тайлора подтверждает наше собственное: "Стремление человека узнать причины, действующие в каждом событии, свидетелем которого он является, причины, по которым каждое рассматриваемое им состояние вещей такое, какое оно есть, и никакое другое, не является продуктом высокой цивилизации, но характерной чертой его расы вплоть до ее низших стадий. У грубых дикарей это уже интеллектуальный аппетит, удовлетворение которого требует многих моментов, не поглощенных войной или спортом, едой или сном. Даже у ботокудо или австралийцев научные спекуляции берут свое начало в реальном опыте". (3) Позже будет показано, что пища для интеллектуального аппетита дикарей предлагается и потребляется в форме объясняющих мифов.

(1) См. Миф об амазонской черепахе, стр. 5, 37, 40; и сравните предисловие мистера Харриса к книге "Ночи с дядей Ремусом".

(2) Стеллер, стр. 267. Ср. "Примитивные манеры" Фаррера, стр. 274.

(3) Первобытная культура, i. 369.

Но теперь мы должны заметить, что "действительный опыт", собственно так называемый, дикаря настолько ограничен и настолько окрашен неправильными представлениями и суевериями, что его знания о мире очень сильно отличаются от представлений цивилизованных рас. Он ищет объяснение, теорию вещей, основанную на его опыте. Но его знания о физических причинах и законах природы чрезвычайно скудны, и он вынужден прибегать к тому, что мы можем назвать метафизическими или, во многих случаях, "сверхъестественными" объяснениями. Чем уже диапазон знаний человека о физических причинах, тем шире поле, которое он должен заполнить гипотетическими причинами метафизического или "сверхъестественного" характера. Сами по себе эти "сверхъестественные" причины дикарь считает делом своего опыта. По его мнению, опыт показывает, что вся природа индивидуальна и одушевлена; что люди могут менять облик с животными; что заклинания и сверхъестественные существа могут вызывать солнечный свет и бурю.

Хороший пример этого приведен в работе Шарлевуа о Французской Канаде. (1) Шарлевуа был отцом-иезуитом и миссионером среди гуронов и других племен Северной Америки. Он так описывает философию Красных людей: "Гуроны приписывают самые обычные следствия сверхъестественным причинам". (2) На той же странице сам добрый отец объясняет долгожданное наступление дождливой погоды и излечение некоторых жестоких пациентов молитвами отца Бребефа и совершением таинств. Шарлевуа значительно расширил область, в

которой, как известно, естественные эффекты вызываются естественными причинами. Он был гораздо более образован, чем его дикое стадо, и прекрасно понимал, что обычные часы с маятником не могут принести несчастья целому племени и что флюгер - это не волшебная машина для обеспечения плохой погоды. Гуроны, однако, меньше разбиравшиеся в естественных причинах и ничего не знавшие о современных механизмах, были так же убеждены в том, что его часы разрушают удачу племени, а флюгер портит погоду, как отец Шарлевуа мог быть уверен в правильности своих собственных умозаключений. Один или два других анекдота из истории доброго отца и его писем помогают объяснить разницу между философией диких и христианских людей. Отец Бребеф однажды был вызван по наущению гуронского волшебника или "знахаря" на совет племени. Его судьи сказали отцу, что с тех пор, как он появился среди них, все пошло наперекосяк. В ответ на это Бребеф "обратил внимание дикарей на абсурдность их принципов". Он признал (3) предпосылку о том, что с момента его прибытия в племени ничего хорошего не получилось. "Но причина, - сказал он, - очевидно, в том, что Бог разгневан твоей жестокосердностью". Не успел добрый отец таким образом продемонстрировать абсурдность принципов рассуждения дикарей, как злобный гуронский волшебник упал замертво к его ногам! Это событие, естественно, привело дикарей в замешательство.

(1) Histoire de la France-Nouvelle.

(2) Том i. стр. 191.

(3) Том i, стр. 192.

Совпадения такого рода оказывают огромное влияние на умы дикарей. Кэтлин, друг племени мандан, упоминает вождя, который укрепил свою власть с помощью небольшого количества мышьяка, купленного у белых. Вождь обычно предсказывал внезапную смерть своих противников, которая всегда наступала в указанное время. Естественные результаты применения мышьяка варвары приписывали сверхъестественным силам, которыми обладал вождь. (1) Таким образом, философия дикарей ищет causas cognoscere rerum, подобно философии цивилизованных людей, но она поспешно переходит к гипотезе о "сверхъестественных" причинах, о которых можно только догадываться и которые невозможно доказать. Такое умонастроение до сих пор преобладает в цивилизованных странах, как показал епископ Нанта, когда в 1846 году он объяснил разливы Луары "бесчинствами прессы и общим пренебрежением к воскресенью". То, что "сверхъестественные" причины существуют и могут действовать, мы вовсе не собираемся отрицать. Но привычка повсюду искать такие причины и предполагать их вмешательство по своему желанию является главной характеристикой диких спекуляций. Особенность дикаря в том, что он думает, что человеческие агенты могут действовать сверхъестественно, тогда как даже епископ приберег свои сверхъестественные объяснения для Божества. На этой вере в способность человека влиять на события, выходящие за пределы естественных возможностей, основана вся теория МАГИИ, вся мощь колдунов. Эта теория, опять же, находит постоянное выражение в мифах и поэтому заслуживает нашего внимания.

(1) Кэтлин, Письма, ii. 117.

Теория требует для своего существования почти безграничной доверчивости. Европейцам кажется, что эта доверчивость в полной мере преобладает среди дикарей. Босман поражен африканской верой в то, что мир создал паук. Моффат поражен южноафриканским

представлением о том, что море было случайно создано девушкой. Charlevoix says, "Les sauvages sont d'une facilité à croire ce qu'on leur dit, que les plus fâcheuses expériences n'ont jamais pu guérir".(1) Но любопытный факт заключается в том, что, хотя дикари, как правило, столь легковерны, они часто смеются над религиозными доктринами, которым их учат миссионеры. В других местах они признают определенные основные доктрины как старые знакомые формы. Доктор Моффат замечает: "Разговоры о Сотворении Мира, Грехопадении и Воскресении казались им более сказочными, экстравагантными и нелепыми, чем их собственные пустые истории о львах и гиенах". Опять же, "Евангелие казалось слишком нелепым, чтобы в него могли поверить самые глупые".(2) В то время как зулусы заявляли, что привыкли принимать свои собственные мифы без расспросов, (3) именно зулус высказал епископу Коленсо свои сомнения относительно исторического характера Ноева потопы. Хирн (4) знал краснокожего по имени Маторабхи, который, "хотя и был совершенным фанатиком в отношении искусства и трюков жонглеров, все же ни в коем случае не мог быть впечатлен верой в какую-либо часть НАШЕЙ религии". Лейтенант Хаггард, Р.Н., рассказывает автору, что во время затмения в Ламу он высмеивал представление местных жителей об изгнании зверя, пожирающего луну, и объяснил истинную причину этого явления. Но его друг-туземец возразил, что "от него нельзя было ожидать, что он поверит в подобную историю". Однако другие дикари придерживаются старого согласия с верой в морального Творца.

(1) Том ii. стр. 378.

(2) Миссионерские труды, стр. 245.

(3) Каллауэй, Религия Амазулуса, глава 35.

(4) Путешествие среди индейцев, 1795, стр. 350.

Мы уже видели достаточно примеров легковерия в учениях дикарей о равных отношениях людей и зверей, звезд, облаков и растений. Было обнаружено, что та же готовность верить, которая была бы удивительна у ребенка-христианина, регулирует рудиментарные политические организации серых варваров. Добавьте к этой доверчивости философию, которая считает сходство, или смежность в пространстве, или близость во времени достаточным основанием для предсказания причинно-следственных связей, и мы получим основу дикой физической науки. И все же метафизические теории дикарей, выраженные в гимнах маори, полинезийцев и зуни, часто поражают нас богатством абстрактных идей. Совпадение в других местах означает причину.

Post hoc, следовательно, propter hoc - вот девиз дикой философии причинности. Неопытный мыслитель спекулирует на принципах египетского духовенства, описанных Геродотом.(1) "Египтяне обнаружили больше предзнаменований и чудес, чем кто-либо другой; ибо, когда происходит что-либо удивительное, они внимательно наблюдают и записывают то, что следует; и затем, если повторится что-либо подобное чуду, они ожидают, что последуют те же события, что и раньше". Такой взгляд на вещи - сама суть суеверия.

(1) II. стр. 82.

Дикари, как правило, даже не столь научны, как египтяне. Когда происходит неприятное событие, они ищут его причину среди всех менее знакомых обстоятельств последних нескольких дней и выбирают определяющую причину почти наугад. Таким образом, прибытие

французских миссионеров к гуронам совпало с некоторыми печальными событиями; поэтому утверждалось, что появление миссионеров было причиной несчастья. Когда бечуаны страдали от засухи, они объясняли отсутствие дождей прибытием доктора Моффата, и особенно его бородой, церковным колоколом и мешком соли, которые были у него при себе. Здесь не было даже намека на аналогию между причиной и следствием. Некоторые дикари могли бы возразить (это вполне в их стиле), что подобно тому, как соль вызывает жажду, мешок соли вызывает засуху; но против колокольчика и бороды доктора Моффата такого аргумента привести было невозможно. Приведу пример из верований английских крестьян. Когда в 1772 году небольшая лавина засыпала коттедж, несчастный случай приписали беспечности дачников, которые позволили вынести свет из своего жилища во время рождественского прилива.⁽¹⁾ Мы видим ту же путаницу между предшествованием и следствием во времени, с одной стороны, и причиной и следствием - с другой, когда краснокожие индейцы утверждают, что птицы на самом деле приносят ветры и бури или хорошую погоду. Они буквально понимают смысл песни родосской ласточки:-

Прилетела ласточка,
Приносящая ясные часы,
Приносящая ясное время года,
На черной спинке и белой грудке.⁽²⁾

(1) Фольклор Шропшира, автор мисс Берн, iii. 401.

(2) Бринтон, Мифы Нового Света, стр. 107.

Опять же, в Тихом океане жители одного острова всегда приписывают ураганы проискам жителей ближайшего острова с наветренной стороны. Ветер исходит от них; следовательно (поскольку их знахари, как известно, могут влиять на погоду), они, должно быть, послали ветер. Этот недобрососедский акт является поводом к войне, и через всю группу островов знамя войны, подобно флагу свободы у Байрона, развевается против ветра. Итак, главный принцип дикой науки состоит в том, что предшествование и следствие во времени - это то же самое, что следствие и причина.⁽¹⁾ Опять же, дикая наука утверждает, что ПОДОБНОЕ ВЛИЯЕТ НА ПОДОБНОЕ, что вы можете причинить вред человеку, например, повредив его изображение. На основе этих принципов дикарь объясняет себе мир, и на основе этих принципов он пытается подчинить себе мир. Применение этих принципов на практике - это просто применение искусства магии, искусства, в котором нет ничего невозможного. Вера в то, что его шаманы или знахари практикуют это искусство, универсальна среди дикарей. Это серьезно влияет на их поведение и отражается в их мифах.

(1) См. Описание метафизики зуни в главе об американских божественных мифах.

Единственное общее правило, которое управляет всеми магическими рассуждениями, состоит в том, что случайная связь в мышлении эквивалентна причинной связи на самом деле. Подобное предполагает подобное человеческому мышлению посредством ассоциации идей; следовательно, подобное влияет на подобное или производит аналогичные эффекты на практике. Предполагается, что любой предмет, оказавшийся однажды во владении человека, особенно его волосы или ногти, может быть использован колдуном против него. Часть

предполагает целое. Прядь волос мужчины была частью человека; уничтожить волос - значит уничтожить его бывшего владельца. Опять же, любое событие, следующее за другим во времени, предполагает это и, возможно, было вызвано этим. Этим идеям сопутствует вера в то, что природа населена невидимыми духовными силами, на которые имеют влияние маги и колдуньи. Магия низших рас в основном основана на этих двух верованиях. Во-первых, "человек, привыкший мысленно ассоциировать те вещи, которые, как он обнаружил на опыте, были связаны на самом деле, ошибочно начал инвертировать их действие и пришел к выводу, что мысленная ассоциация должна включать аналогичную связь в реальности. Таким образом, он пытался обнаружить, предсказать и вызвать события с помощью процессов, которые, как мы теперь видим, имеют лишь идеальное значение". (1) Во-вторых, человек пытался сделать бестелесных духов умерших или любых других духов послушными своей воле. Философия дикарей предполагает, что верования верны и что их практическое применение успешно. Примеры первой из двух главных магических идей столь же распространены в ненаучное время или среди ненаучных современных людей, как и в мире дикарей.

(1) Первобытная культура, глава 14.

Врачи эпохи Карла II. имели обыкновение давать своим пациентам "порошок мумие", то есть измельченную мумию. Они утверждали, что мумия пролежала очень долго и что пациенты должны поступать точно так же. Плиний предположил, что алмазы должны быть найдены в компании с золотом, потому что это самые совершенные вещества в мире, и подобное должно притягивать подобное. *Aurum rotabile*, или питьевое золото, было излюбленным медицинским средством Средневековья, потому что золото, будучи совершенным, должно обеспечивать совершенное здоровье. Среди дикарей вера в то, что подобное вызывается подобным, проиллюстрирована очень многими практиками. Жители Новой Каледонии, когда они хотят, чтобы их участки под выращивание батата были плодородными, закапывают в них с мистическими церемониями определенные камни, которые естественным образом имеют форму батата. Меланезийцы превратили этот вид магии в систему. Среди них определенные камни обладают магической эффективностью, которая в каждом конкретном случае определяется формой камня. "Камень в форме свиньи, хлебного плода, батата был самой ценной находкой. Ни один сад не был посажен без камней, которые должны были увеличить урожай". (1) Камни, грубо напоминающие зверей, приносят зуну удачу в охоте.

(1) Преподобный Р. Х. Кодрингтон, журнал. *Anth. Inst.*, февраль 1881 г.

Духовная теория в некоторых местах смешивается с теорией "подобное к подобному", и магические камни находят там, где слышали щебетание и свист духов. "Большой камень, лежащий под ним вместе с множеством маленьких, как свинья среди своих сосунов, был хорош для бездетной женщины". (1) Это дикарская вера в то, что камни воспроизводят свой вид, вера, согласующаяся с общей теорией универсального одушевления и личности. Древняя вера в то, что бриллианты разделяют бриллианты по половому признаку, является пережитком этих идей. "Камень с маленькими кружочками на нем приносил деньги; любой причудливой интерпретации знака было достаточно, чтобы придать характер камню и связанному с ним Вуи", или духу в Меланезии. В Шотландии считается, что камни в форме различных частей человеческого тела излечивают болезни, которыми могут быть поражены эти органы. "Эти камни были названы по названиям конечностей, которые они представляли, как "камень-глаз",

"надгробный камень"". Пациент вымыл пораженную часть тела и хорошо растер ее соответствующим камнем.(2)

(1) Кодрингтон, Журнал. Anth. Soc., x. iii. 276.

(2) Грегор, Фольклор Северо-Восточных графств, стр. 40.

Возвращаясь от европейской крестьянской магии к магии дикарей, мы обнаруживаем, что, когда бушмены хотят дождливой погоды, они разжигают костры, полагая, что клубы черного дыма привлекут черные дождевые тучи; в то время как зулусы приносят в жертву черный скот, чтобы привлечь черные дождевые тучи.(1) Хотя эта магия берет свое начало в диком невежестве, она сохранилась и в цивилизации. Таким образом, жертвоприношения ведической эпохи были имитацией природных явлений, которые хотели произвести жрецы.(2) "C'etait un moyen de faire tomber la pluie en realisant, par les representations terrestres des eaux du nuage et de l'eclair, les conditions dans lesquelles celui-ci determine dans le ciel l'epanchement de celles-la." Хорошим примером магической науки является медицинская практика дакотов Северной Америки.(3) Когда кто-либо болен, изображение его болезни, фурункула или чего-то другого, вырезается из дерева. Затем это маленькое изображение помещают в миску с водой и стреляют в него из пистолета. Когда образ болезни уничтожен, ожидается, что исчезнет и сама болезнь. Сравните магию филистимлян, которые сделали золотые изображения язв, которые их мучили, и убрали их в ковчег.(4) Обычай делать восковую статуэтку врага и протыкать ее булавами или расплавлять на огне, чтобы ненавистный человек мог испортиться по мере того, как тает его подобие, был распространен в средневековой Европе, был известен Платону и практикуется неграми. Некоторые австралийцы берут немного волос врага, смешивают их с жиром и перьями орла и сжигают в огне. Это "бар", или черная магия. Доска под креслом мирового судьи на Барбадосе была поднята не так давно, и земля под ней была обнаружена покрытой восковыми изображениями тяжущихся сторон, утыканными булавами.

(1) Каллауэй, i. 92.

(2) Бергенъ, Religion Vedique, i. 126-138, i., vii., viii.

(3) Скулкрафт, iv. 491.

(4) 1 Царств vi. 4, 5.

Боевая магия дакотов работает аналогичным образом. Перед тем, как отряд отправляется в поход, вождь с различными церемониями берет свою дубинку и становится перед своей палаткой. Старая ведьма бросает в него обручи; каждый обруч представляет врага, и за каждый его удар ожидается, что враг упадет. Чаша с подслащенной водой также предназначена для привлечения духов врага.(1) Боевая магия ариев в Индии не сильно отличается по характеру от магии дакотов. "Если кто-либо желает, чтобы его армия одержала победу, он должен выйти за линию фронта, срезать стебель травы сверху и на конце и бросить его во вражескую армию со словами: "Прасахе каш трапашйати?" — О Прасаха, кто видит тебя? Если тот, кто обладает таким знанием, срежет стебель травы и бросит его части во вражескую армию, она расколется и растворится, подобно тому, как невестка смущается и падает в обморок при виде своего свекра", - намек, по-видимому, на широко распространенное табу, которое заставляет свекровей, невесток, зятьев и тещ избегать друг друга.(2)

(1) Скулкрафт, iv. 496.

(2) Айтарея Брахман, iii. 22.

Охотничьи танцы краснокожих индейцев и австралийцев устроены так же, как их военная магия. Изготавливаются изображения медведей, оленей или кенгуру, или некоторые охотники имитируют движения этих животных. Остальные танцоры притворяются, что протыкают их копьями, и есть надежда, что это обеспечит успех среди настоящих медведей и кенгуру.

Вот уникальный образец волшебства, в котором европейцы и австралийские чернокожие согласны. Борис Годунов заставил своих слуг поклясться, что они никогда не причинят ему вреда, произнося заклинания с пылью, на которой остались следы его ног или колес кареты.⁽¹⁾ Мистер Ховитт находит ту же магию у курнаев. (2) "Увидев, что татунголунг сильно хромот, я спросил его, в чем дело. Он сказал: "Какой-то парень всадил бутылку мне в ногу". Я обнаружил, что он, вероятно, страдает острым ревматизмом. Он объяснил, что какой-то враг, должно быть, нашел его след и зарыл в нем осколок разбитой бутылки. Он полагал, что магическое воздействие привело к тому, что осколок попал ему в ногу." В другом случае местный житель рассказал мистеру Ховитту, что он видел, как чернокожие подсыпали яд в следы его ног. Босман упоминает подобную практику среди жителей Гвинеи. В шотландском фольклоре в след ноги человека, который должен быть ранен, ввинчивается гвоздь.

(1) "История России" Рамбо, английский пер., i. 351.

(2) Камиларой и Курнай, стр. 250.

Точно так же, как эти магические попытки влиять на подобное с помощью подобного проникают в ведические и другие религии, точно так же они проникают и в религию дикарей. Его молитвы обращены к какому-то высшему существу, но эффективность молитвы часто усиливается небольшим волшебством, если, конечно, мы не предпочитаем предполагать, что слова мольбы интерпретируются с помощью жестов-речи. Спроут пишет: "Установленные слова и жесты используются в соответствии с желаемым результатом. Например, молясь о лососе, туземец потирает тыльную сторону ладоней, смотрит вверх и бормочет слова: "Много лосося, много лосося". Если он желает съесть оленя, он тщательно трет оба глаза; или, если это гуси, он трет заднюю часть своего плеча, всегда нараспев произнося привычную формулу.... Все эти практики молитвы, без сомнения, имеют смысл. Мы можем видеть, что для метания копья для ловли лосося нужна твердая рука, а для поиска оленя в лесу - ясное зрение".⁽¹⁾

(1) Дикая жизнь, стр. 208.

В дополнение к этим формам символической магии (которые могут быть умножены до любой степени), мы находим у дикарей веру в силу песен-ЗАКЛИНАНИЙ. Это особенность магии, которая особенно заслуживает нашего внимания. В мифах, а еще больше в марчанах или бытовых сказках, мы постоянно обнаруживаем, что самые чудесные эффекты возникают, когда герой произносит несколько рифмованных строк. В Риме, как мы все читали в латинском "Delectus", считалось, что заклинания могут притягивать луну. В "Одиссее" родственники Одиссея поют "песнь исцеления" над раной, нанесенной ему кабаньим бивнем. Жанна д'Арк, раненная под Орлеаном, отказалась от подобного средства. Софокл говорит о безумии бормотания заклинаний над ранами, требующими ножа хирурга. Песня, залечивающая раны, встречается в "Калевале", эпической поэме финнов. Во многих "Маршах"

братьев Гримм чудеса творятся благодаря повторению обрывков рифмы. Эта вера проистекает из дикого состояния фантазии. Согласно Колю, (1) "Каждая печальная или радостная эмоция, открывающая рот индейца, сразу же облачается в одеяние вабанонагамовина (волшебный шансон). Если вы попросите кого-нибудь из них спеть вам простой невинный гимн во славу Природы, весны или веселого охотничьего посоха, он никогда не даст вам ничего, кроме своеобразного заклинания, с помощью которого, по его словам, вы сможете призвать к себе всех птиц с неба, а также всех лисиц и волков из их пещер и нор". (2) Дочь великана в шотландском мархене, Nicht, Nothing, Ничто, таким образом, может призвать к себе на помощь "всех птиц небесных". Точно так же, если вы попросите индейца спеть песню о любви, он скажет, что напиток на самом деле гораздо эффективнее. Короче говоря, дикарь чрезвычайно практичен. Его искусство, музыка и рисунок, существуют не ради искусства, а с определенной целью, как методы получения того, чего хочет художник. Молодой любовник, которого знал Коля, подобно любовнику Бомбики у Феокрита, верил в то, что у него есть образ самого себя и образ возлюбленной. В сердце женского образа он вколол волшебные порошки и сказал, что это обычное дело, любовники добавляли песни, "частично элегические, частично злонамеренные и почти преступные формы заклинаний".(3)

(1) Страница 395.

(2) Ср. Традиционную поэзию финнов Компаретти.

(3) Китчи гами, стр. 395, 397.

Среди индоариев масаминики, или заклинания Красного Человека, известны как мантры.(1) Обычно это тексты из Вед, которые произносятся над больными и в других обстоятельствах, когда считается, что магия эффективна. Среди новозеландцев заклинания называются каракия и используются в реальной жизни. Существует специальная каракия для поднятия ветра. В мифах маори герой очень ловко обращается со своей каракией. Скалы раскалывались перед ним, как перед девушками, которые произносят заклинания в кафрских и бушменских сказках. Он принимает облик любого животного по своему желанию или летает по воздуху, и все это благодаря каракии, или заклинанию.(2)

(1) Муир, Санскритские тексты, т. 441, "Заклинания из Атхарва Веды".

(2) Новая Зеландия Тейлора; Кафрский фольклор Теала, Южноафриканский фольклорный журнал, *passim*; "Традиции новозеландцев" Шортленда, стр. 130-135.

Не умножая примеров дикой веры в то, что чудеса могут твориться благодаря физическим СООТВЕТСТВИЯМ, когда подобное действует на подобное, когда часть влияет на целое и так далее, мы можем перейти к магическим результатам, производимым с помощью духов. Это могут быть либо духи умерших, либо духовные сущности, которые никогда не оживляли смертных людей. Дикая магия или наука частично зиждется на вере в то, что мир населен "невидимым хором", или, скорее, хором, лишь изредка видимым определенным одаренным людям, колдунам и прорицателям. Огромное количество доказательств существования этих догматов было собрано мистером Тайлором, и они доступны всем в главах, посвященных "анимизму" в его первобытной культуре. В наши обязанности здесь не входит объяснять универсальность веры в духов. Мистер Тайлор, следуя Лукрецию и Гомеру, выводит свою веру из рассуждений древних людей о феноменах снов, обмороков, теней, видений, вызванных наркотиками, галлюцинаций и других фактов, которые предполагают гипотезу об отдельной

жизни, отдельной от физического организма. Едва ли было бы справедливо не добавить, что "факты", исследуемые Обществом психиатров, — такие "факты", как появление людей в момент смерти в местах, удаленных от места их кончины, с такими реальными или иллюзорными переживаниями, как шумы и видения в домах с привидениями, — знакомы дикарям. Не обсуждая эти неясные вопросы, можно сказать, что они влияют на мысли даже некоторых научно подготовленных и цивилизованных людей. Поэтому естественно, что они должны сильно повлиять на легковерное воображение отсталых рас, среди которых они берут начало или подтверждают веру в то, что жизнь может существовать и проявляться после смерти тела.(1)

(1) См. книгу автора "Создание религии", 1898.

Можно привести несколько примеров диких "историй о привидениях", в точности аналогичных "фактам" исследований Общества психиатров. Первый любопытен, потому что он предлагает канекам пример верования, распространенного в бретонском фольклоре. За эту историю ручается мистер Дж. Дж. Аткинсон, ныне покойный уроженец Нумеа, Новая Каледония. У нас есть основания полагать, что мистер Аткинсон не был знаком с бретонской параллелью. Однажды его навестил знакомый Канека, которому, казалось, не хотелось уходить. Он попрощался, вернулся и снова попрощался, пока мистер Аткинсон не спросил его о причине его поведения. Затем он объяснил, что находится при смерти и больше никогда не увидит своего английского друга. Поскольку он казался совершенно здоровым, мистер Аткинсон успокоил его по поводу ипохондрии, но бедняга ответил, что его судьба предreshена. Недавно он встретил в лесу ту, кого принял за девушку своего сердца Канеку; но слишком поздно понял, что это была не смертная женщина, а лесной дух в облике возлюбленной. Результатом была бы его смерть в течение трех дней, и, собственно говоря, он умер. Это основа старинной бретонской баллады о съере Нане, который умирает после своей интриги с лесным призраком.(1) За историю, больше похожую на обычную современную историю о привидениях, ручается мистер К. Дж. Ду Ве из Австралии. В 1860 году чернокожий парень из племени Манеру погиб на службе у мистера Ду Вэ. "За день до смерти, проболев некоторое время, он сказал, что ночью его отец, друг его отца и женский дух, которого он не смог узнать, пришли к нему и сказали, что он умрет на следующий день и что они будут ждать его. Г-н Ду Йе добавляет, что, хотя ранее этому человеку объясняли христианскую веру, она полностью исчезла, и он вернулся к вере своего детства". Г-н Файсон, который печатает эту историю в своих "Камиларой и Курнай", (2) добавляет: "Я мог бы привести много подобных примеров, которые могут привести к смерти". насколько мне известно, они жили среди фиджийцев, и, как ни странно, умирающий во всех этих случаях назначал встречу с призраками до того самого дня".

(1) Можно, конечно, предположить, что французы привнесли эту веру в Новую каледонию.

(2) Страница 247.

В "Круизе на Бигле" есть параллельный анекдот о жителе Огненной земли Джимми Баттоне и призраке его отца.

Не вдаваясь в обсуждение призраков, очевидно, что свидетельства, какой бы ценностью они ни обладали, которые убеждают многих образованных европейцев в существовании "достоверных" привидений, также сыграли свою роль в философии нецивилизованных рас. Таким образом, на этой вере впривидения основана сила диких колдунов и некромантов, людей, которые разговаривают с умершими и которым помогают бестелесные духи. Эти люди оказали большое

влияние на зарождение мифологии. Среди некоторых австралийских племен некромантов называют бирраарк. (1) "Курнаи рассказывают мне, - говорит м-р Ховитт, - что Бирраарк, как предполагалось, был инициирован мрартами (призраками), когда они встретили его блуждающим в буше.... Именно от призраков он получил ответы на вопросы, касающиеся событий, происходящих на расстоянии или еще не произошедших, которые могли бы представлять интерес или иметь важное значение для его племени ". Мистер Ховитт публикует отчет о спиритическом сеансе в буше.(2) "Костры погасли. Птица время от времени издавала крик "ку-и". Наконец послышался отдаленный ответ, и вскоре после этого послышались звуки, как будто люди по очереди прыгали по земле. Затем в полумраке послышался голос, спрашивающий со странной интонацией: "Чего хотят?" Бирраарк задал вопросы и дал ответы. По окончании сеанса голос духа сказал: "Мы уходим". Наконец, Бирраарк был найден на вершине почти недоступного дерева, по-видимому, спящим".(3) В каждом клане был по крайней мере один Бирраарк. Курнаи дали имя "Бревин" (могущественный злой дух) Бирраарку, который однажды был унесен на несколько дней мрартами, или духами.(4) Австралийцы верят, как, по словам Босмана, это было у жителей Золотого берега, что далеко в глубине страны живет очень могущественный волшебник, а негры считали, что к этому чернокнижнику духи умерших отправляются судить в соответствии с заслугами их поступков при жизни. Здесь мы имеем доктрину, соответствующую греческой вере в "волшебника Миноса", Эака и Радаманта, а также египетскому представлению об Осирисе как судье усопших.(5) Претензии колдуна на беседу с умершими подтверждены мистером Броу Смитом. (6) "Колдун, лежавший на животе, разговаривал с умершим, а другой, сидевший рядом с ним, получал драгоценные послания, которые передавал покойный". Как естественный результат этих верований, австралийский некромант обладает огромной властью в племени. Мистер Ховитт упоминает случай, когда группа сородичей, перестав использовать свою старую тотемистическую фамилию, назвала себя детьми знаменитого умершего Бирраарка, который, таким образом, стал героем-эпонимом, подобно Иону среди ионийцев.(7) Среди шотландских горцев положение и практика провидца были очень похожи на положение и практику Бирраарка. "Человек, - говорит Скотт (8), - был завернут в шкуру только что убитого быка и оставлен у водопада, или на дне пропасти, или в какой-то другой странной, дикой и необычной ситуации, когда окружающий пейзаж не навел ни на какие мысли, кроме предметов ужаса. В этой ситуации он прокрутил в уме предложенный вопрос, и все, что было впечатлено в него его возвышенным воображением, СОШЛО ЗА ВДОХНОВЕНИЕ БЕСТЕЛЕСНЫХ ДУХОВ, обитающих в этих пустынных уголках ". Ряд примеров приведен в Описании Западных островов Мартином.(9) В журнале "Сенчури" (июль 1882 г.) есть очень полный отчет о тлинкитских знахарях и метаморфозах.

(1) Камиларой и Курнай, стр. 253.

(2) Страница 254.

(3) В "Отношениях иезуитов" (1637), стр. 51, мы читаем, что краснокожему индейскому колдуну или Джоссакиду приписывалась способность внезапно исчезать из поля зрения стоящих вокруг него людей. О нем, как о гомеровских богах, можно было бы сказать: "Кто имеет власть видеть, как он приходит или уходит против своей воли?"

(4) Здесь, в первом издании, встречается следующий отрывок: "Концепция Бревина примерно настолько же близка, насколько курнаи приближаются к идее Бога; поэтому присвоение им его

имени могущественному колдуну представляет важность и интерес". Более поздние сведения мистера Ховитта демонстрируют здесь ошибку.

(5) Босман в "Пинкертоне", xvi. стр. 401.

(6) Аборигены Австралии, i. 197.

(7) В Виктории с наступлением темноты волшебник поднимается к облакам и вызывает оттуда доброго духа. Докинз, стр. 57. Об одноименных знахарях см. Камиларой и Курнай, стр. 231.

(8) Владычица озера, примечание 1 к четвертой песни.

(9) С. 112.

Колдун среди зулусов, по-видимому, от природы истеричен и нервозен. "Он слышит духов, которые разговаривают с ним посредством свиста". (1) Свист также является языком призраков в Новой Каледонии, где мистер Аткинсон сообщает нам, что он иногда обращал в позорное бегство здоровых канека, тихонько посвистывая в сумерках. Призраки у Гомера издают похожие звуки, "и точно так же, как летучие мыши порхают, бормоча что-то в тайном месте чудесной пещеры ... точно так же бормотали души, когда жили вместе" (Одиссея, xxiv. 5). "Знакомые духи знакомят его" (этого зулусского колдуна) "с тем, что должно произойти, и тогда он предсказывает для людей". Как бирраарки учатся песням и танцевальной музыке у мрартов, так и зулусские иньянга, или прорицатели, учатся магическим куплетам у итонго, или духов.(2)

(1) Каллауэй, Религиозная система амазулов, стр. 265.

(2) Обо всем этом читайте в разделе "Одержимость" при создании религии.

Свидетельства различных учреждений подтверждают сообщения о вере дикарей в магию. Политическая власть прорицателей очень велика, как можно видеть из того факта, что наследственный вождь нуждается в их посвящении, чтобы стать вождем де-юре.(1) На самом деле, качества прорицателя - это те, которые придают его священную власть вождю. Говорят, что когда он получает от прорицателей все их лекарства и информацию о способе использования иситунду (магического сосуда), он часто приказывает их убить. Так вот, вождь до такой степени знахарь, что он повелитель воздуха. "Небеса принадлежат вождю", - говорят зулусы; и когда он созывает своих людей, "хотя небеса ясны, они затуманиваются из-за поднявшегося сильного ветра". Другие зулусы объясняют это простой гиперболой лести. "Слово вождя придает уверенности его войскам; они говорят: "Мы отправляемся; вождь уже видел все, что произойдет на его корабле". Таковы вожди; они используют сосуд для гадания". (2) Создатели дождя известны в Зулуленде как "небесные стада" или "небесные табуны", которые пасут небеса, чтобы они не могли прорваться наружу и исполнить свою волю над собственностью людей. На самом деле эти люди (греческий текст опущен) "собиратели облаков", подобно гомеровскому Зевсу, владыке небес. Их название "небесные стада" имеет ведическое звучание. "Стадо, которое пасет молнию, - говорят зулусы, - делает то же самое, что и пастух скота; он делает то же самое, свистя; он говорит: "Тшу-и-и-и". Уходи и ступай вон туда. Не приходи сюда". "Здесь следует отметить, что зулусы воспринимают грозовые тучи и молнии как реальных существ, которых можно пасти, как овец. В этом вопросе нет никакой метафоры или аллегории, (3) и нет забвения первоначального значения слов. Стадо облаков точно такое же, как пастух, за исключением того, что не каждый человек, а только колдуны и те, кто съел

"птицу-молнию" (птицу, застреленную недалеко от места, где в землю ударила молния), могут пасти небесные облака. Те же идеи преобладают среди бушменов, где создательницу дождя просят "подойти красивую нежную самку дождя"; дождевые облака - это ее волосы. У бушменов Дождь - это человек. У краснокожих индейцев, по-видимому, не подразумевается никакой метафоры, когда говорится, что "ветер всегда создают птицы, за исключением ветра с востока". Дакоты однажды убили громовую птицу (4) за деревней Литтл-Кроу на реке Миссури. У него было лицо, как у человека, с носом, похожим на орлиный клюв.(5)

(1) Каллауэй, стр. 340.

(2) Каллауэй, Религиозная система Амазулей, стр. 343.

(3) Там же, стр. 385.

(4) Скулкрафт, iii. 486.

(5) Сравните Callaway, стр. 119.

Политическая и социальная власть, которая оказывается в руках магов, очевидна даже в случае австралийцев. Племена и отдельные люди мало что могут предпринять без помощи человека, который прислушивается к призракам. Только он может предсказывать будущее и, в случае естественной смерти члена племени, может направить месть выживших против враждебного мага, совершившего убийство с помощью "бара" или магии. Мы видели, что у зулусов колдовство санкционирует власть вождя. "Ветры и погода в распоряжении" "великого фетишиста" Босмана. В глубине страны от Золотого берега (1) король Лоанго, по словам аббата Проирарта, "имеет заслугу вызывать дождь на землю". Будет обнаружено, что сходные верования с аналогичными политическими результатами вытекают из суеверия о магии среди краснокожих индейцев Северной Америки. Трудность написания статей о колдунах среди краснокожих индейцев вызвана обилием свидетельств. Шарлевуа и другие ранние миссионеры-иезуиты обнаружили, что жонглеры, как Шарлевуа называет жоссакидов, или знахарей, были их главными противниками. Как и у шотландских горцев, австралийцев и зулусов, краснокожего индейского жонглера посещают духи. Он покрывает хижину шкурой животного, которую обычно носит, удаляется туда и там беседует с бестелесными существами.(2) Такой хороший миссионер, как мистер Моффат в Африке, был убежден, что упражнения Джоссакидов были поистине сверхъестественными. "Эти соблазнительники вступают в неистинную коммерцию с отцом Менонже". (3) Это отрицали более ранние и мудрые миссионеры-иезуиты. Их политическая власть, естественно, была велика. In time of war "ils avancent et retardent les marches comme il leur plait". В нашем веке это был знахарь Тен Сква Та Уэй, который своими магическими приемами и суеверными обрядами разжег страшную войну против Соединенных Штатов.(4) Согласно мистеру Понду, (5) местное название шаманов племени дакота "вакан" означает "люди, сверхъестественно одаренные". Считается, что знахари "пробуждаются" от мистического общения со сверхъестественными существами. Дело человека, прошедшего ваканизацию, состоит в том, чтобы предвидеть будущие события, руководить сторонами на тропе войны, "поднимать бурю или успокаивать ее, разговаривать с молнией или громом, как со знакомыми друзьями".(6) Человек, прошедший ваканизацию, подобно австралийскому Бирраарку и зулусскому прорицателю, "диктует песнопения и молитвы". В битве "каждый воин дакота смотрит на человека-вакана как на почти свой единственный ресурс". По словам мистера Понда, вера в людей-ваканов универсальна среди

дакотов, за исключением тех случаев, когда христианство подорвало ее. "Их влияние глубоко ощущается каждым членом племени и контролирует все их дела". Функции человека-вакана берет на себя генерал или военный вождь племени, и в "Скулкрафте" (iv. 495) капитан Истман печатает копии местных свитков, изображающих военного вождя за работой волшебника. "Военачальник, который ведет отряд на войну, всегда является одним из этих знахарей". В другом отрывке описывается, что знахари "имеют право голоса при продаже земли". Следует отметить, что Джоссакид, или знахарь в чистом виде, проявляет силу, которая сама по себе не передается по наследству. Власть вождя, когда она связана с наследованием собственности, передается по наследству; и когда вождь, как у зулусов, приобретает сверхъестественную силу, тогда один и тот же человек становится прорицателем и вождем и является личностью с большим и священным влиянием. Самый живой отчет о действиях маорийского "тохунга", или колдуна, можно найти в Старой Новой Зеландии (7) у Пакеха маори, английского джентльмена, который жил с туземцами как один из них. Тохунга, говорит этот автор, (8) руководил "всеми теми службами и обычаями, которые имели нечто, приближающееся к религиозному характеру. Они также претендовали на власть с помощью определенных знакомых духов, чтобы предсказывать будущие события и даже в некоторых случаях управлять ими.... Дух "входил" в них и, когда его спрашивали, давал ответ каким-то наполовину свистящим, наполовину членораздельным голосом, который, как предполагалось, является надлежащим языком духов". В Новом Южном Уэльсе миссис Лэнглот Паркер была свидетельницей подобной демонстрации. В этом случае "духи" сказали правду. Маори пакеха присутствовал в затемненном деревенском зале, когда тохунга вызвал дух молодого человека, его большого друга. Внезапно, без малейшего предупреждения, из темноты донесся голос.... Следует помнить, что голос на всем протяжении был не голосом тохунги, а странным меланхоличным звуком, подобным шуму ветра, дующего в полый сосуд. "Мне хорошо; мое место - хорошее место". Дух дал ответ на вопрос, который оказался правильным, а затем "Прощай", - крикнул дух ИЗ ГЛУБИНЫ ЗЕМЛИ. "Прощай", - снова РАЗДАЛОСЬ ВЫСОКО В ВОЗДУХЕ. "Прощай", - еще раз донесся стон из далекой ночной тьмы." Поскольку вожди в Новой Зеландии не меньше, чем тохунги, могут проявлять мистическую и магическую силу табу, то есть придавать любому предмету или человеку неприкосновенный характер, и могут предотвратить или смягчить таинственное наказание за нарушение табу, представляется вероятным, что в Новой Зеландии, а также среди зулусов и краснокожих индейцев, вожди имеют тенденцию впитывать священный характер и силы тохунгов. Это достаточно естественно, поскольку тохунга, если он хорошо разыгрывает свои карты, обязательно приобретает собственность и наследственное богатство, которые в сочетании с магическим влиянием являются необходимыми качествами для должности вождя.

(1) Пинкертон, xvi. 401.

(2) Шарлевуа, i. 105. См. "Дикий спиритуализм" в "Кок-лейн и здравом смысле".

(3) Там же, iii. 362.

(4) Кэтлин, ii. 17.

(5) В "Скулкрафте", iv. 402.

(6) Понд, в "Скулкрафте", iv. 647.

(7) Окленд, 1863 год.

Здесь уместно упомянуть факт, который, хотя на первый взгляд может показаться, что он представляет лишь социальный интерес, все же имеет отношение к развитию мифологии. Собственность и положение, по-видимому, были существенны друг для друга при формировании социального ранга, и там, где у современных дикарей отсутствует одно, мы не находим другого. В качестве примера этого мы могли бы взять случай с двумя народами, которые, подобно гомеровским эфиопам, являются самыми отдаленными из людей и живут далеко друг от друга на концах света. Эскимосы и огнеземельцы, проживающие на крайнем севере и юге американского континента, согласны в том, что у них мало частной собственности или ее вообще нет. И все же магия обеспечивает своего рода основу для ранжирования. Унылые равнины льда и скал, подобно Аттике, являются "матерью людей без хозяина". Среди "соседей по дому" в небольших поселениях нет старосты, а на больших собраниях, по словам доктора Ринка, "еще реже, чем среди соседей по дому, кто-либо из жителей такого места считался старостой". Песни и рассказы эскимосов содержат восхваления людей, которые восстали и убили любого узурпатора, пытавшегося править своими "соседями по месту жительства". Никто не мог бы установить какую-либо власть на основе собственности, потому что "лишнее имущество, орудия труда и т.д. редко существовало". Если в одном домохозяйстве есть три лодки, одна из них "одалживается" общиной и возвращается в общий фонд. Если мы посмотрим на отчет о жителях Огненного огня, описанный в "круизе адмирала Фицроя", мы обнаружим аналогичное отсутствие звания, вызванное аналогичными причинами. "Совершенное равенство между индивидами, составляющими племена, должно быть, надолго задержало развитие их цивилизации.... В настоящее время даже кусок ткани рвется в клочья и распределяется, и ни один индивид не становится богаче другого. С другой стороны, трудно понять, как может возникнуть вождь, пока нет какой-либо собственности, с помощью которой он мог бы проявлять и все еще увеличивать свой авторитет". Однако в той же книге мы получаем представление об одном средстве, с помощью которого можно осуществлять власть. "Доктор-волшебник из каждой группы имеет большое влияние на своих товарищей". Среди эскимосов этот элемент роста авторитета также существует. Класс волшебников под названием Ангакутов обладает способностью вызывать хорошую погоду и, благодаря дару ясновидения и магическим практикам, может выявлять преступления, так что они обязательно становятся своего рода гражданскими магистратами. У этих ангекоков или Ангакутов есть знакомые духи, называемые Торнгак, слово, связанное с именем их главного духовного существа, Торнгарсака. Торнгак обычно является призраком умершего родителя колдуна. "Эти люди, - говорит Эгед, - пользуются большим почетом среди этого глупого и невежественного народа, настолько, что никто никогда не смеет отказать в строжайшем повиновении, когда они приказывают ему от имени Торнгарсака". Важность и фактическое существование веры в магию, таким образом, было подтверждено свидетельствами институтов, даже среди австралийцев, огнеземельцев и эскимосов.

Теперь необходимо перейти от примеров племен, испытывающих суеверное уважение к определенным личностям, но не имеющих собственности и вождей, к народам, проявляющим феномен суеверного почтения к богатым правителям или судьям. Если взять пример Ирландии, описанный в "Сенчус Мор", мы узнаем, что вожди, точно так же, как и эскимосы ангакут, обладали "властью создавать хорошую или ненастную погоду" в буквальном смысле этих слов.(1) В Африке точно так же, как говорит старый путешественник Босман, "Что касается разницы между одним негром и другим, то самый богатый человек - самый почитаемый", хотя

самый почитаемый человек обладает той же магической силой, что и бедные ангакуты эскимосов.

(1) Ранняя история институтов, стр. 195.

"На Соломоновых островах, - говорит доктор Кодрингтон, - ничто не мешает простому человеку стать вождем, если он может показать, что у него есть для этого мана (сверхъестественная сила)".(1)

(1) Journ. Ант. Инст., x. iii. 287, 300, 309.

Хотя это предвосхищает более позднюю стадию нашего исследования, мы должны здесь заметить, что святость и даже магические добродетели варварских вождей, по-видимому, перешли к ранним лидерам европейских рас. Дети Одина и Зевса были "священными царями". Гомеровские вожди, подобно вождям зулусов и краснокожих, а также ранних ирландцев и шведов, оказывали влияние на физическую вселенную. Гомер (1) говорит о "непорочном царе, который боится богов и царствует среди многих людей и могуществен, и черная земля произрастает пшеницей и ячменем, и овцы плодятся и не погибают, и море дает запасы рыбы, и все это благодаря его благому владычеству".

(1) Од., хix. 109.

Атрибуты, обычно приписываемые варварскими народами своим знахарям, еще не исчерпаны. Мы обнаружили, что они могут предвидеть и предсказывать будущее; что они управляют погодой и чувственным миром; что они могут беседовать с душами умерших, посещать их и использовать в своих собственных делах. Было бы легко показать еще более подробно, что знахарь повсюду обладает способностью к метаморфозам. Он может принимать облик всех зверей, птиц, рыб, насекомых и неорганических веществ, и он может подчинять других людей тем же чарам. Эта вера, очевидно, основывается на отсутствии общепризнанного различия между человеком и остальным миром, на котором мы так часто настаивали как на характеристике дикого мышления. Примеры аккредитованных метаморфоз настолько распространены повсюду и так хорошо известны, что было бы пустой тратой места приводить их длинный отчет. В первобытной культуре (1) собрано множество свидетелей веры в людей-тигров, гиен, леопардов и волков.(2) Мистер Лейн (3) обнаружил, что метаморфозы, совершаемые волшебниками, являются такой же признанной рабочей верой в Каире, как и среди абипонов, эскимосов или жителей Ашанголенда. В разных частях Шотландии ходят легенды о ведьме, в которую стреляли, когда она была в обличье зайца. В этом обличье она была ранена, и такая же рана была обнаружена у нее, когда она приняла человеческий облик. Лафито, живший в начале прошлого века, обнаружил точно такую же легенду, за исключением того, что у краснокожих индейцев волшебники принимали облик птиц, а не зайцев. Птицы были ранены волшебными стрелами старого знахаря Шонно Коуи Эрети, и эти стрелы были найдены в телах преступников-людей. В Японии, как мы узнаем из нескольких историй из книги мистера Митфорда "Сказки о старой Японии", люди в основном превращаются в лис и барсуков. Колдуны Гондураса (4) "обладают способностью превращать людей в диких зверей, и поэтому их очень боялись". У какчикелей, культурного народа Гватемалы, само название духовенства халей произошло от их способности принимать облик животных, который они принимали так же легко, как гомеровские боги.(5) Реньяр, французский драматург, путешествовавший среди лопарей в конце семнадцатого века (1681), говорит: "Они верят, что ведьмы могут превращать

людей в кошек"; и снова: "Под личинами лебедей, ворон, соколов и гусей они вызывают бури и разрушают корабли".(6) У бушменов "колдуны принимают облик зверей и шакалов".(7) Добрицхоффер (1717-91), миссионер в Парагвае, обнаружил, что "колдуны присваивают себе способность превращаться в тигров".(8) Он присутствовал, когда абипоны поверили, что подобное обращение действительно происходит: "Увы, - восклицали люди, - все его тело начинает покрываться тигриными пятнами; у него растут ногти". Близ Лоанды Ливингстон обнаружил, что "вождь может превратиться во льва, убить любого, кого выберет, а затем принять свой настоящий облик".(9) У баротсе и балонды "пока люди еще живы, они могут превращаться во львов и аллигаторов".(10) У майя Центральной Америки "колдуны могли превращаться в собак, свиней и других животных; их взгляд был смертелен для жертвы".(11) Тлинкиты думают, что их шаманы могут превращаться в животных по своему желанию; и мистеру К. Э. С. Вуду указали на очень старого ворона как на воплощение души шамана.(12) Сэр А. К. Лайалл находит аналогичную веру в процветающее существование в Индии. Европейское суеверие об оборотне-волке слишком хорошо известно, чтобы нуждаться в описании. Пожалуй, самой любопытной легендой является легенда, рассказанная Хиральдусом Камбренисом о мужчине и его жене, превращенных аббатом в волков. Они сохранили человеческую речь, образцово исповедовали христианскую веру и послали за священниками, когда обнаружили, что приближаются их последние часы. В старинной нормандской балладе девушка превращается в белую лань, за ней охотятся и убивают гончие ее брата. "Коренные" народы Индии придерживаются схожих убеждений. Среди хосов (13) был известен старый колдун по имени Пуша, который обычно превращался в тигра и поедая коз своих соседей и даже их жен. Примеры способности колдунов превращать своих врагов в камень, как в случае с головой Горгоны, особенно распространены в Америке.(14) Хирн обнаружил, что индейцы верили, что они произошли от собаки, которая могла превращаться в красивого молодого человека.(15)

(1) Том i. стр. 309-315.

(2) См. также М'Леннана о ликантропии в Британской энциклопедии.

(3) "Арабские ночи", i. 51.

(4) Бэнкрофт, "Расы Тихоокеанского побережья", i. 740.

(5) Бринтон, "Анналы Какчикелей", стр. 46.

(6) Пинкертон, i. 471.

(7) Блик, Краткий отчет о фольклоре бушменов, стр. 15, 40.

(8) Английский перевод книги Добрицхоффера "Abipones", i. 163.

(9) Миссионерские путешествия, стр. 615.

(10) Ливингстон, стр. 642.

(11) Бэнкрофт, ii.

(12) Журнал "Сенчури мэгэзин", июль 1882г.

(13) "Этнология Бенгалии" Далтона, стр. 200.

(14) Дорман, стр. 130, 134; Отчет Этнологического бюро, Вашингтон, 1880-81.

(15) Путешествие и т. Д., стр. 342.

Давайте перечислим силы, приписываемые знахарям во всем мире низшими людьми. В распоряжении знахаря все чудеса. Он правит небом, он парит в воздухе, он становится видимым или невидимым по своему желанию, он может принимать любую форму по своему желанию и принимать свой человеческий облик. Он может управлять духами, может беседовать с умершими и может спускаться в их обители.

Когда мы начнем изучать МИФОЛОГИЧЕСКИХ богов, диких или цивилизованных, в отличие от божеств, рассматриваемых в богослужении как моральные и созидательные хранители этики, мы обнаружим, что, с общим, хотя и не неизменным добавлением бессмертия, они обладают теми же достижениями, что и знахарь, пи, тохунга, джоссакид, бирраарк или любое другое имя для колдуна, которое мы можем выбрать. У греков мифический Зевс пользуется на небесах всеми атрибутами знахаря; у ирокезов, как заметил отец ле Жен, старый миссионер-иезуит, (1) знахарь пользуется на земле всеми атрибутами Зевса. Короче говоря, чудесные и сверхъестественные дары мифических богов, будь то зооморфные или антропоморфные, - это именно те магические свойства, которыми наделяет знахаря его племя. Из этого вовсе не следует, как могли бы возразить Эвмерус и мистер Герберт Спенсер, что бог когда-то был настоящим живым знахарем. Но мифотворческий человек наделяет мифических божеств магической силой, которую он приписывает себе.

(1) Отношения (1636), стр. 114.

ГЛАВА V. МИФЫ О ПРИРОДЕ.

Дикарская фантазия, любопытство и доверчивость, проиллюстрированные в мифах о природе, — В них все явления объясняются верой в общую одушевленность всего сущего в сочетании с верой в метаморфозы — Мифы о Солнце, азиатские, австралийские, африканские, меланезийские, индийские, калифорнийские, бразильские, маорийские, самоанские — Мифы о Луне, австралийские, муйские, мексиканские, зулусские, макассарские, гренландские, пиутские, малайские — Мифы о Громе — Греческие и арийские мифы о солнце и Луне — Звездные мифы — Мифы, дикие и цивилизованные, о животных, объясняющие их приметы и привычки — Примеры об обычае заявлять о кровном родстве с низшими животными — Мифы о различных растениях и деревьях — Мифы о камнях и превращении в камни, греческие, австралийские и американские — Вся натурфилософия дикарей выражена в мифах и сохранилась в фольклоре и классической поэзии; и легенды о метаморфозах.

Интеллектуальное состояние дикарей, которое было представлено и установлено свидетельствами как наблюдателей, так и институтов, теперь может быть изучено на основе мифов дикарей. Эти мифы, действительно, сами по себе показали бы, что представления, которые низшие расы имеют о мире, соответствуют нашему утверждению. Если бы кто-нибудь спросил себя, из каких умственных состояний возникают следующие дикие истории? он, естественно, ответил бы, что умы, придумавшие эти сказки, были любопытными, ленивыми, доверчивыми к магии и колдовству, способными не проводить границы между вещами и людьми, способными приписывать все происходящее человеческим страстям и решениям. Но, поскольку мифы, аналогичные мифам дикарей, когда они встречаются у цивилизованных народов, приписываются психологическому состоянию, вызванному языковой болезнью, возникшей после того, как цивилизация достигла значительных успехов, мы не можем рассматривать мифы дикарей как доказательство того, что дикари думают, веруют и практикуют в ходе повседневной жизни. Поступать так означало бы, возможно, вести спор по кругу. Следовательно, мы должны изучать мифы о неразвитых расах самих по себе.

Эти мифы образуют единое целое, настолько сложное и туманное, что их действительно трудно разделить на классы и категории. Например, если мы посмотрим на мифы, касающиеся происхождения различных явлений, мы обнаружим, что некоторые представляют действие богов или внеземных существ, в то время как другие опираются на грубую теорию капризной эволюции; третьи, опять же, призывают на помощь магию смертных, и большинство рассматривает великие силы природы, небесные тела и животных как множество личных характеров, способных добровольно видоизменяться или быть видоизмененными в результате самых тривиальных случайностей. Однако необходимо попытаться как-то упорядочить миф, только изучающий должен понять, что линии никогда не проводятся с определенной фиксированностью, что любая категория может перетечь в любую другую категорию мифа.

Мы начнем с рассмотрения некоторых природных мифов — то есть мифов, объясняющих факты видимой вселенной. Они варьируются от рассказов о небе, дне, ночи, солнце и звездах до историй о красной грудке усея, повадках перепела, пятнах и полосах диких зверей, образовании скал и валунов, листве деревьев, формах растений. В каком-то смысле эти мифы — наука дикарей; в каком-то смысле они — их священная история; в каком-то смысле они — их вымысел и романтика. Начиная с солнца, мы обнаруживаем, как говорит м-р Тайлор, что "в ранней философии по всему миру солнце и луна были живыми и, так сказать, человеческими по своей природе".(1) Масса этих солярных мифов настолько огромна, что можно привести лишь несколько примеров, выбранных почти наугад из общей кучи. Солнце рассматривается как личностное существо, способное не только подвергаться воздействию чар и заклинаний, но и быть пойманным в ловушку и избитым, появляться на земле, брать в жены дочерей человеческих. У Гарсиласо де ла Веги есть история о принце инков, мыслителе-спекулянте, который был озадачен солнцепоклонством своих предков. "Если солнце так всемогуще, — спросил Инка, — почему оно явно подчиняется законам?" "почему оно совершает свой ежедневный обход, вместо того чтобы бродить на свободе по небесным полям?" Принц пришел к выводу, что существует воля, превосходящая волю солнца, и воздвиг храм Неизвестной Силе. Теперь явления, которые поставили инков на путь монотеистической религии, путь, который, по словам Гарсиласо, уже стал традиционным, поразили воображение дикарей. Почему, спрашивают они, солнце совершает свой путь, как прирученный зверь? Ответ, подходящий для ума, который считает, что все вещи индивидуальны, дается в мифах. Кто-то поймал и приручил солнце с помощью физической силы или художественной магии.

(1) первобытная культура, i. 288.

В австралийском мифе говорится, что было время, когда солнце не заходило. "Все время был день, и чернокожие устали". Норрали поразмыслила и решила, что солнце должно время от времени исчезать. Он обратился к солнцу с заклинанием (сформулированным как финская калевала в метре "Гайаваты" Лонгфелло); и заклинание интерпретируется таким образом: "Солнце, солнце, сожги свою древесину, сожги свою внутреннюю субстанцию и спустишься вниз". Таким образом, солнце теперь сжигает свое топливо за день и спускается вниз за свежими дровами.(1)

(1) Броу Смит, "Аборигены Виктории", i. 430.

В Новой Зеландии укрощение солнца приписывают великому герою Мауи, Прометею маори. Он расставил силки, чтобы поймать солнце, но тщетно, потому что солнечные лучи пронзили их насквозь. Согласно другому рассказу, в то время как Норрали хотела ускорить заход солнца, Мауи хотел отсрочить его, поскольку солнце обычно двигалось по небу с бешеной скоростью. Поэтому Мауи поймал солнце в ловушку и бил его так безжалостно, что с тех пор он хромает и передвигается медленно, что увеличивает продолжительность дня. "Солнце, когда его ударили, вскрикнуло и открыло свое второе великое имя, Таура-мис-те-ра". (1) Следует помнить, что Индра в своем крайнем ужасе, когда он бежал после убийства Вриттры, также открыл свое мистическое имя. В Северной Америке рассказывают ту же историю о поимке и повреждении солнца, которую приписывают герою по имени Ча-ка-бетч. На Самоа у солнца был ребенок от самоанской женщины. Он поймал солнце в ловушку веревкой, сделанной из виноградной лозы, и вымогал подарки. Другой самоанец заарканил солнце и заставил его пообещать двигаться медленнее.(2) Эти самоанские и австралийские фантазии почти так же величественны, как рассказ в "Айтарейя брахмане". Боги, испугавшись, "что солнце упадет с небес, подняли его и связали пятью веревками". Эти веревки признаны стихами в ритуале, но, вероятно, ритуал появился позже, чем веревки. В Мексике мы находим, что само солнце (как и звезды в большинстве мифов) когда-то было человеком или дочеловеческим почитателем, Нанахуацином, который прыгнул в огонь, чтобы умиловить богов.(3) Переведенный на небеса как солнце, Нанахуацин горел так яростно, что угрожал превратить мир в пепел. Поэтому в него полетели стрелы, и это наказание произвело такой же благоприятный эффект, как избиения, которым подвергали Мауи и Ча-ка-бетч. У бушменов Южной Африки солнце когда-то было человеком, из подмышки которого вокруг его хижины исходило ограниченное количество света. Какие-то дети подбросили его в небо, и там он застрял, и там он сияет.(4) В гомеровском гимне Гелиосу, как замечает г-н Макс Мюллер, "поэт смотрит на Гелиоса как на полубога, почти героя, который когда-то жил на земле", что в точности соответствует точке зрения бушменов.(5) У ацтеков говорят, что солнце подверглось нападению охотника и было тяжело ранено его стрелами.(6) Галлиномер в Центральной Калифорнии, похоже, по крайней мере, знают, что солнце материально и безлично. Они говорят, что вначале, когда все было темно, животные постоянно толкали друг друга. После болезненной встречи ястреб и койот собрали два шарика из легковоспламеняющегося вещества; ястреб (Индра иногда был ястребом) взлетел с ними в небо и поджег их искрами из кремня. Там они излучали свет в виде солнца и луны. Это исключение из общего правила, согласно которому небесные тела рассматриваются как личности. Меланезийская сказка о пришествии ночи представляет собой любопытный контраст с историями мексиканцев, маори, австралийцев и американских индейцев, которые мы цитировали. В Меланезии, как и в Австралии, дни были долгими, поистине бесконечными, и

люди уставали; но вместо того, чтобы заклинанием отправить солнце за горизонт, когда в природе наступит ночь, меланезийский герой отправился в Ночь (задуманный как человек) и попросил его о помощи. Ночь (Кун) ласково приняла Ката (героя), затемнила его глаза, дала ему поспать и примерно через двенадцать часов выползла из-за горизонта и отправила солнце ползти на запад.(7) В том же духе Парацельс, как говорят, объяснял ночь не отсутствием солнца, а появлением определенных звезд, которые излучают темноту. Удивительно, что миф, подобный меланезийскому, возник в Бразилии. Там был бесконечный день, пока кто-то не женился на девушке, отец которой, "великий змей", был хозяином ночи. Отец послал ночь, закупоренную в тыквенной бутылке. Тыкву нельзя было откупоривать до тех пор, пока посланцы не доберутся до невесты, но они, из любопытства, открыли тыкву и преждевременно выпустили ночь.(8)

(1) Тейлор, Новая Зеландия, стр. 131.

(2) Тернер, Самоа, стр. 20.

(3) Саагун, французский перевод, vii. ii.

(4) Блек, Басни готтентотов, стр. 67; Фольклор бушменов, стр. 9, 11.

(5) Сравните калифорнийский солнечный миф: Бэнкрофт, iii. стр. 85, 86.

(6) Бэнкрофт, iii. 73, цитирует Бургоа, i. 128, 196.

(7) Кодрингтон, Журнал. Антроп. Инст., февраль 1881г.

(8) Индийские соревнования в Бразилие, стр. 1-9, автор Куто де Магальяеш. Рио-де-Жанейро, 1883. М. Анри Гайдоз любезно подарил автору эту работу.

Мифы, о которых сообщалось, в основном связаны с солнцем как с личностью, которая светит и через определенные промежутки времени исчезает. Его отношения с луной гораздо сложнее и являются предметом бесконечных историй, каждая из которых в романтической манере объясняет, почему луна прибывает и убывает, откуда берутся ее пятна, почему она затмевается, и все это исходит из предпосылки, что солнце и луна - это личности с человеческими частями тела и страстями. Иногда луна - это мужчина, иногда женщина, а пол солнца меняется в зависимости от фантазии рассказчиков. Разные племена одной и той же расы, как и среди австралийцев, имеют разные взгляды на пол луны и солнца. У аборигенов Виктории луна, как и солнце у бушменов, была черной, прежде чем взойти на небо. После необычайно изуверской карьеры он был убит каменным топором женами орла, и теперь он сияет в небесах.(1) Другой миф, объясняющий фазы Луны, был найден мистером Мейером в 1846 году среди туземцев Энкауинтер-Бэй. Согласно им, луна - это женщина, и к тому же плохая женщина. Она ведет беспутную жизнь среди мужчин, что делает ее чахоточной, и она чахнет до тех пор, пока они не выгонят ее из своего общества. Находясь в уединении, она питается питательными корнями, становится довольно пухлой, возобновляет свою карьеру гее и снова чахнет. То же племя, как ни странно, думает, что солнце тоже женщина. Каждую ночь она спускается к мертвецам, которые встают в две шеренги, чтобы поприветствовать ее и дать ей пройти. У нее есть возлюбленный среди мертвых, который подарил ей красную шкуру кенгуру, и в ней она появляется при своем воскрешении. Таков вид розовощекого Рассвета, которым наслаждаются чернокожие в Энкауинтер-Бэй. В Южной Америке, среди муисков Боготы, луна, Уитака, является злобной женой дитя солнца; она была женщиной до того, как муж изгнал ее в космические просторы.(2)

Мун - мужчина среди хасиев Гималаев, и он был виновен в непростительном проступке, заключающемся в восхищении своей тещей. Как правило, дикий зять не должен даже разговаривать с тещей. Женщина бросила пепел ему в лицо, чтобы унять его страсть, отсюда и лунные пятна. Убывающая луна навела на мысль о самом прекрасном и наиболее известном из диких мифов, в котором луна посылает зверя сказать смертным, что, хотя они умрут, как она, такими же, как она, они родятся снова. (3) Поскольку считалось, что пятна на Луне напоминают зайца, в Мексике их объясняли гипотезой о том, что бог ударил луну по лицу кроликом; (4) в Зулуленде и Тибете воображаемым переводом хорошего или плохого зайца на луну.

(1) Броу Смит, "Аборигены Виктории", i. 432.

(2) Тайлор, Первобытная культура, i. 353.

(3) Блик, Рейнард в Южной Африке, стр. 69-74.

(4) Саагун, viii. 2.

У эскимосов есть своеобразный миф, объясняющий появление пятен на Луне. Солнце и луна были человеческими братом и сестрой. Однажды в темноте луна попыталась воспользоваться силой солнца. Она посыпала его лицо пеплом, чтобы она могла обнаружить его, когда поднесут свет. Она узнала, кто был ее противником, убежала на небо и стала солнцем. Луна все еще преследует ее, и его лицо все еще почернело от следов пепла. (1) Жервеза (2) говорит, что в Макассаре считалось, что луна беременна от солнца, и что когда он преследовал ее и хотел избить, она была избавлена от земли. Теперь они примирились. О попеременном появлении солнца и луны прекрасно законченную и адекватную историю рассказывают калифорнийские индейцы пиуты. Невозможно было бы предложить более адекватного и научного объяснения, допуская гипотезу о том, что солнце и луна - это человеческие личности и личности дикарей. Миф печатается в том виде, в каком он был передан мистером Де Куиллем из уст Турупа Энаха (Отца-пустынника), вождя пиутов, и опубликован в газете Сан-Франциско.

(1) "История Гренландии" Кранца, i. 212.

(2) Royaume de Macassar, 1688.

"Солнце - отец и правитель небес. Он - великий вождь. Луна - его жена, а звезды - их дети. Солнце пожирает своих детей всякий раз, когда ему удастся их поймать. Они убегают от него и все время боятся, когда он проходит по небесам. Когда он (их отец) появляется утром, вы видите, как все звезды, его дети, исчезают из виду — уходят обратно в небесную синеву — и они не просыпаются, чтобы их снова увидели, пока он, их отец, не собирается ложиться спать.

"Глубоко под землей — глубоко—глубоко, под всей землей -есть огромная дыра. Ночью, когда оно прошло над миром, осмотрело все сверху вниз и завершило свою работу, оно, солнце, уходит в свою нору, и оно ползет и ползет по ней, пока не доберется до своей постели в средней части земли. И тогда он, солнце, спит там в своей постели всю ночь.

"Это отверстие такое маленькое, а оно, солнце, такое большое, что оно не может в нем повернуться; и поэтому оно должно, выпавшись, пройти дальше, и утром мы видим, как оно выходит на востоке. Когда он, солнце, выходит таким образом, он начинает охотиться по небу, чтобы поймать и съесть все, что сможет, из звезд, своих детей, ибо, если он не будет ловить и есть таким образом, он не сможет жить. Его, солнце, видно не всем. По форме оно похоже на

змею или ящерицу. Мы видим не его голову, а его живот, наполненный звездами, которые он раз за разом проглатывал.

"Луна - мать небес и жена солнца. Она, луна, ложится спать в ту же яму, что и ее муж. Но она всегда очень боится солнца, своего мужа, и когда он приходит через дыру в палатку глубоко в земле, чтобы поспать, она вылезает и уходит, если он сердится.

"Она, луна, очень любит своих детей, звезды, и счастлива путешествовать среди них в небесах; и они, ее дети, чувствуют себя в безопасности и поют и танцуют, когда она проходит мимо. Но мать, она ничего не может поделать с тем, что отец каждый месяц должен проглатывать кого-то из ее детей. Так распорядился Па-а (Великий Дух), который живет над местом всего сущего.

"Каждый месяц этот отец, солнце, проглатывает часть звезд, своих детей, и тогда эта мать, луна, испытывает печаль. Она должна скорбеть; поэтому она должна нанести черное на лицо, чтобы оплакивать мертвых. Вы видите, что женщины-пиуты наносят черное на лицо, когда уходит ребенок. Нотьма будет понемногу рассеиваться с лица этой матери, луны, с каждым днем, и через некоторое время мы снова увидим ее сияющий лик. Но скоро еще больше ее детей уйдет, и ей снова придется нанести на свое лицо смоляную краску".

Здесь объясняются все явления, и объяснение такое же продвинутое, как египетское учение о дыре под землей, куда заходит солнце, когда оно скрывается из виду. И все же Великий Дух стоит над всем: Религия встает поперек Мифа.

Мистер Тайлор цитирует (1) природный миф о солнце, луне и звездах, который удивительно соответствует домыслам пиутов. Минтира Малайского полуострова говорят, что и солнце, и луна - женщины. Звезды - дети луны; когда-то у солнца их было столько же. Каждая из них согласилась (как иерусалимские женщины во время голода) съесть своих собственных детей; но солнце поглотило всю ее семью, в то время как луна скрыла ее. Когда солнце увидела это, она чрезвычайно разозлилась и погналась за луной, чтобы убить ее. Иногда она откусывает кусочек от луны, и это затмение. Шлюхи Северо-Восточной Индии рассказывают ту же историю, но говорят, что солнце раскололо луну надвое за ее предательство, и что она продолжает разрезаться надвое и расти снова каждый месяц. С этими легендами о солнце и Луне иногда соседствует РЕЛИГИОЗНАЯ вера в Создателя их и всего сущего.

(1) Первобытная культура, i. 356.

Мифы, объясняющие затмения, согласуются с общей гипотезой о том, что все объекты в природе имеют индивидуальную природу, человеческую или звериную, реальную форму, страсти и привычки. Они так часто публиковались и комментировались (1), что длинное изложение было бы утомительным и излишним. Для ума дикарей и даже для китайцев и крестьян некоторых европейских стран потребность в объяснении удовлетворяется мифом о том, что злой зверь пожирает солнце или луну. Люди даже пытаются, стреляя из ружей, визжа и бряцая тарелками, отпугнуть зверя (волка, свинью, дракона или что-то еще) от его добычи. Что делает голодный монстр в небе, когда он не кусает солнце или луну, нам не сообщают. Вероятно, он пасется вместе с большой птицей, чьи крылья у американских дакот и африканских зулусов издают раскаты грома; или же он может ассоциироваться с драконами, змеями, коровами и другим воздушным скотом, приносящим дождь, и появляться в смерче. Гримм подтверждает китайские, гренландские, индуистские, финские, литовские и мавританские примеры мифа о зверях, пожирающих луну.(2) Монгольская легенда гласит, что

боги хотели наказать злонамеренного Арахо за его злодеяния, но Арахо спрятался так ловко, что их ограниченное всемогущество не смогло его найти. Солнце, когда его попросили стать шпионом, дало уклончивый ответ. Луна сказала правду. Арахо был наказан, и с тех пор он преследует солнце и луну. Когда он почти настигает кого-либо из них, наступает затмение, и люди пытаются отогнать его, производя отвратительный шум с помощью музыкальных и других инструментов.(3) Капитан Бикман в 1704 году был на Борнео, когда туземцы заявили, что дьявол "пожирал луну".

(1) Тайлор, Первобытная культура, том i.; Лефевюр, "Горе".

(2) Тевтонская мифология, английский перевод, ii. 706.

(3) "Лунные знания" преподобного Т. Харли, стр. 167.

Доктор Бринтон в своей книге "Мифы и мифотворцы" приводит примеры перуанцев, тупи, криков, ирокезов и алгонкинов. Было бы легко и, возможно, излишне продолжать умножать доказательства веры в то, что солнце и луна являются или были личностями. На островах Херви считается, что эти два светила были сделаны из тела ребенка, разрезанного надвое его родителями. Кровь вытекла из половины луны, отсюда ее бледность.(1) Эта история является исключением из общего правила, но напоминает нам о многих мифах, которые представляют вещи в мире созданными из искаленного человека, подобно ведическому Пуруше. Вряд ли необходимо, разве что в порядке записи, указывать на то, что греческие мифы о солнце и Луне, подобно мифам дикарей, исходят из представления о солнечном и лунном телах как личностях, обладающих частями тела и страстями, человеческой любовью и человеческими горестями. Как и в монгольском мифе об Арахо, солнце "все видит и все слышит", и, менее благородное, чем монгольское солнце, оно шпионит для Гефеста за любовью Ареса и Афродиты. У него есть любовницы и человеческие дети, такие как Цирцея и Эет.(2)

(1) Джилл, Мифы и песни, стр. 45.

(2) См. главу о греческих божественных мифах.

Солнце всевидяще и всепроникающе. В современной греческой песне мать посылает послание отсутствующей дочери с помощью солнца; это всего лишь бессознательное повторение просьбы умирающего Аякса о том, чтобы небесное светило поведало его судьбу старому отцу и его скорбящей супруге.(1)

(1) Софокл, "Аякс", 846.

Селена, луна, как и Гелиос, солнце, была личностью, причем влюбчивой. Возлюбленная Зевсом, она родила Пандию, и Пан завоевал ее расположением простым деревенским подарком - руном.(1) Австралийскую зарю с ее подарком в виде красной шкуры кенгуру завоевать было не легче, чем целомудренную Селену. Ее привязанность к Эндимиону хорошо известна, и ее холодный белый взгляд сияет сквозь щели его горной могилы, высеченной в скалистой стене, подобно гробницам Фригии.(2) Она сестра солнца у Гесиода, дочь (от его сестры) Гипериона в гомеровских гимнах Гелиосу.

(1) Вергилий, Георгики, iii. 391.

(2) Preller, Griech. Миф., i. 163.

В Греции аспекты солнца и луны принимают самые идеальные человеческие формы и проявляются в самых милостивых мифах. Но, в конце концов, они сохраняют в своем антропоморфизме следы самых ранних фантазий, фантазий эскимосов и австралийцев. По-видимому, принято считать, что антропологи отрицают существование солярных мифов. Это вульгарная ошибка. Существует огромная масса солярных мифов, но они не вызваны "болезнью языка", и — не все мифы солярные!

Нет смысла долго останавливаться на мифах того же характера, в которых звезды изображаются как преобразившиеся люди-искатели приключений. Часто было показано, что это мнение имеет практически всемирное распространение.⁽¹⁾ Мы находим это в Австралии, Персии, Греции, у бушменов, в Северной и Южной Америке, у эскимосов, в древнем Египте, в Новой Зеландии, в древней Индии — словом, везде, куда ни глянь. Говорят, что санскритские формы этих мифов возникли из-за путаницы в значении слов. Но достоверно ли, что во всех языках, какими бы разными они ни были, одни и те же бессознательные каламбуры должны были привести к одним и тем же ошибочным представлениям? Поскольку дикие, варварские и греческие звездные мифы (например, о Каллисто, которая сначала превратилась в медведицу, а затем в созвездие) знакомы большинству читателей, здесь предлагается несколько примеров санскритских звездных историй из "Сатапатха Брахмана".⁽²⁾ Согласно ритуалу брахманов, нельзя зажигать костры под звездами, называемыми Криттиками, Плеядами. Причина в том, что звезды были женами медведей (рикша), поскольку группа, известная во времена брахманизма как риши (мудрецы), первоначально называлась рикшами (медведями). Но жены медведей были исключены из общества своих мужей, потому что медведи появляются на севере, а их жены — на востоке. Поэтому верующему не следует разжигать свои костры под Плеядами, чтобы таким образом не оказаться разлученным со своей женой. Брахманы ⁽³⁾ также рассказывают нам, что Праджапати питал нечестивую страсть к своей дочери, которая была в образе лани. Боги заставили Рудру выпустить стрелу в Праджапати, чтобы наказать его; он был ранен и прыгнул в небо, где стал одним созвездием, а его дочь — другим, а стрела — третьей группой звезд. В целом, согласно брахманам, "звезды — это огни добродетельных людей, которые отправляются в небесный мир".⁽⁴⁾

(1) Обычай и миф, "Звездные мифы"; Первобытная культура, i. 288, 291; Дж. Г. Мюллер, Американская религия, стр. 52, 53.

(2) Священные книги Востока, i. 283-286.

(3) Айтарейя Брамана, iii. 33.

(4) Сатапатха Брахмана, vi. 5, 4, 8. Что касается греческих примеров, то Гесиод, Овидий и Катастеризмы, приписываемые Эратосфену, являются полезными авторитетами. Вероятно, многие рассказы Эратосфена являются поздними вымыслами, сознательно сформированными на основе традиционных данных.

Переходя от диких мифов, объясняющих природу небесных тел, к мифам, объясняющим формирование, цвет и повадки зверей, птиц и рыб, мы оказываемся, как сказал старый миссионер-иезуит, посреди варварской версии "Метаморфоз" Овидия. Было показано, что возможность обмена формой между человеком и животным является частью действующей веры в повседневное существование низших народов. Они рассматривают все вещи как находящиеся на одном уровне, или, используя старую политическую фразу, они "выравнивают"

все до уровня человеческого статуса. Так, м-р Им Турн, очень хороший наблюдатель, обнаружил, что индейцам Гвианы "все объекты, одушевленные или безымянные, кажутся совершенно одинаковой природы, за исключением того, что они различаются случайностью телесной формы". Чтобы ясно усвоить эту совершенно естественную концепцию первобытного человека, цивилизованный исследователь должен приложить огромные усилия, чтобы на время забыть все, чему научила его наука о различиях между объектами, наполняющими мир.(1) "Уху дикаря определенно кажется, что животные разговаривают". "Что касается индейцев Гвианы, я не верю, что они отличают такие существа, как солнце и луна, или такие другие природные явления, как ветры и бури, от людей и других животных, от растений и других неодушевленных предметов, или от каких-либо других объектов вообще". Бэнкрофт говорит о североамериканских мифах: "Звери, птицы и рыбы приносят и уносят, говорят и действуют так, что даже герои Эзопа остаются в тени".(2)

(1) Journ. Антроп. Инст., xi. 366-369. Очень большое и богатое собрание свидетельств о метаморфозе можно найти в книге Дж. Г. Мюллера "Американская религия", стр. 62 и далее; в то время как по поводу европейских суеверий можно обратиться к Бодену в "Демономании чародеев", Лион, 1598.

(2) Том iii. стр. 127.

Дикари склонны видеть в неодушевленных предметах животных, а в животных - замаскированных людей. М. Ревиль цитирует в своей книге "Религии народов нецивилизованных", i. 64, историю о нескольких неграх, которые, когда им впервые показали корнемузу, приняли инструмент за животное, а два отверстия - за глаза. Горец, который украл часы в Prestonpans и, заметив: "Она разбилась", продал их по дешевке, когда они закончились, был в таком же психологическом состоянии. Причудливый кусочек дикой науки изображен на черной каменной трубке с Тихоокеанского побережья.(1) Художник-дикарь вырезал трубу в виде пароварки, какой она была задумана им самим. "Не имея возможности объяснить движущую силу, он воображает, что весло обвязано вокруг языка свернувшейся змеи, прикрепленного к хвосту судна", и так он изображает это на черной каменной трубе. Более того, вера дикаря в то, что звери находятся на его собственном уровне, настолько буквальна, что он фактически заключает кровные соглашения с низшими животными, как он это делает с людьми, смешивая свою кровь с их кровью или размазывая то и другое вместе по камню; (2) в то время как хоронить мертвых животных со священными обрядами сегодня так же обычно среди бедуинов и малагасийцев, как в древнем Египте или Аттике. Точно так же айно в Японии, которые считают медведя своим родственником, приносят медведя в жертву раз в год. Но, чтобы умиловить животное и его связи, они назначают ему "мать", девушку-айно, которая заботится о его комфорте и ведет себя как можно более по-матерински. Медведь теперь родственник (греческий текст опущен) и не может отомстить за себя в пределах рода. По крайней мере, в этом, кажется, весь юмор. В книге Лагард "Reliquiae Juris Ecclesiastici Antiquissimae" описывается аналогичный сирийский договор о родстве с насекомыми. Около 700 года нашей эры, когда сирийский сад был заражен гусеницами, девушки были собраны, и одна гусеница была поймана. Затем одна из дев была "сделана его матерью", и существо было похоронено с подобающими причитаниями. Затем "мать" была доставлена на то место, где находились вредители, ее товарищи оплакивали ее, и гусеницы погибли, как их избранный сородич, но без стремления отомстить.(3) Месть была вне их досягаемости. Они оказались среди родственников своих врагов, и не было Эринни, "мстителей родственной крови", которые могли бы им помочь.

Люди в таком состоянии веры, естественно, рассказывают сотни историй, в которых люди, камни, деревья, звери меняют форму и в которых изменения форм животных вызваны случайностью, или человеческим вмешательством, или магией, или метаморфозой. Такие сказки сохранились в нашем современном фольклоре. Чтобы прояснить наш смысл, мы можем привести европейский детский миф о происхождении длинных ушей осла и, среди других иллюстраций, австралийский миф о происхождении черно-белого оперения пеликана. Мистер Ралстон опубликовал русскую версию мифа об ослиных ушах. Испанская форма, идентичная русской, приведена Фернаном Кабальеро в "Ла Гавиоте".

(1) Журнал "Искусство", январь 1883г.

(2) "Малагасийские народные сказки", Фольклорный журнал, октябрь 1883г.

(3) Мы в долгу перед профессором Робертсоном Смитом за этот пример и перед журналом мисс Берд, стр. 90, 97, за параллель с Айно.

"Послушай! ты знаешь, почему у тебя такие большие уши?" (история рассказана глупому маленькому мальчику с большими ушами). "Когда Отец Адам оказался в Раю вместе с животными, он дал каждому свое имя; представителей ТВОЕГО вида, дитя мое, он назвал "ослами". Однажды, вскоре после этого, он созвал зверей и попросил каждого назвать ему свое имя. Все они ответили правильно, за исключением животных ТВОЕГО вида, но они забыли свое имя! Тогда отец Адам очень рассердился и, схватив этого забывчивого осла за уши, вырвал их, крича: "Тебя называют ОСЛОМ!" И с тех пор уши у осла стали длинными". Для ребенка это вполне правдоподобное объяснение. Так, возможно, сохранился еще один пережиток этой формы науки — шотландское объяснение черных отметин на пикше; на них произвели впечатление большой и указательный пальцы святого Петра, когда он вынимал изо рта рыбы монету для уплаты налога Кесаря.

Обращаясь от фольклора к верованиям дикарей, мы узнаем, что от одного конца Африки до другого медоносная птица шнETER, как говорят, была старой женщиной, чей сын потерялся и которая преследовала его, пока не превратилась в птицу, которая до сих пор выкрикивает его имя: "ШнETER, ШнETER".(1) Точно так же повадки большинства птиц, известных грекам, объяснялись мифом о том, что они были мужчинами и женщинами. Зевс, например, превратил Кейкса и Халкиона в морских птиц, потому что они были слишком горды своим супружеским счастьем.(2) К этим мифам о происхождении различных животных мы вернемся, но мы не должны забывать о черно-белом австралийском пеликане. Почему пеликан разноцветный?(3) По этой причине: после Потопа (происхождение которого мурри по-разному объясняют) пеликан (который был чернокожим парнем) сделал каноэ и ходил, как своего рода Ной, пытаясь спасти утопающих. В ходе своей благотворительной миссии он влюбился в женщину, но она и ее друзья сыграли с ним злую шутку и сбежали от него. Пеликан сразу же приготовился вступить на тропу войны. Первое, что нужно было сделать, - вымазаться белой краской, как это принято у чернокожих перед битвой. Они думают, что белая глина для трубок наводит ужас и внушает уважение врагу. Но когда пеликан был покрыт глиной только наполовину, мимо пролетел другой пеликан и, "не зная, что это за странная черно-белая штука, ударил первого пеликана клювом и убил его. Раньше все пеликаны были черными; теперь они черно-белые. Вот в чем причина".(4)

(1) Барт, iii. 358.

(2) Аполлодор, i. 7 (13, 12).

(3) Саагун, viii. 2, описывает цвета орла и тигра. Ряд рас объясняют повадки и отметины животных результатом проклятия или благословения бога или героя. Готтентоты, перуанские уарочири, новозеландцы (Шортленд, Традиции, стр. 57) относятся к числу народов, использующих этот миф.

(4) Броу Симт, "Аборигены Австралии", i. 477, 478.

- В этом-то и причина. Этим удовлетворяется туземная философия, которая не исследует в кропотливой манере мистера Дарвина медленную эволюцию цвета оперения пеликана. Мифологические истории о животных довольно сложно трактовать, потому что они так сильно переплетены с темой тотемизма. Здесь мы рассматриваем только мифы, которые с помощью легенды объясняют определенные особенности в повадках, криках, окраске и формах животных. Оджибвеи сказали Колю, что у них есть история для каждого существа, объясняющая его повадки и внешний вид. Среди греков, как и среди австралийцев и бушменов, мы находим, что почти у каждой примечательной птицы или зверя были свои традиции. У соловья и ласточки есть история самого дикого описания, история, переданная Аполлодором, хотя Гомер (1) ссылается на другую и, как обычно, на более мягкую и утонченную форму мифа. Вот версия Аполлодора. "Пандион" (ранний царь Афин) "женится на Зевксии, сестре своей матери, от которой у него родились две дочери, Прокна и Филомела, и два сына, Эрехтей и Бутес. Разразилась война с Лабдасом из-за какой-то спорной земли, и Эрехтей предложил заключить союз с Тереем Фракийским, сыном Ареса. Доведя войну с помощью Тереев до счастливого конца, он отдал ему в жены свою дочь Прокну. От Прокны у Тереев родился сын Итис, и после этого он влюбился в Филомелу, которую соблазнил, притворившись, что Прокн мертв, тогда как на самом деле он прятал ее где-то в своих землях. После этого он женился на Филомеле и отрезал ей язык. Но она вплела в одежду символы, которые рассказали всю историю, и с их помощью познакомила Прокну со своими страданиями. После этого Прокна нашла свою сестру и убила Итиса, своего собственного сына, чье тело она приготовила и подала Тереев на пиру. После этого Прокна и ее сестра сбежали вместе, а Терей схватил топор и последовал за ними. Их настигли в Долии в Фокиде, и они молились богам, чтобы они превратились в птиц. Так Прокн стал соловьем, а Филомела - ласточкой, в то время как Терей превратился в удода". (2) У Павсания есть другая легенда; Прокн и Филомела умерли от чрезмерного горя.

(1) Одиссея, xix. 523.

(2) Дж. Г. Мюллер, Америка, ссылается на миф о краснокожем индийском соловье. Уррел., стр. 175. Кого-то солнце превратило в соловья, и он до сих пор оплакивает потерянного возлюбленного.

Эти древние мужчины и женщины, превратившиеся в птиц, почитались афинянами КАК ПРЕДКИ. (1) Таким образом, непрекращающийся музыкальный вопль соловья и пронзительный крик ласточки были объяснены греческой историей. Птицы оплакивали свое старое человеческое горе, поскольку африканская медоносная птица до сих пор повторяет имя своего потерянного сына.

(1) Павсаний, и. в. Павсаний считает, что таких вещей больше не происходит.

Почему красная малиновка живет рядом с жилищами людей, смелая и дружелюбная птица? Индейцы Чиппуэй говорят, что когда-то он был молодым храбрецом, чей отец поставил перед

ним задачу, слишком жестокую для его сил, и заставил его слишком долго голодать, когда он достиг состояния человека. Он превратился в малиновку и сказал своему отцу: "Я всегда буду другом людей и буду держаться поближе к их жилищам. Я не смог удовлетворить твою гордость воина, но я подбодрю тебя своими песнями". (1) Обратная сторона этой легенды - греческий миф о ястребе. Почему птицы так ненавидят ястреба? Иеракс был доброжелательным человеком, который помогал расе, ненавидимой Посейдоном. Поэтому бог превратил его в ястреба и сделал таким же ненавистным для птиц и таким же смертельно опасным для них, каким он был любим и нежен с людьми. (2) Жители островов Херви объясняют особенности некоторых рыб участием, которое они приняли в приключениях Ины, которая наступила, например, на подошву и таким образом навсегда расплющила его. (3) В Греции дельфины, согласно гомеровскому гимну Дионису, были превращенными пиратами, оскорбившими бога. Но поскольку дельфин нашел спрятанную морскую богиню, которую любил Посейдон, благодарный морской бог поднял дельфина к звездам. (4) Гриф и цапля, согласно Бозе (говорят, что она была дельфийской жрицей и автором греческого трактата о традициях о птицах), когда-то были человеком по имени Айгупиос (стервятник) и его матерью Булис. Они согрешили непреднамеренно, как Эдип и Иокаста; поэтому Булида, осознав свою вину, была готова выколоть глаза своему сыну и покончить с собой. Затем они превратились: Булис - в цаплю, "которая вырывает и поедает глаза змей, птиц и рыб, а Эгупиос - в стервятника, носящего его имя". Эта история, о которой умалчиваются наиболее отталкивающие подробности, гораздо менее приятна и более жестока, чем миф жителей острова Херви о происхождении свиней. Маару был слепым стариком, который жил со своим сыном Катионгией. Наступил голодный год, и Катионгия с большим трудом добывал еду для себя и своего отца. Он угощал слепого старика пудингом из банановых кореньев и рыбы, в то время как сам питался морскими слизнями и моллюсками, как жители Огненной Земли. Но слепой старый Маару подозревал, что его сын отдал ему худшую долю, а лучшее оставил себе. Наконец он обнаружил, что Катионгию действительно морили голодом; он ощупал свое тело и обнаружил, что это всего лишь живой скелет. Они заплакали вместе, и отец устроил угощение из кокосовых орехов и хлебных плодов, которые он приберег на крайний случай. Когда все было закончено, он сказал, что съел свою последнюю трапезу и находится при смерти. Он приказал своему сыну прикрыть его листьями и травой и вернуться на то место через четыре дня. Если вокруг ползали черви, он должен был забросать их листьями и травой и вернуться через четыре дня. Катионгия сделал, как ему было велено, и во время своего второго визита к могиле обнаружил, что вся масса листьев в беспорядке. Выводок свиней, черных, белых и пятнистых, вырос из земли; голод остался в прошлом, и Катионгия стал великим вождем на острове. (5)

(1) Скулкрафт, ii. 229, 230.

(1) Бео, цитируемый Антонином Либералисом.

(3) Джилл, Мифы Южных морей, стр. 88-95.

(4) Артемидор в своих Любовных элегиях, цитируемых Псевдонатосфеном.

(5) Джилл, Мифы и песни Южной части Тихого океана, стр. 135-138.

"Сова была дочерью пекаря" - фрагмент христианской мифологии, сохраненный Офелией. Дочь пекаря грубо обошлась с нашим Господом и превратилась в птицу, которая не смотрит на солнце. У греков была похожая легенда о женском нечестии, с помощью которой они

мифически объясняли происхождение совы, летучей мыши и филина. У Миниаса Орхоменского было три дочери, Левкиппа, Арсиппа и Алкафоя, самые трудолюбивые женщины, которые отказались приобщиться к диким мистериям Диониса. Бог принял облик девушки и попытался привлечь их к своему поклонению. Они отказались, и он принял облик быка, льва и леопарда так же легко, как вожди абипонов превращаются в тигров или как вожди африканских баротсе и балонда превращаются во львов и аллигаторов.(1) Дочери Миньяса в тревоге бросили жребий, чтобы определить, кто из них должен принести жертву богу. Левкиппа вытянула жребий и принесла в жертву своего собственного сына. Затем они поспешили присоединиться к священным обрядам Диониса, когда Гермес превратил их в летучую мышь, сову и филина, и эти трое прячутся от солнечного света.(2)

(1) Ливингстон, Миссионерские путешествия, стр. 615, 642.

(2) Никандр, цитируемый Антонином Либералисом.

Несколько примеров мифов бушменов и австралийцев, объясняющих окрас и повадки животных, вероятно, будет достаточно, чтобы установить сходство между дикарскими и эллинскими легендами об этом персонаже. Миф бушменов о происхождении канна (крупной антилопы) не опубликован доктором Бликом полностью, но он отмечает, что в нем "рассказывается о причинах окраса гемсбока, хартебеста, канна, квагги и спрингбока".(1) Склонные к размышлениям бушмены, похоже, были озадачены дикостью канн. Было бы гораздо удобнее, если бы канны были ручными и их можно было легко поймать. Они объясняют его дикость тем, что канн был "испорчен" еще до того, как Канн, создатель, или, скорее, создатель большинства вещей, полностью закончил его. Родственники Канна приехали и слишком рано поохотились на первую канну, после чего все остальные канны одичали. Тогда Канн сказал: "Иди, поохотись на них и постарайся убить одного; теперь это твоя работа, потому что это ты их испортил".(2) У бушменов есть еще один миф, объясняющий белые пятна на груди ворон в их стране. Некоторые мужчины надолго задерживались на охоте, и их жены посылали ворон на поиски своих мужей. На шею каждой вороне вешали кусочек сала, чтобы она могла послужить пищей в пути. Отсюда у ворон белые пятна на груди и шее.

(1) Краткий обзор фольклора бушменов, стр. 7.

(2) Ежемесячный журнал "Кейп", июль 1874г.

В Австралии происхождение почти всех животных, по-видимому, объясняется мифами, изрядная коллекция которых опубликована в книге мистера Броу Симта "Аборигены Виктории".(1) Еще лучшие примеры встречаются в "Австралийских легендах" миссис Лэнглох Паркер. Почему журавль такой худой? Когда-то он был человеком по имени Кар-уин, вторым человеком, вылепленным из глины Панджелом, исключительным творческим существом, чья пестрая карьера прослеживается в другом месте нашей главы, посвященной "Мифам дикарей о происхождении мира и человека". Карвин и Панджел поссорились из-за жен первого, которыми Панджел был склонен восхищаться. Хитрый Кар-уин устроил танец (джугарджиул, короббори), во время которого создатель Панджел весело резвился (подобно Великому Панджандруму), когда Кар-уин пронзил его копьем. Панджел бросил еще один, который попал Карвину в коленный сустав, так что он не мог ходить, но вскоре зачах и превратился в простой скелет. "После этого Панджел сделал Карвину журавля", и вот почему у журавля такие тонкие ноги. Кортуме, мункари и вайнгильхе, ныне птицы, когда-то были людьми. Двое последних вели себя

недоброжелательно по отношению к своему другу Кортуме, который выгнал их из своей хижины под проливным дождем, распевая при этом заклинание. Затем все трое превратились в птиц, и когда Кортуме поет, это знак того, что можно ожидать дождя.

(1) Том i, стр. 426 и последующие.

Давайте теперь сравним с этими австралийскими мифами о происхождении определенных видов птиц греческую историю о происхождении лягушек, рассказанную Менекратом и Никандром.(1) Лягушки были пастухами, превращенными Лето, матерью Аполлона. Но, чтобы показать, насколько близки фантазии греков и австралийских чернокожих парней, мы расскажем легенду без имен собственных, что придавало ей вымышленное достоинство.

(1) Антонин Либералис, xxxv.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЛЯГУШЕК.

"Женщина родила двоих детей и стала искать источник, чтобы искупать их. Она нашла колодец, но пастухи отогнали ее от него, чтобы их скот мог напиться. Затем несколько волков встретили ее и отвели к реке, из которой она напилась, и в ее водах она купала своих детей. Затем она вернулась к колодцу, где сейчас купались пастухи, и превратила их всех в лягушек. Она ударила их по спинам и плечам грубым камнем и загнала в воду, и с тех пор лягушки живут в болотах и по берегам рек".

Подобными примерами родственных фантазий греков и дикарей можно было бы заполнить целую книгу. Вероятно, было сказано достаточно, чтобы проиллюстрировать нашу точку зрения, которая заключается в том, что греческие мифы такого характера были унаследованы от периода дикости, когда идеи метаморфозы иродства людей и зверей были реальными практическими верованиями. События, считавшиеся обычными в реальной жизни, были введены в мифы, и эти мифы были наукой дикарей и предназначались для объяснения происхождения видов. Но когда однажды этот поток воображения разожжен, он продолжает гореть как в литературе, так и в легендах крестьянства. Каждый, кто пишет рождественскую сказку для детей, теперь использует механизм метаморфозы, и в европейском фольклоре, как заметил Фонтенель, сохранились истории, которые в точности похожи на второстепенные мифы дикарей.

Рассуждая таким образом, бенгальские мунды, таким образом, объясняют особенности некоторых животных. Синг Бонга, главный бог, изгнал определенных людей с небес; они упали на землю, нашли железную руду и начали ее выплавлять. Черный дым вызвал недовольство Синг Бонга, который послал двух королевских ворон и сову, чтобы попросить людей прекратить загрязнять атмосферу. Но чугуноплавильные заводы испортили хвосты этих птиц, а ранее белую ворону почернели, опалили ее клюв докрасна и сплющили голову. Синг Бонга сжег мужчину и превратил женщину в холмы и смерчи.(1)

(1) Далтон, стр. 186, 187.

Примеры этого класса мифов в индоарийской литературе найти нетрудно. Почему рассвет красный? Почему ослы медлительны? Почему у мулов нет детенышей? У мулов нет жеребят, потому что они сильно обгорели, когда Агни (огонь) гнал их в гонках на колесницах. Доун красная не потому, что (как в Австралии) она носит красную накидку кенгуру, а потому, что в

этой гонке она соревновалась с красными коровами. Ослы медлительны, потому что они так и не оправились от своих усилий в том же забеге, когда ашвины призвали их ослов и вышли победителями.(1) А коровам приделывают рога по причине, не менее вероятной и удовлетворительной.(2)

(1) Айтарейя Брахман, ii. 272, iv. 9.

(2) iv. 17.

Хотя в легендах менее развитых народов мужчины и женщины чаще превращаются в птиц и зверей, чем в камни и растения, все же такие изменения формы отнюдь не неизвестны. К северо-востоку от Вестерн-Пойнта лежит гряда холмов, населенных, по словам туземцев Виктории, существом, тело которого сделано из камня, а оружие не наносит ран столь крепкому телосложению. Чернокожие отказываются посещать пастбище, где обитает мифический каменный зверь. "Несколько чернокожих парней однажды разбили лагерь на озерах близ Бреющего Пойнта. Они готовили рыбу, когда подошла местная собака. Они не дали ему ничего поесть. Он рассердился и сказал: "У вас, черных, много рыбы, но мне вы ничего не даете". И он превратил их всех в большой камень. Это совершенно верно, потому что большая скала находится там и по сей день, и я видел это своими глазами". (1) Другой туземец, Тулабар, говорит, что женщины из рыбацкой группы кричали "яка торн", "очень хорошо". Собака ответила "яка торн", и все они превратились в камни. Этот самый человек, Тулабар, однажды услышал, как собака начала говорить, после чего он и его отец убежали. Если бы они подождали, то превратились бы в камни. "Мы должны были стать такими же, валлунг", то есть камнями.

(1) Рассказчик-туземец, ап. Броу Смит, i. 479.

У североамериканских индейцев любой камень, имеющий сходство с фигурой человека или животного, объясняется как пример метаморфозы. Три камня среди Арикаров были девушка, ее возлюбленный и ее собака, которые сбежали из дома, потому что путь истинной любви не был гладким, и которые окаменели. Некоторые камни возле мыса Чинук были морскими великанами, проглотившими человека. Его брат с помощью огня осушил залив и освободил человека, все еще живого, из тела великана. Затем великаны превратились в скалы.(1) Восходящее солнце в Пополь-Вухе (если верить свидетельству Пополь-Вух, священной книги кичуа) превратило в камень богов льва, змею и тигра. Стоячая скала в верховьях Миссури обожаема индейцами и украшена цветными лентами и шкурами животных. Этим камнем была женщина, которая, как и Ниоба, буквально окаменела от горя, когда ее муж взял вторую жену. Другая каменная женщина в пещере на берегу Кикапу имела обыкновение убивать людей, которые приближались к ней, и даже сейчас к ней относятся с большим уважением. Онейды и дакоты утверждают, что произошли от камней, которым они приписывают одушевление.(2) Монтесинос говорит о священном камне, который был снят с горы одним из инков. Из него вылетел попугай и поселился в другом камне, которому туземцы до сих пор поклоняются.(3) Бретонский миф об одном из больших каменных кругов (каменьями были крестьяне, которые танцевали по воскресеньям) - хорошо известный пример такого рода мифов, сохранившихся в фольклоре. Недалеко от Литл-Мунитон-Крик есть что-то вроде каменного Актеона (4), "напоминающего бюст мужчины, голова которого украшена оленьими рогами".(5) Множество мифов о превращении в камень можно найти среди легенд ирокезов в Отчете Бюро этнологии за 1880-81 гг. С другой стороны, если люди могут превращаться в камни, то на Самоа (как в

греческом мифе о Девкалионе) камни могут превращаться в людей. (6) Боги тоже, особенно когда эти боги оказываются каракатицами, могут окаменеть. На Самоа за ними гнался герой Уполу, который поймал их в огромную сеть и убил. "Они превратились в камни и теперь стоят в скалистой части лагуны на северной стороне Уполу". (7) Мауке, первый человек, вышел из камня. Короче говоря, (8) люди, камни, звери, боги и гром имеют взаимозаменяемые формы. В Мангаии (9) бог Ра был подброшен в небо Мауи и превратился в пемзу. Множество образцов этого окаменелого божества найдено в Мангайе. В Меланезии ситуация настолько неоднозначна, что нелегко решить, является ли камень для поклонения жилищем души умершего человека, или же он сам по себе обладает духовной ценностью, или же "камень является внешней частью или органом духа". Вуи, или дух, имеет почти такие же отношения со змеями, совами и акулами. (10) Касавара, мифический противник Ката, меланезийский Прометей, "упал мертвым с небес" (подобно Ра в Мангии) и был превращен в камень, на котором совершаются жертвоприношения теми, кто желает силы в бою.

(1) См. Авторитетные источники. Дорман, "Примитивные суеверия", стр. 130-138.

(2) Дорман, стр. 133.

(3) Многие примеры собраны Дж. Г. Мюллером, *Amerikanischen Urreligionen*, стр. 97, 110, 125, особенно когда камни имеют сходство с человеческой формой, стр. 17а. "Im der That werden auch einige in Steine, oder in Thiere and Pflanzen verwandelt." Cf. p. 220. Примеры (из Бальбоа) людей, превращенных волшебниками в камень, стр. 309.

(4) Преллер считает, что Актеон, растерзанный своими гончими после превращения в оленя, является символом весеннего года. Palaephatus (De Fab. Narrat.) утверждает, что эта история является моральной басней.

(5) Дорман, стр. 137.

(6) Самоа Тернера, стр. 299.

(7) Самоа, стр. 31.

(8) Указ. соч., стр. 34.

(9) Джилл, Мифы и песни, стр. 60.

(10) Кодрингтон, Журнал. Антроп. Инст., февраль 1881г.

Не задерживаясь дольше на диких мифах о превращении в камни, можно вкратце показать, что греки сохранили это со всеми другими причудами ранней фантазии. Все помнят, как Персей использовал голову Горгоны и камни на побережье Серифа, которые, как и камни близ Вестерн-Пойнта в Виктории, когда-то были людьми, врагами героя. "Также он убил Горгону, - поет Пиндар, - и обнажил ее голову, украшенную змеиными локонами, чтобы островитяне приняли каменную смерть". Обратите внимание на поясняющее замечание Пиндара: "Я думаю, что нет невозможного чуда, если боги сотворили его". В том же благочестивом духе турок с острова Левант однажды рассказал мистеру Ньютону историю о том, как человек охотился на оленя, и олень заговорил с ним. - Олень заговорил? - переспросил мистер Ньютон. - Да, по воле Аллаха, - ответил турок. Подобно Пиндару, он повторял случай, вполне естественный для умов австралийцев, или бушменов, или самоанцев, или краснокожих, но, подобно религиозному

Пиндару, он чувствовал, что это событие было довольно удивительным, и объяснял его проявлением всемогущей силы.(1) Греческий пример Ниобы и ее детей лучше всего процитировать в переводе мистера Бриджеса из "Илиады":

И где-то сейчас, среди одиноких горных скал
На Сипиле, где ночуют нимфы
Кто танцует весь день у ручья Ахелоя,
Некогда гордая мать лежит, сама грач,
И в холодной груди вынашивает ложь богини.
—Прометей, несущий огонь.(2)

В "Илиаде" добавляется, что Кронион превратил людей в камни. Отношение позднего греческого сознания к этим мифам можно проследить во фрагменте из "Филемона, поэта-комика". - Никогда, клянусь богами, я не верил и не поверю, что Ниоба каменная когда-то была женщиной. Более того, из-за своих бедствий она лишилась дара речи, и за это ее молчание прозвали камнем".(3)

(1) Пиндар, Пит. х., перевод Майерса.

(2) xxiv. 611.

(3) Схолиаст об Илиаде, xxiv. 6, 7.

В "Илиаде" есть еще одно знаменитое окаменение. Когда чудо в виде змеи и воробьев явилось собравшимся ахейцам в Авлиде, Зевс явил великое чудо и превратил в камень змею, которая проглотила детенышей воробья. Превращения в камень, хотя и менее распространенные, чем превращения в рыб, птиц и зверей, были, таким образом, очевидно, не слишком странными для легковерия греческой мифологии, которая также могла верить, что камень стал матерью Агдесиды от Зевса.

Что касается обмена формами между мужчинами, женщинами и РАСТЕНИЯМИ, то наша информация, насколько это касается низших рас, менее обильна. Уже было показано, что тотемами многих видов во всех частях света являются растения, и эта вера в связь с растением сама по себе демонстрирует, что запутанная вера в то, что все вещи находятся на одном уровне, таким образом, ввела овощи во власть мифа. Что касается обладания душами, мистер Тайлор доказал, что растения так же хорошо приспособлены, как люди, животные или минералы.(1) В Индии доктрина переселения душ широко и ясно признает идею о деревьях или более мелких растениях, оживляемых человеческими душами. В хорошо известной древнеегипетской истории "Два брата" (2) жизнь младшего практически сливается с жизнью дерева акации, где он спрятал свое сердце; а когда он становится быком и приносится в жертву, его духовная часть переходит в пару деревьев Персея. Боливийские ярукарийцы рассказывают, что однажды девушка оплакивала в лесу свое оставшееся без любимого поместье. Случайно она заметила красивое дерево, которое, как могла, украсила украшениями. Дерево приняло форму красивого молодого человека —

Она не сочла его таким уж небрежным,
Но, легко уступив,
Он отплатил ей поцелуем за поцелуй,
заплатив за это ростовщицеством.(3)

Дж. Г. Мюллер, который цитирует эту историю Андре, говорит, что она имеет "много аналогий с рассказами о превращении людей в деревья у древних, о чем сообщает Овидий". Поклонение растениям и деревьям является хорошо известной чертой религии и, вероятно, подразумевает (по крайней мере, во многих случаях) признание личности. На Самоа превращение в овощи не редкость. Например, король Фиджи был каннибалом, и (что очень естественно) "народ таял под ним". Братья Тоа и Пэйл, желая избежать королевской печи, приняли различные изменения формы. Они знали, что для изготовления каноэ для короля искали прямую древесину, поэтому Бледный, приняв растительную форму, превратился в кривую палку, поросшую лианами, но Тоа "предпочитал стоять прямо, как красивое прямое дерево". Поэтому бедный Тоа был зарублен королевскими корабельщиками, хотя, благодаря магическим уловкам его брата, они так и не сделали из него каноэ.(4) На Самоа деревья настолько похожи на людей, что они не только воюют друг с другом, но и садятся в каноэ на поиски далеких врагов.(5) Индейцы Оттавы объясняют происхождение кукурузы мифом, в котором волшебник сражался с маленьким человечком, у которого была маленькая корона из перьев, и победил его. Из его пепла восстал маис с его короной листьев и тяжелыми колосьями.(6)

(1) Первобытная культура, глава 145; примеры общества островитян, даяков, каренов, буддистов.

(2) Maspero, Contes Egyptiens, p. 25.

(3) Дж. Г. Мюллер, Америка. Уррел., стр. 264.

(4) Самоа Тернера, стр. 219.

(5) Там же.. стр. 213.

(6) Америка. Уррел., стр. 60.

В Мангаии миф о происхождении дерева какао представляет собой серию сцен превращения, в которых персонажи меняют форму с проворством знахарей. Ина часто купалась в бассейне, где угорь подружился с ней. Наконец рыба набралась смелости и сделала свое заявление. Это был тунец, главный из всех угрей. "Будь моей", - крикнул он, и Инна принадлежала ему. По какой-то мистической причине он был вынужден оставить ее, но (как Белый Кот в сказке) попросил ее отрезать голову его угря и похоронить ее. С сожалением, но твердо Ина выполнила его просьбу, и из закопанной головы угря выросли два дерева какао, по одному из каждой половины мозга тунца. В доказательство этого следует отметить, что когда орех очищают от шелухи, мы всегда находим на нем "два глаза и рот возлюбленного Ины".(1) Говорят, что во всем мире, от древнего Египта до вигвамов алгонкинов, растения и другие предметы произошли от расчлененного бога или героя, в то время как люди произошли от растений.(2) Поэтому мы, возможно, можем считать доказанным тот факт, что общая привычка дикарей "выравниваться" преобладает даже в их представлении о растительном мире и оставила следы (как мы видели) в их мифах.

(1) Джилл, Мифы и песни, стр. 79.

(2) Мифы о начале Вещей.

Обращаясь теперь к мифологии Греции, мы видим, что действует то же правило. Превращения в растения и цветы чрезвычайно распространены; в памяти сразу всплывают примеры Дафны, Мирры, Гиацинта, Нарцисса и сестер Фаэтона.

Таким образом, мы объясняем большинство тех мифов, в которых все в Природе становится личным и человеческим, в то время как все люди могут стать чем угодно в Природе, как пережитки или имитации сказок, придуманных, когда люди находились в диком интеллектуальном состоянии. На этой стадии, как мы продемонстрировали, не проводится границы между вещами одушевленными и неодушевленными, немymi или "членораздельно говорящими", органическими или неорганическими, личностными или безличностными. Такая ментальная стадия, опять же, отражена в мифах о природе, многие из которых являются просто "этиологическими", то есть приписывают явлениям причину и удовлетворяют ленивое и доверчивое любопытство.

Нас могут снова спросить: "Но как возникло это интеллектуальное состояние?" Отвечать на этот вопрос - не наше дело; для нас достаточно проследить миф или определенный элемент в мифе до доказуемой и реальной стадии мышления. Но эта стадия, которая постоянно сохраняется в умах детей, таким образом объяснена или описана Юмом в его Эссе о естественной религии: "В человечестве существует универсальная тенденция воспринимать все существа подобными себе и переносить на каждый объект те качества ..., которые они глубоко осознают".(1) Теперь они считают, что осознают магические и сверхъестественные силы, которыми они, конечно, не обладают. Эти способности производить метаморфозы, "менять форму", летать, становиться невидимыми по желанию, разговаривать с мертвыми, чудесным образом исцелять больных дикари передают своим богам (как будет показано в следующей главе), и мифические боги выживают и сохраняют чудесные дары после того, как их почитатели (став более разумными) совершенно забыли, что они сами когда-то претендовали на подобные дары. Итак, до сих пор было показано, что фантазия дикарей, где бы она ни изучалась, необузданна; что любопытство дикарей обострено; что доверчивость дикарей практически безгранична. Эти соображения объясняют существование диких мифов о солнце, звездах, зверях, растениях и камнях; подобные мифы наполняют греческие легенды и санскритские брахманы. Мы приходим к выводу, что мифы на греческом и санскрите являются пережитками (заимствованными или унаследованными) ментального СТАТУСА дикарей.

(1) См. Приложение В.

ГЛАВА VI. НЕАРИЙСКИЕ МИФЫ О ПРОИСХОЖДЕНИИ МИРА И ЧЕЛОВЕКА.

Смешение мифов —Различное происхождение человека и вещей —Мифы Австралии, Андаманских островов, бушменов, овахереро, намакуа, зулусов, гуроно, ирокезов, диггеров, навахо, виннебагов, халдеев, тлинкитов, жителей Тихоокеанских островов, маори, ацтеков, перуанцев —Сходство идей, пронизывающих все эти народы в различных условиях жизни общества и культуры.

Трудности классификации, с которыми сталкивается изучение мифологии, уже были описаны. Нигде они не вызывают большего недоумения, чем когда мы пытаемся классифицировать то, что можно назвать космогоническими мифами. Само слово "космогонический" подразумевает предсуществование идеи космоса, упорядоченной вселенной, и это была как раз последняя идея, которая могла прийти в голову создателям мифов. В их мифических представлениях нет такого понятия, как упорядоченность, и нет такого понятия, как вселенная. Естественный вопрос: "Кто сотворил мир или как возникли вещи в мире?" - это вопрос, на который отвечают космогонические мифы. Но ответ дается по частям. Ребенку-христианину дается ответ: "Бог сотворил все сущее". Мы знаем, что этот ответ обсуждался несколькими шестилетними девочками (дочерьми шотландского священника и, естественно, метафизиками), одна из которых разрешила все трудности с помощью импровизированного мифа: "Бог сначала создал небольшое место, на котором можно стоять, а потом создал все остальное". Но дикари и мифотворцы, чьи истории сохранились в цивилизованных религиях, не могли твердо придерживаться подобного рассказа. В первом издании этой книги встречается следующий отрывок: "У них (дикарей) нет и не было представления о Боге в том виде, в каком мы понимаем то, что подразумеваем под этим словом. У них есть, и было самое большее, лишь небольшое изменение идеи "Бог", — здесь вера в моральное существо, которое следит за поведением; здесь снова гипотеза о дочеловеческой расе увеличенных, неприродных знахарей или о сверхъестественных существах с человеческими и магическими атрибутами, но часто носящих мех, плавники и перья низших животных. К этим верованиям (будь то более ранние, более поздние или ровесницы им по происхождению) примешиваются страх и любовь к призракам предков, часто трансформирующиеся в поклонение воображаемому и идеальному прародителю племени, который снова часто является зверем или птицей. Здесь нет ничего похожего на представление о всемогущем, невидимом, духовном существе, создателе нашей религии; здесь есть только воплощение концепции *la monnaie*".

Автору должно было прийти в голову, что он здесь проходит через основную теорию своей собственной книги, которая заключается в том, что РЕЛИГИЯ - это одно, а миф - совсем другое. О том, что многие низшие расы дикарей в часы РЕЛИГИОЗНЫХ размышлений придерживаются возвышенной концепции нравственного и бессмертного Творца Вещей и Повелителя Жизни, Отца Небесного, уже говорилось, и знание фактов значительно расширилось с тех пор, как впервые появилась эта работа (1887). Но МИФИЧЕСКИЕ концепции, описанные в последнем абзаце, сосуществуют с религиозными концепциями в верованиях очень низких дикарей, таких как австралийцы и андаманцы, точно так же, как такое же противоречивое сосуществование печально известно в древней Греции, Индии, Египте и Анауаке. В некотором смысле, некоторые низшие дикари ИМЕЮТ "представление о Боге, как мы понимаем, что мы подразумеваем под

этим словом". Но это чувство, когда дикари начинают сочинять басни о происхождении, может быть затуманено легкомыслием их мифических фантазий.

С такими изменчивыми, гротескными и неадекватными баснями космогонические мифы мира неизбежно сбиваются с толку. Мы уже видели в главе "Мифы о природе", что многие вещи, солнце, луна, звезды, "имеющие другое рождение", а также различные животные и растения, объясняются гипотезой о том, что они появились позже появления человека — что изначально они БЫЛИ людьми. Европейскому уму кажется естественным ставить мифы о богах выше мифов о сотворении или эволюции мира, потому что наша религия, как и религия более философски настроенных греков, делает божество источником всего сущего, *causa causans*, "то, что неподвижно движется", начало и конец. Но создатели мифов, отказываясь от любых подобных идей, которыми они могут обладать, считают необходимым, подобно ребенку, о котором мы говорили, постулировать МЕСТО, откуда божественная энергия может действовать, и этим местом является земля или небеса. С другой стороны, небо и земля сами по себе часто рассматриваются обычным мифическим образом, как одушевленные, как личности с частями тела и страстями, и, наконец, среди развивающихся рас — как боги. В эту мешанину несообразных и непоследовательных концепций мы должны внести тот порядок, который сможем, всегда помня, что порядок не является врожденным для предмета, а привносится с целью изучения.

Происхождение мира и человека, естественно, является проблемой, которая возбуждает любопытство наименее развитых умов. У каждой дикой расы есть свои собственные мифы на эту тему, большинство из них несут на себе отпечаток детского и грубого воображения, характер которого мы исследовали, и все они различаются по объему того, что можно назвать философской мыслью.

Все космогонические мифы, в отличие от религиозной веры в Творца, колеблются между теорией созидания, или, скорее, реконструкции, и теорией эволюции, очень грубо понятой. Как правило, мифически утверждается, что земля выросла из какой-то первоначальной материи, возможно, животного, возможно, яйца, которое плавало в воде, возможно, горсти грязи из-под воды. Но эта концепция не исключает идеи о том, что многие вещи в мире, минералы, растения и тому подобное, являются фрагментами каркаса полусверхъестественного и гигантского существа, человека или животного, принадлежащего к расе, предшествовавшей появлению человека.⁽¹⁾ Таковы были Титаны, полубоги, Нуррумбунгутти в Австралии. Различные представители этой расы фигурируют в мифах о сотворении или, скорее, конструировании человека и мира. Среди низших рас следует отметить, что мифические животные, обладающие сверхъестественной силой, часто заменяют таких существ, как финский вайнамойнен, греческий Прометей, зулусский ункулункулу, краснокожий индеец Манабожо, который сам обычно является большим зайцем.

(1) Макробий, Сатурналий, i. xx.

Века, предшествовавшие развитию или сотворению человека, наполнены в мифах любовью и войнами сверхъестественных людей. Появление человека объясняется тремя или четырьмя противоречивыми способами, каждый из которых представлен в различных мифах большинства мифологий. Часто человек вылеплен из глины, или камня, или других материалов Создателем всего сущего, иногда получеловеком или животным, но также и полубожеством. Иногда первый человек поднимается из земли, и его самого путают с Творцом — теория, возможно,

проиллюстрированная зулусским мифом об Ункулункулу, "Старом-Престаром". Иногда человек приходит готовым, с большинством животных, из своего бывшего дома в норе в земле, и он снабжает мир для себя звездами, солнцем, луной и всем остальным, что ему нужно. Опять же, существует множество мифов, в которых утверждается, что человек произошел от того или иного низшего животного. Этот миф обычно используется членами племен для объяснения происхождения их собственной особой группы сородичей. И снова человека принимают за плод какого-то дерева или растительности, или за то, что он появился не готовым, а вырос из земли, как растение или дерево. В некоторых странах, как, например, у бечуанов, беотийцев и перуанцев, местом, где люди впервые появились на земле, как известно, является какое-нибудь соседнее болото или пещера. Наконец, человека иногда изображают созданным из куска тела Творца или созданным каким-нибудь гончаром-демиургом из глины. Все эти легенды рассказывают дикари, не отдавая себе отчета в их противоречивости. Единой ортодоксальности по этому вопросу не существует, и мы увидим, что все эти теории сосуществуют бок о бок среди мифологических традиций цивилизованных рас. Почти в каждой мифологии также вся теория происхождения человека пересекается с традицией о Потопе или каком-либо другом великом разрушении, за которым последовало возрождение или реконструкция вида, причем история вовсе не обязательно библейского происхождения.

Исследуя дикарские мифы о происхождении человека и мира, мы начнем с рассмотрения тех, которые распространены среди самых отсталых народов, где никакое наследственное или наделенное властью духовенство не развило и не улучшило народные верования. Аборигены Австралии снабжают нас мифами чисто народного типа, принадлежащими не профессиональным священникам и поэтам, а всем старикам и зрелым воинам страны. Здесь, как и везде, ученик должен остерегаться принятия мифов, которые являются замаскированными формами миссионерского учения.⁽¹⁾

(1) Таплин, Нарриньери. "Он также должен остерегаться предполагать, что австралийцы верят в создателя в нашем смысле этого слова, потому что нарриньери, например, говорят, что Нурундере "создал все". Нурундере - всего лишь идеализированный волшебник и охотник, соперничающий со своим видом. Это встречается в первом издании, но "создание всего сущего" - это одна идея, волшебство - совсем другая.

В Южной Австралии мы узнаем, что бунооронги, австралийское прибрежное племя, приписывают создание вещей существу по имени Бун-джел или Пунд-джел. Он фигурирует как глава более раннего сверхъестественного класса существ с человеческими отношениями; таким образом, у него "есть жена, ЛИЦА КОТОРОЙ ОН НИКОГДА НЕ ВИДЕЛ", братья, сын и так далее. Теперь это имя Бун-джел означает "орел-ястреб", а орел-ястреб является тотемом среди определенных племен. Таким образом, когда мы слышим, что Орел-ястреб является создателем людей и вещей, нам вспоминается о создателе-бушмене Кане, которому сейчас возносят молитвы значительной красоты и пафоса, но который (в некоторых теориях) отождествляется с каггеном, насекомым-богомолем, творческим кузнечиком и главной фигурой в мифологии бушменов.⁽¹⁾ Бун-джел или Панджел также фигурируют в австралийских верованиях, но не как творец и не как орел-ястреб, а "как старик, который живет у истоков реки Ярра, где у него огромное стадо скота".⁽²⁾ Термин Бун-джел также используется, подобно нашему "Мистер", для обозначения пожилых мужчин курнаи и Бриаколунга, некоторые из которых обладают магическими способностями. Один из них, Кравра, или "Западный ветер", может заставить ветер дуть с такой силой, что туземцы не могут лазить по деревьям; этот человек обладает

полубожественными качествами. Из этих фактов явствует, что этот австралийский творец в мифе обладает характером тотема, или почитаемого зверя, а также характером волшебника или знахаря. У него был большой нож, и, создавая землю, он ходил вверх и вниз, разрезая ее на ручьи и долины. Аборигены северных районов Виктории, по-видимому, верят в Панджела в том, что, возможно, является его самым примитивным мифическим обликом - орле.⁽³⁾ Эти орел и ворона создали все и разделили чернокожих Мюрреев на два основных подразделения, которые получили свои названия от вороны и орла. "Мельбурн блэкс", кажется, делают Панджела более антропоморфным. Люди - это его (греческий текст опущен) глиняные фигурки, как говорит Аристофан в "Птицах". Панджел сделал двух глиняных человечков и танцевал вокруг них. "Он сделал им волосы — у одного были прямые, у другого вьющиеся — из коры. Он танцевал вокруг них. Он лежал на них и вдыхал свое дыхание в их рты, носы и пупки, и танцевал вокруг них. Затем они поднялись взрослыми молодыми людьми". Несколько чернокожих, увидев кирпичника за работой на мосту через Ярру, воскликнули: "Как им нравится, что Панджел делает из них Кулин". Но другие чернокожие предпочитают верить, что, как излагает фригийскую легенду Пиндар, на солнце люди росли, как деревья.

(1) Блик, Краткий обзор мифологии бушменов, стр. 6; Журнал *Cape Monthly*, июль 1874 г., стр. 1-13; Камиларой и Курнаи, стр. 210, 324.

(2) Камиларой и Курнай, стр. 210.

(3) Броу Смит, Уроженцы Виктории, том i, стр. 423.

Первый человек был создан из смолы плетня и вышел из сучка плетня. Затем он вошел в молодую женщину (хотя и был первым мужчиной) и родился.⁽¹⁾ У народа Энкаунтер-Бэй есть еще один миф, который Дин Свифт мог бы приписать ему, настолько грязное происхождение он присущ человечеству.

(1) Мейер, "Аборигены Энкаунтер-Бэй". Смотрите позже "Боги низших рас".

Австралийские мифы о сотворении мира ни в коем случае не исключают гипотезу эволюции. Таким образом, диэйри, представления которых записал мистер Гасон, придерживаются весьма неоднозначных взглядов. Они утверждают, что "добрый дух" Мура-Мура создал несколько маленьких черных ящериц, они ему понравились, и он пообещал им власть. Он разделил их ступни на пальцы на ногах, дал им носы и губы и поставил их вертикально. Они упали, и Мура-Мура отрезал им хвосты. Затем они выпрямились и стали людьми. ⁽¹⁾ Завершение приключений одного австралийского творца печально. Он перестал жить среди смертных, за которыми наблюдает и вдохновляет. У Сойки было много мешочков, полных ветра; она открыла их, и порыв ветра унес Панджела в небеса. Но этого события не произошло до того, как Панджел научил мужчин и женщин основным искусствам жизни. Он показал первым, как протыкать копьем кенгуру, он все еще существует и вдохновляет поэтов. От космогонических мифов Австралии (характер некоторых из которых противоречит высшим религиозным верованиям людей, о которых будет рассказано позже) мы можем обратиться, не затрагивая расу с гораздо более высокой цивилизацией, к обитателям Андаманских островов и их взглядам на происхождение вещей.

(1) Диерис Гасона, ап. Коренные племена Южной Австралии, стр. 20.

Андаманские острова в Бенгальском заливе удалены от любых берегов и защищены от иностранного влияния опасными коралловыми рифами, а также известной свирепостью и каннибализмом местных жителей. Это негритосы, и о них обычно говорят как о самых жалких дикарях. Однако они не лишены различий по рангу; они чисты, скромны, нравственны после вступления в брак и наиболее строги в соблюдении запрещенных степеней. В отличие от австралийцев, они пользуются луками и стрелами, но, как говорят, неспособны добыть свет и, во всяком случае, находят этот процесс настолько трудным, что, подобно австралийцам и фермеру в "Одиссее" (1), вынуждены "копить семена огня". Их мифология содержит объяснения происхождения людей и животных, а также их собственных обычаев и языка.

(1) Одиссея, т. 490.

Андаманцы, о которых давно говорят как о "безбожниках", многим обязаны мистеру Мэну, английскому чиновнику, который самым тщательным образом изучил их верования.⁽¹⁾ Противоречие между относительной чистотой и нравственностью РЕЛИГИИ и дикостью мифов андаманцев настолько экстраординарно, что в первом издании этой работы я настаивал на том, что "духовный бог" веры, должно быть, был "заимствован из того же квартала, что и каменный дом", в котором, как говорят, он мифически обитает. Но более поздние и обширные исследования и свежая информация из разных источников убедили меня в том, что относительная чистота андаманской религии с ее этическими санкциями поведения вполне может быть и, вероятно, является естественным, не приобретенным развитием. Мифу легко позаимствовать представление о каменном доме из нашего недавнего поселения в Порт-Блэре. Но РЕЛИГИИ было бы нелегко позаимствовать много новых идей из чужого вероучения за считанные годы, в то время как известная свирепость островитян по отношению к чужакам и недоступность их жилища делают более раннее заимствование, по крайней мере в больших масштабах, крайне маловероятным. Андаманский бог Пулуга "подобен огню", но невидим, нерожден и бессмертен, знающий и карающий или вознаграждающий поступки людей, даже "мысли их сердец". Но когда однажды вокруг него разыгрывается мифическая фантазия и о нем рассказывают истории, ему приписывают жену - угря или креветку, точно так же, как Зевс занимался любовью в облике муравья или кукушки. Пулуга был создателем людей; никаких конкретных мифов о том, как он их создал, не приводится. Они пытались убить его после всемирного потопа (о котором рассказывается гротескный миф), но он ответил, что был "тверд, как дерево". Его легенда находится в обычном мифическом противоречии с высшими элементами его религии.

(1) Journ. Антроп. Соч., т. xii. стр. 157 и далее.

Оставив жителей Андаманских островов, но продолжая изучать расы на низшей ступени цивилизации, мы переходим к бушменам Южной Африки. Этот очень любопытный и занимательный народ, намного уступающий в материальном оснащении готтентотам, иногда рассматривается как ветвь этой расы.⁽¹⁾ Готтентоты называют себя "Хой-хой", бушменов они называют "Са". Бедняки СА ведут жизнь париев, их ненавидят и преследуют все остальные уроженцы Южной Африки. Они охотники и добытчики кореньев, в то время как готтентоты, возможно, их родственники, занимаются скотоводством.⁽²⁾ Будучи настолько некормленными, бушмены очень маленькие, но крепкие. Они живут или, скорее, бродят по странам, которых коснулась какая-то древняя цивилизация, о чем свидетельствуют таинственные шахты и дороги Машоналенда. Примечательно, что у бушменов существует традиция, согласно которой когда-

то они могли "делать каменные предметы, которые летали над реками". Они обладают замечательными художественными способностями, и их рисунки людей и животных на стенах пещер часто не уступают рисункам на ранних греческих вазах.(3)

(1) См. "Божественные мифы низших рас".

(2) Хаху, Цуни Гоам, стр. 4. Смотрите Другие отчеты в Waitz, Anthropologie, ii. 328.

(3) Обычай и миф, где приведены иллюстрации искусства бушменов, стр. 290-295.

Таким образом, мы должны рассматривать бушменов как, возможно, выродившихся из более высокого статуса, хотя ничто (за исключением, возможно, традиции строительства мостов) не указывает на то, что это было более возвышенным занятием, чем у их более преуспевающих соседей, готтентотов. Мифы бушменов, однако, находятся почти на самом низком известном уровне. Очень хороший и достоверный пример космогонического мифа бушменов был передан мистеру Орпену, главному судье территории Сент-Джонс, Цином, егерем короля Нкуши. Цин "никогда не видел белого человека, кроме как в бою", пока не познакомился с мистером Орпеном.(1) Доктор Блик отождествляет главную силу в мифе бушменов с богомолем, разновидностью крупного кузнечика. Хотя он кажется по меньшей мере таким же "химерическим зверем", как арийский творческий кабан, "могучий большой заяц" алгонкинов, большой паук, сотворивший мир, по мнению жителей Золотого Берега, или орел австралийцев, все же насекомое (если это насекомое), как и другие, обрело моральные качества, и к нему обращаются в молитве. В своем религиозном аспекте он не что иное, как кузнечик. Его зовут Кань. "Кань сотворил все сущее, и мы молимся ему", - сказал Цин. "Коти - жена Кана". Цин не знал, откуда они взялись; "возможно, с людьми, которые принесли солнце". Дело в том, что Цин "не танцевал этот танец", то есть не был одним из бушменов, посвященных в более эзотерические тайны Канны. Пока мы тоже не пройдем посвящение, мы можем очень мало знать о Кане в его религиозном аспекте. У бушменов, как и у греков, "нет религиозной мистерии без танца". Цин была не очень последовательна. Он сказал, что Канн отдавал приказы и вызывал появление и сотворение всего сущего: солнца, луны, звезд, ветра, гор, животных, и это, конечно, возвышенная теория творения. В другом месте мифа утверждается, что Канн не столько создавал, сколько производил объекты в природе. В его ранние времена "змеи тоже были людьми". Канн поражал змей своим посохом и превращал их в людей, как Зевс в эгинском мифе поступил с муравьями. Он также превращал провинившихся мужчин в павианов. В бушменском мифе, как бы мало мы о нем на самом деле ни знали, мы видим обычное противопоставление басни и веры: добрый творец в религии, по-видимому, волшебник в мифе.

(1) Ежемесячный журнал "Кейп", июль 1874г.

Соседями бушменов, но более удачливыми в своем изобилии овец и крупного рогатого скота, являются овахереро. Мифы об овахереро, племени, обитавшем в той части Херераленда, "которая еще не находилась под влиянием цивилизации и христианства", были изучены преподобным Х. Рейдербекке, миссионером в Отезондьюпе. У овахереро, по его словам, есть что-то вроде дерева Игдрасиль, дерева, из которого рождаются люди, и это играет большую роль в их мифе о сотворении мира. Дерево, которое все еще существует, хотя и в преклонном возрасте, называется деревом Омумборомбонга. Вначале из него вышли первые мужчина и женщина. Из него тоже вышли быки, но павианы, как говорит Калибан о звездах, "пришли иначе", а овцы и козы спрыгнули с плоского камня. Согласно "Овахереро", чернокожие люди

такие цветные, потому что, когда первые родители вышли из дерева и убили быка, прародительница чернокожих присвоила себе черную печень жертвы. Овакуру Менюру, или "СТАРЦЫ на небесах", однажды одним рывком опустили небеса, но снова подняли их (как боги Сатапата-Брахманы подняли солнце), когда большая часть человечества утонула.(1) Остаток умиротворил ДРЕВНИХ (как Одиссей умиротворил духов умерших), принеся в жертву ЧЕРНУЮ овцу - практика, до сих пор используемая овахеро для умиротворения призраков. Соседние омнамбо приписывают сотворение человека Калунге, который вышел из земли и сотворил первых трех овец.(2)

(1) Пример мифа о Всемирном потопе в Африке, где М. Ленорман не нашел ни одного.

(2) Южноафриканский фольклорный журнал, II. pt. v. стр. 95.

Среди намакуа, африканского народа, находящегося на том же уровне кочевой культуры, что и овахеро, божественное или героическое древнее существо по имени Хейци Эйбиб имело большое отношение к происхождению вещей. Если он не создавал животных в точности, он запечатлел в них их характеры, и их привычки (как у змея в Книге Бытия), как говорят, были наложены проклятием Хейтси Эйбиба. Точно такое же представление было найдено Авиллой у индейцев Хуарочири, чей божественный культурный герой наложил проклятие или благословение на животных, их характер и привычки.(1) Раньше лев жил в гнезде на дереве, пока Хайци Эйбиб не проклял его и не велел ходить по земле. Он также проклял зайца, "и заяц убежал и все еще бежит".(2) Имя первого человека дано как Эйхакнанабисеб (со множеством "щелчков"), и говорят, что он встретил всех животных на плоском камне и сыграл с ними в игру на медные бусы. Радугу создал Гаунаб, который, как правило, является злобным существом, о котором подробнее позже.

(1) Басни Инкаса (Общество Хаклуит), стр. 127.

(2) Цуни Гоам, стр. 66, 67.

Оставив эти африканские расы, которые, независимо от их относительного уровня культуры, физически несколько презренны, мы переходим к их северным соседям, зулусам. Они принадлежат к числу лучших и, безусловно, к числу наименее религиозных неразвитых народов. Их вера в основном в магию и призраков, но есть следы более увядающей и возвышенной веры.

Социальное и политическое положение зулусов хорошо изучено. Это скотоводческий, но не кочевой народ, владеющий большими краями или городами. Они занимаются сельским хозяйством, и до совсем недавнего времени у них было централизованное правительство и большая армия, что-то вроде немецкой системы. У них, по-видимому, нет обычного класса жрецов, и сверхъестественной силой обладают вожди и царь, а также прорицатели и колдуны, которые проводят жертвоприношения. Их мифы тем интереснее, что, будь то из-за их природного скептицизма, который опровергал епископа Коленсо в его православные времена, или из-за знакомства с европейскими идеями, они начали сомневаться в истинности своих собственных традиций.(1) Зулусская теория происхождения человека и мира начинается с подвигов Ункулункулу, "старого-престарого", который, согласно некоторым легендам, был первым человеком, "и оборвался в самом начале". Подобно Манабожо у индейцев Северной Америки и подобно Вайнамейнену у финнов, Ункулункулу передавал мужчинам знания об искусствах, браке и так далее. Его подвиги в этом направлении, однако, должны быть

рассмотрены в другой части этой работы. Люди в целом "вышли из тростника".(2) Но существует много путаницы по поводу этого зарослей тростника, названного "Утланга". Молодые люди спрашивают, где было тростниковое ложе; старики не знают, и их отцы тоже не знали. Но они настаивают на том, что "это тростниковое ложе все еще существует". Образованные зулусы, по-видимому, несколько склонны понимать это выражение в аллегорическом смысле и понимать тростник либо как разновидность протоплазмы, либо как смертного творца. "Его больше не существует. Поскольку моего деда больше не существует, он тоже больше не существует; он умер ". Вожди, желающие заявить о высоком происхождении, ведут свою родословную от Утланги, как гомеровские цари вели свою родословную от Зевса. Мифы, изложенные доктором Каллауэем, очень противоречивы.

(1) Эти легенды были тщательно собраны и опубликованы епископом Каллауэем (Trubner & Co., 1868).

(2) Каллауэй, стр. 9.

В дополнение к легенде о том, что люди вышли из зарослей тростника, в ходу и другие, возможно, даже более ребяческие истории. "Некоторые люди говорят, что их отрыгнула корова"; другие "что Ункулункулу высек их из камня" (1), что напоминает легенду о Пирре и Девкалионе. Миф о корове до сих пор применяется к великим вождям. "Он не родился; его отрыгнула корова". Миф о происхождении камня соответствует гомеровскому изречению о людях, "рожденных из камня или дуба старой сказки".(2)

(1) Не предвосхищая более позднюю главу, скажу, что сходство этих текстов с греческими мифами, изложенное М. Буше Леклерком ("О происхождении человечества"), очень поразительно.

(2) Одиссея, хіх. 103.

В дополнение к теории о родовом ложе из тростника, зулусы, подобно навахо из Нью-Мексико и бушменам, верят в подземное происхождение человека. Произошла череда эмиграций снизу разных человеческих племен, у каждого из которых был свой ункулункулу. Все источники сходятся в том, что Ункулункулу не поклоняются, и он, похоже, не отождествляется с "господом, который играет на небесах" — своего рода угасающим Зевсом, — когда раздается гром. Ункулункулу не поклоняются, хотя поклоняются духам предков, потому что он жил так давно, что сейчас никто не может проследить его родословную до существа, которое одновременно является первым человеком и творцом. Его "почетное имя с течением лет утрачено, а семейные обряды устарели".(1)

(1) См. "Религия зулу" в "Создании религии", стр. 225-229, где утверждается, что поклонение привидениям вытеснило более высокую веру, следы которой заметны.

Коренные народы Североамериканского континента (о цивилизации которых подробнее будет сказано в изложении их божественных мифов) занимают все ступени культуры, начиная с поистине звериного состояния, в котором в настоящее время находятся некоторые индейцы-копатели, питающиеся насекомыми и не знакомые даже с использованием лука, и заканчивая цивилизацией, которую испанцы разрушили у ацтеков.

Первоначальные факты о религии в Америке вызывают много споров, и они будут более уместно рассмотрены позже. Сейчас антропологи очень часто говорят, подобно мистеру Дорману: "Никакого подхода к монотеизму не было сделано до открытия Америки европейцами, и Великий Дух, упомянутый в этих (их) книгах, является введением христианства". (1) "Эта точка зрения не выдерживает критики", - говорит г-н Тайлор, и позже мы продемонстрируем точность его замечания. (2) Но в настоящее время нас интересует не то, что индийская религия говорила о своих Богах, а то, что индийский миф рассказывал о начале вещей.

(1) Происхождение первобытных суеверий, стр. 15.

(2) Первобытная культура, 1873, ii. стр. 340.

Например, гуроны (если выбирать народ в состоянии среднего варварства) исходят в мифе из обычной концепции могущественной неестественной расы людей, обитающей на небесах, откуда они спустились и колонизировали, если не сказать построили, землю. В "Отношении Новой Франции", написанном отцом Полем ле Женом из Общества Иисуса в 1636 году, есть очень полный отчет о взглядах гуронов, которые, с некоторыми изменениями названий, существуют среди других ветвей индейской семьи алгонкин.

Они признают основательницей своего рода женщину по имени Атенци, которая, подобно Гефесту из "Илиады", была изгнана с неба. В верхнем мире есть леса и равнины, как и на земле. Атаэнци упала в яму, когда охотилась на медведя, или она срубила небесное дерево и упала вместе с падением этого Гурона Игдрасиля, или ее соблазнил авантюрист из подземного мира, и она была изгнана с небес по своей вине. Как бы то ни было, она упала на спину черепахи посреди воды. Он посоветовался с другими водными животными, и одно из них, обычно называемое мускусной крысой, выудило (1) немного почвы и создало землю. (2) Здесь Атаэнци родила близнецов, Иоскеху и Тавискару. Они олицетворяют обычный дуализм мифов; они подчиняются Осирису и Сету, Ормузду и Ариману и были непримиримыми врагами. Согласно одной из версий мифа, у небесной женщины родились близнецы, и то, что произошло, можно процитировать со слов доктора Бринтона. "Еще до рождения один из них проявил свою беспокойную и злую натуру, отказавшись родиться обычным способом, но настаивая на том, чтобы вырваться из родительского бока или подмышечной впадины. Он так и сделал, но это стоило жизни его матери. Ее тело было похоронено, и из него выросли различные овощные культуры: "тыквы, кукуруза, бобы и так далее". (3)

(1) Отношения, 1633. В этом мифе некто Мессон, Большой Заяц, является новичком нашей расы. Он женился на дочери Мускусной крысы.

(2) В рамках данного исследования мы впервые встречаемся с очень широко распространенным мифом. В уже рассмотренных мифах происхождение земли считается само собой разумеющимся. Гуроны объясняют его происхождение: крупинку земли выловили из воды и вырастили. В трактате М. Х. де Шаранси "Une Legende Cosmogonique" (Гавр, 1884) прослеживается эта легенда. М. де Шаранси различает (1) континентальную версию; (2) островную версию; (3) смешанную и индуистскую версию. Среди континентальных вариантов он приводит вогульский вариант (Revue de Philologie et d'Ethnographie, Париж, 1874, i. 10). Нуми Таром (бог, который готовит рыбу на небесах) подвешивает мужчину и женщину над бездной вод в серебряной колыбели. Позже он дает им ровно столько земли, чтобы на ней можно было построить дом. Их сын в облике белки взбирается к Нуми Тарому и получает от него утиную и

гусиную шкурки. Одетый в них, подобно Йелю в шкуре ворона или Одину в шкуре ястреба, он наслаждается силой животных, ныряет и поднимает три пригоршни грязи, которые вырастают в нашу землю. Elempi лепит людей из глины и снега. Американскую версию М. де Шаранси приводит у Николаса Перро ("Воспоминания о ле Мерсе" и др., Париж, 1864, i. 3). Перро был путешественником семнадцатого века. Большой заяц приложил руку к созданию земли из выловленного грунта. Приведа другие североамериканские варианты и сравнив животных, которые после трех попыток вылавливают рыбу из земли, с голубем и вороном Ноя, месье де Шаранси переходит к болгарам. Бог заставил сатану в шкуре ныряльщика вылавливать землю из Тивериадского озера. В галисийской народной легенде вначале три голубя вылавливают землю (Ходзко, "Состязания рабов-пайсанов", стр. 374). В островном варианте, как и в Новой Зеландии, остров обычно вылавливается на крючок доблестным рыболовом (Япония, Тонга, Таити, Новая Зеландия). Индуистская версия, в которой кабан играет роль мускусной крысы, или утки, или ныряльщика, будет приведена в "Индийских космогонических мифах".

(3) Бринтон, Американские героические мифы, стр. 54. Николас Перро и различные родственники иезуитов являются первоначальными авторитетами. См. "Божественные мифы Америки". Мистер Лиланд в своих "Алгонкинских сказках" приводит ту же историю, но названия изменены на Глускап и Малсумис, взятые из устной традиции. Сравните Schoolcraft, v. 155 и i. 317, а также версии PP. Charlevoix и Lafitau. В Шарлевуа хорошими и плохими братьями являются Манабожо и Чоканипок или Чакеканапок, и из костей и внутренностей последнего было создано множество растений и животных, точно так же, как, согласно греческому мифу, сохраненному Клеменсом Александрином, петрушка и гранаты возникли из крови и рассеянных членов Диониса Загрея. История о насильственном рождении Тавискары рассказана в Египте, а об Индре - в Ведах, как будет показано позже. Это очень распространенная басня, и, как сказал мне мистер Уитли Стоукс, она повторяется в старых ирландских легендах о рождении Господа нашего, Мифе, как обычно, вторгшемся в религию, даже христианскую.

Согласно другой версии происхождения вещей, их создателем был некто Мичабус, или Мичабо, Большой Заяц. Место его рождения было показано на острове под названием Мичилимакинак, похожем на место рождения Аполлона на Делосе. Великий Заяц создал землю и, как выяснится впоследствии, был изобретателем искусства жизни. В целом мифы ирокезов и алгонкинов сходятся в том, что жизнь зародилась в верхнем мире за пределами неба. Земля была либо выловлена (как Брахма, когда он нырнул в облике кабана) каким-нибудь зверем, опустившимся на дно вод, либо выросла из черепахи, на спину которой упал Атаэнцик. Первыми обитателями мира были либо такие звери, как Манабожо или Мичабо, Большой заяц, либо первобытные волки уинкаретов (1), либо творческая мускусная крыса, либо более антропоморфные герои, такие как Иоскеха и Тавискара. Что касается вещей в мире, то некоторые из них были созданы, некоторые эволюционировали, некоторые являются преобразованными частями древнего неестественного человека или животного. Существует тенденция отождествлять Атаэнцик, женщину-небо, с луной, а в Двух Великих Братьях, какими бы враждебными они ни были, узнавать луну и солнце.(2)

(1) Пауэлл, Бюро этнологии, i. 44.

(2) Доктор Бринтон попытался продемонстрировать с помощью аргументов, взятых из этимологии, что Мичабос, Мессоу, Миссибизи или Манабожо, Большой Заяц, изначально были олицетворением Зари (Мифы Нового Света, стр. 178). Я исследовал его аргументы в

"Девятнадцатом веке", январь 1886 г., с которыми можно ознакомиться, и в "Мелузине", январь 1887 г. Заяц, по-видимому, является одним из бесчисленных героев первобытной звериной культуры. Любопытный магический прием в традиции денских Заячьих шкурок, по-видимому, подтверждает теорию доктора Бринтона: "Подвеска для входа, как будто ты один на один с ливерпулем и осситотом, когда ты подходишь". Петито, Индийские традиции, стр. 173. Но я так понимаю, что принесение в жертву головы белого зайца создает магический свет, подобно тому как принесение в жертву черных зверей и столбы черного дыма создают дождевые тучи.

У некоторых деградировавших калифорнийских индейцев-диггеров существует следующий миф о происхождении видов. Следует заметить, что в этой легенде эволюционный вид занимает место теории сотворения мира. Эта история была рассказана мистеру Адаму Джонстону, который "привлек" рассказчика, передав вождю библейское повествование о сотворении мира.⁽¹⁾ Шеф полиции сказал, что это была странная история, которую он никогда не слышал, когда жил в Миссии Святого Иоанна под присмотром падре. Согласно этому вождю (он правил племенем По-то-янь-те, или койотами), первыми индейцами были койоты. Когда кто-то из их числа умирал, его тело наполнялось маленькими животными или духами. Они принимали различные формы, например, оленей, антилоп и так далее; но поскольку некоторые из них проявляли тенденцию улетать на Луну, жители По-то-янь-тес теперь обычно хоронят тела своих умерших, чтобы предотвратить вымирание видов. Затем индейцы начали принимать облик человека, но это было медленное превращение. Сначала они ходили на четвереньках, затем у них начали развиваться отдельные человеческие черты - один палец на ноге, один глаз, как у асцидий, наших прародителей с точки зрения современной науки. Затем они удвоили свои органы, приобрели привычку сидеть прямо и отпустили хвосты, о чем искренне сожалеют, "поскольку считают хвост настоящим украшением". Считается, что представления о бессмертии души присущи только старухам племени, и, короче говоря, согласно этой версии, индейцы-диггеры занимают современное научное положение.

(1) Скулкрафт, том v.

Виннебаго, которые рассказали свои мифы мистеру Флетчеру, (1) подозреваются в том, что они находились под влиянием библейского повествования. Говорят, что Великий Дух словно очнулся ото сна и обнаружил, что сидит в кресле. Поскольку он был совсем один, он взял часть своего тела и кусок земли и создал человека. Затем Он создал женщину, выровнял землю, поместив под ней по углам зверей, и создал растения и животных. Других мужчин он сотворил из медведей. "Он создал белого человека, чтобы тот делал орудия труда для бедных индейцев" — очень приятный пример телеологической гипотезы и доктрины конечных причин в понимании виннебагов. Халдейский миф о сотворении человека напоминает легенда о том, что Великий Дух вырезал для этой цели часть самого себя; халдейская мудрость также совпадает с философской проницательностью племени По-то-янь-те, или койотов, индейцев-диггеров. Хотя халдейская теория связана с теорией Красных людей только своей дикостью, мы можем кратко изложить ее в этом месте.

(1) Там же, iv. 228.

Согласно Беросусу, как сообщил Александр Полигистор, вселенная изначально (как и до времен Манабожо) состояла из воды и грязи. Здесь беспорядочно размножались всевозможные смешанные чудовища с человеческими головами, козлиными рогами, четырьмя ногами и хвостами. Вместо ирокезского атаэнчика женщина по имени Оморока руководила

грязью и зверинцем. Ее тоже, как и Атаэнцика, иногда называют луной. Когда дела были в таком состоянии, прибыл Бел-Марудук и разрезал Омороку надвое (Чоканипок уничтожил Атаэнцик), и из Омороки Бел создал мир и вещи в нем. Мы уже видели, что в мифах дикарей многие вещи сделаны из мертвого представителя сверхъестественной расы. Наконец, Бел отрубил себе голову, и боги смешали глину с кровью и создали людей. Халдеи унаследовали очень дикие фантазии.(1)

(1) Cp. Синцелл, стр. 29; Евсевий, Хроника. Армен., изд. Mai, p. 10; Lenormant, Origines de l'Histoire, i. 506.

Возможно, следует извиниться перед халдеями за то, что они поместили свои мифы среди басен наименее культурных народов; но вряд ли кто-то будет утверждать, что восточные мифы отличаются по характеру от объяснений происхождения вещей индейцами-копателями и ирокезами. Священники с острова Ванкувер, которых мистер Спроут близко знал и о чьих идеях он дает осторожный отчет (поскольку он хорошо осознавал пределы своих знаний), рассказывают историю обычного характера.(1) Они верят в представителя сверхъестественной расы по имени Куавтеат, о котором мы еще услышим в связи с его героическим характером. Как демиург "он, несомненно, представлен как общий создатель, я не говорю создатель всего сущего, хотя некоторые особые вещи исключены. Он сотворил землю и воду, деревья и камни и всех животных. Некоторые говорят, что Куаутихт создал солнце и луну, но большинство индейцев верят, что он не имел никакого отношения к их образованию и что они являются божествами, превосходящими его самого, хотя сейчас находятся далеко и менее активны. Он дал названия всему; среди прочего, всем существовавшим тогда индейским домам, хотя в них жили только птицы и животные. Куавтеат ушел до очевидного превращения птиц и зверей в индейцев, которое произошло следующим образом: —

"В древних птицах и зверях обитали духи индейцев, и они населяли различные прибрежные деревни, как это делают ахты в настоящее время. Однажды к берегу причалило каноэ, управляемое двумя индейцами из неизвестной страны. Пока они плыли вдоль берега, из каждого дома, у которого они высаживались, олени, медведи, лоси и другие дикие обитатели бежали в горы, а гуси и другие птицы улетали в леса и реки. Но во время этого бегства индейцы, которые до сих пор содержались в телах различных существ, остались позади, и с этого времени они завладели покинутыми жилищами и приняли то состояние, в котором мы их сейчас видим".

(1) Спроут, Сцены и этюды дикой жизни, стр. 210, 211.

Пересекая северный континент Америки на запад, мы оказываемся во владениях различных животных культур - героев, предков и учителей человеческой расы и, в некоторой степени, создателей всего сущего в мире. Как у восточных племен есть свой Большой Заяц, так и у западных племен есть свой герой и прародитель-волк, или свой койот, или свой ворон, или своя собака. Возможно, и даже наверняка в некоторых случаях, что животное, которое было доминирующим тотемом расы, стало наследником каких-либо космогонических легенд, которые ходили вокруг да около.

Страна Папагос, расположенная на восточном берегу Калифорнийского залива, является южной границей провинции койотов, или степных волков. Сфера его влияния как своего рода Прометея или даже демиурга простирается очень далеко на север. В мифе, рассказанном Кон

Кьеном, вождем центральных папагос, (1) койот играет роль рыбы в санскритской легенде о потопе, в то время как Монтесума берет на себя роль Ману. Этот Монтесума был создан, подобно Адамам стольких рас, из глины в руках Великого Духа. Из всей этой легенды кажется достаточно очевидным, что имя Монтесума заимствовано из Мексики и было произвольно присвоено герою Папагоса. Согласно мистеру Пауэрсу, примечания к рукописи которого цитирует мистер Бэнкрофт (iii. 87), все коренные жители Калифорнии верят, что их первые предки были созданы непосредственно из земли в местах их нынешнего обитания, и в очень многих случаях этими предками были койоты.

(1) Дэвидсон, Отчет по делам индейцев, 1865, стр. 131; Бэнкрофт, iii. 75.

Пимы, раса, живущая недалеко от Папагоса на восточном побережье Калифорнийского залива, говорят, что земля была создана существом по имени Земной пророк. Сначала это выглядело как паутина, напоминая одну из западноафриканских легенд о том, что мир создал огромный паук. Человек был создан пророком Земли из глины, замешанной на поту. Таинственный орел и всемирный потоп играют большую роль в более поздних мифических приключениях "Война и мир", известных пимам.(1)

(1) Сообщено мистеру Бэнкрофту мистером Стаутом из агентства Pima.

В Орегоне койот предстает как несколько предварительный демиург, и люди, созданные им, подобно существам, впервые созданным Праджапати в санскритском мифе, нуждались в пересмотре, исправлении и значительном дополнении. Чинуки из Орегона верят в обычную расу увеличенных неестественных людей, которые предшествовали человечеству.

Чинуки называли этих полубожественных людей улхаипа, а ламми - сехуиаб. Но койот был создателем людей. Как первый из подмастерьев Природы, он создавал людей довольно плохо, с закрытыми глазами и неподвижными ногами. Доброе существо по имени Иканам подправило грубые очерки койота острым камнем, открыв людям глаза и придав их рукам и ногам способность двигаться. Он также выступал в роли "культурного героя", представляя первые виды искусства. (1)

(1) (Повествование Фраухера, 258; Словарь чинуков Гибба; исследовательская поездка Паркера, i. 139;) Бэнкрофт, iii. 96.

Продвигаясь вверх по западному побережью Тихого океана, мы достигаем Британской Колумбии, где, как предполагается, койот не был так активен в великом творении, как наш старый друг мускусная крыса. Согласно Такулли, вначале не существовало ничего, кроме воды и мускусной крысы. Когда животное искало пищу на дне воды, его рот часто наполнялся грязью. Это он выплюнул, и так постепенно из аллювиальных отложений образовался остров. Сначала этот остров был маленьким, как земля в санскритском мифе о Сатапатха Брахмане, но постепенно увеличивался в размерах. У Такулли нет ничего нового, что могло бы пролить свет на происхождение человека.(1)

(1) Банкрофт, iii. 98; Путешествие Хармона, стр. 302, 303.

Тлинкиты, которые являются соседями такулли на севере, склонны отводить вороне главную роль в задаче сотворения мира, точно так же, как некоторые австралийцы отводят ту же роль ястребу, а якуты - ястребу, вороне и утке-чироку. Позже мы еще много услышим о Йеле как об

одном из мифических героев эпохи зарождения цивилизации. К северу от тлинкитов творческими обязанностями занимаются птица и собака, алеуты и кониаги произошли от собаки. У более северных тиннехов собака, которая была прародительницей этой расы, обладала способностью принимать облик красивого молодого человека. Он снабжал протоплазмой тиннехов, как Пуруша снабжал протоплазмой арийский мир, из своего собственного тела. Великан разорвал его на куски, как боги разорвали Пурушу, и из осколков, брошенных в реки, появилась рыба, осколки, подброшенные в воздух, обрели жизнь птиц, и так далее.(1) Это напоминает австралийский миф о происхождении рыбы и истории ананзи о происхождении хлыстов.(2)

(1) Хирн, стр. 342, 343; Бэнкрофт, iii. 106.

(2) См. "Божественные мифы низших рас". М. Коскен в "Графствах Лотарингии", том i, стр. 58, приводит историю Ананзи.

Между космогоническими мифами варварских или диких американских племен и мифами великих культурных народов Америки, ацтеков, перуанцев и кишей, следует найти место легендам определенных рас Южной части Тихого океана. Из них наиболее важными являются маори или уроженцы Новой Зеландии, мангайцы и самоанцы. Помимо обычных и общемировых соответствий мифов, божественные сказания о различных островах Южных морей демонстрируют сходство столь многочисленное и существенное, что следует предположить, что они исходят из общего и, вероятно, не очень отдаленного центра. Поскольку практически невозможно отделить мифы маори о создании вещей от мифов маори о богах и их происхождении, мы должны пропустить здесь метафизические гимны и истории о первоначальных божественных существах, Ранги и Папе, Небе и Земле, и об их жестоком, но необходимом разводе их детьми, которые затем стали обычной Титанической расой, которая конструирует и "проветривает" мир для принятия человека.(1) Среди этих существ, более полно описанных в нашей главе о богах низших рас, есть Тики со своей женой Марикорико, сумеречницей. Тейн (мужчина) - еще один представитель изначальной расы, дети земли и небес, и между ним и Тики лежит заслуга создания или зачатия человечества. Тане украсил тело своего отца, рая (Ранги), наклеив на него повсюду звезды, подобно тому, как на изображения наклеивают диски из перламутровых раковин. Он был прародителем деревьев и птиц, но некоторые деревья - оригинальные и божественные существа. Первая женщина не родилась, а образовалась из солнца и эха, симпатичный миф. Человека создал Тики, который взял красную глину и замешал ее со своей собственной кровью или с красной водой болот. Повадки животных, некоторые из которых являются богами, в то время как другие произошли от богов, вытекают из их поведения в тот момент, когда небо и земля были насильственно разведены. Сама Новая Зеландия или, по крайней мере, один из островов был огромной рыбой, пойманной Мауи (о котором подробнее ниже). Точно так же, как Панджел в Австралии вырезал своим ножом овраги и лощины, так и горы и лощины Новой Зеландии были созданы ножами братьев Мауи, когда они разделяли его крупную рыбу.(2) Совершенно особняком от этих ребяческих идей стоят удивительные метафизические гимны о первых проблесках света во тьме, о "становлении" и "бытии", которые напоминают нам о Гегеле и Гераклите или о самых чисто умозрительных идеях Ригведы. (3) Едва ли менее метафизичны мифы Мангайи, подробное изложение которых дает м-р Джилл (4).

(1) См. "Божественные мифы низших рас".

(2) Тейлор, Новая Зеландия, стр. 115-121; Бастиан, "Мудрец из Полинезии", стр. 36-50; Шортленд, "Традиции новозеландцев".

(3) См. главу "Божественные мифы низших рас" и "Космогонические мифы Индии"

(4) Мифы и песни Южной части Тихого океана, стр. 1-22.

Представления манги о мире сложны и относятся к ранним научным. Вселенная подобна полости в огромной скорлупе какао-ореха, разделенной на множество воображаемых кругов, подобных тем, что использовались в средневековых спекуляциях. Демон находится как бы на ножке какао-ореха, а там, где края воображаемой скорлупы почти соприкасаются, обитает женщина-демон, чье имя означает "самое начало". В этой системе мы наблюдаем попытки метафизики и физических спекуляций. Но для грубой мысли очень характерно, что такие чрезвычайно абстрактные концепции, как "самое начало", представлены как обладающие жизнью и человеческой формой. Женщина на дне раковины беспокоилась о потомстве и поэтому отщипнула кусочек от своего правого бока, поскольку Ева была создана из ребра Адама. Этот кусок плоти стал Ватеа, отцом богов и людей. Ватеа (как и Оаннес в халдейской легенде) был наполовину человеком, наполовину рыбой. "Самое начало" таким же образом породило других детей, и некоторые из них стали ведомственными богами океана, полудня и так далее. Достаточно любопытно, что мангайцы, похоже, сторонники первородства. Ватеа, как перворожденный сын, изначально имел свои владения следующими после владений своей матери. Но ей было больно от мысли, что каждый из его младших братьев занимал более высокое положение, чем он; поэтому она подняла его землю вверх, и теперь она находится рядом с твердой корой, на которой живут смертные в Мангаии. Ватеа женился на женщине из одного из нижних миров по имени Папа, и их дети имели обычную человеческую форму. Один ребенок родился либо из головы папы, как Афина из головы Зевса, либо из ее подмышки, как Дионис из бедра Зевса. О другом ребенке можно сказать, что он, выражаясь языком собаководов, "отброшен назад", поскольку он носит форму белой или черной ящерицы. В системе Манга небо представляет собой сплошной свод из голубого камня. В начале времен небо (как Уран в Греции и Ранги в Новой Зеландии) сильно давило на землю, и богу Ру пришлось разлучить их, или, скорее, он был занят этой задачей, когда Мауи подбросил и Ру, и небо так высоко, что они больше никогда не опускались. Ру теперь называется "Атлас Мангаи", "Ру, поддерживающий небо". (1) Его нижние конечности упали на землю и превратились в пемзу. В этих мангайских мифах мы видим сходство с новозеландскими вымыслами, что естественно, а разрывание тела в "Самом начале" имеет многочисленные аналоги в европейских, американских и индийских баснях. Но в целом мифы мангайцев более примечательны своей полунаучной философией, чем совпадениями с представлениями других древних народов.

(1) Джилл, стр. 59.

Самоанцы, подобно маори и грекам, считают, что сначала рухнули небеса и легли на землю. (1) Маранта и другое растение поднялись на небеса, и "место, выталкивающее небеса" до сих пор известно и на него указывают. Другие говорят, что бог Ти-ити-и поднял небеса, и во время этого усилия его ноги проделали в скалах отверстия глубиной в шесть футов. Другие мифы Самоа в основном объясняют происхождение огня и причины характерных форм и повадок животных и растений. У самоанцев тоже есть полумифическая, метафизическая космогония, начинающаяся с НУЛЯ, но быстро становящаяся историей камней, облаков, холмов, росы и различных животных, которые вступали в браки друг с другом и от которых королевская семья

Самоа ведет свое происхождение на протяжении двадцати трех поколений. Абстрактные представления самоанцев настолько индивидуальны, что "у КОСМОСА был табурет на длинных ножках", на который падала голова и который превратился в спутника Пространства. Еще один миф гласит, что бог Тангалоа существовал в космосе, сотворил небо и землю и ниспослал свою дочь бекасу. Человека он сотворил из мидий. Так запутаны доктрины самоанцев.(2)

(1) Самоа Тернера, стр. 198.

(2) Самоа Тернера, стр. 1-9.

Возможно, космогонические мифы менее культурных рас теперь изложены в достаточном количестве. В качестве примера идей, преобладавших в американской расе высокой культуры, мы можем взять легенду о пироге с заварным кремом, приведенную в "Пополь Вух", постхристианском сборнике священных мифов нации, записанном после испанского завоевания и опубликованном на французском языке аббатом Брассером де Бурбургом.(1)

(1) Смотрите "Пополь Вух" в "Чипсах мистера Макса Мюллера из немецкой мастерской" с обсуждением его подлинности. В своих "Анналах какчикелей", народа, граничащего с кишми, доктор Бринтон выражает свою веру в подлинный характер текста. Сравните Bancroft, iii, стр. 45. Древняя и оригинальная "Пополь Вух", туземная книга, написанная туземными буквами, исчезла во время испанского завоевания.

Кичи, как и их соседи какчикели, были высокоразвитой расой, обладавшей хорошо построенными городами, дорогами и жизненным искусством, а также были великими земледельцами. Кукуруза, основной продукт питания этих развитых американцев, была почти таким же великим богом, как Сомат у индоариев. Кичи были знакомы со своего рода графическим письмом и обладали записями, в которых миф вошел в историю. "Пополь Вух", или "книга народа", выдает себя за послеколумбову копию этих традиций и, несомненно, может содержать европейские идеи. Как мы видим в "Commentarias Reales" инки-полукровки Гарсиласо де ла Вега, покоренный народ стремился доказать, что их верования ни в коем случае не были такими иррациональными и "дьявольскими", какими их представляли испанские критики. Согласно Пополь Вух, вначале не было ничего, кроме воды и пернатого змея, одного из их главных божественных существ; но каким-то образом существовали и "те, кто дал жизнь". Их имена означают "стреляющий из духовой трубки в койота", "в опоссума" и так далее. Они сказали "Земля", и там БЫЛА земля, и на ней росли растения. Животные последовали за ними, и Дарители жизни сказали: "Назовите наши имена", но животные могли только кудхатать и квакать. Тогда сказали Дающие: "Поскольку вы не можете восхвалять нас, вы будете убиты и съедены". Затем они создали людей из глины; эти люди были слабыми и водянистыми, и вода уничтожила их. Затем они сделали мужчин из дерева и женщин из сердцевины деревьев. Эти куклы женились и выдавали замуж, и населили землю деревянными манекенами. Эта неудовлетворительная раса была уничтожена дождем из смолы и дикими зверями. Выжившие превратились в обезьян. Затем наступил период, посвященный самым диким подвигам увеличенной неестественной расы и животных. Запись похожа на описание сверхъестественной пантомимы — кошмара бога. Титаны опрокидывают холмы, превращаются в камень и ведут себя как Хейтси Эйбиб в мифах Намакуа.

Наконец, люди были сделаны из желтой и белой кукурузы, и это приносило больше удовлетворения, но их зрение было сужено. Они, однако, выжили и стали родителями нынешней разновидности человечества.

Здесь мы объединяем концепции творения и эволюции. Люди СОЗДАНЫ, но выживают только наиболее приспособленные; остальным либо уничтожают, либо позволяют развиваться в низшие виды. Подобную смесь тех же идей можно найти у одного из брахманов среди ариев Индии. Следует отметить, что мифы о пироге с заварным кремом, записанные в "Пополь Вух", содержат не только следы веры в творческое слово и силу, но и множество гимнов возвышенного и прекрасного религиозного характера.

"Радуйся! О Создатель, о Бывший! Ты, слышащий и понимающий нас, не покидай нас, не покидай нас! О Боже, ты, сущий на небесах и на земле, О Сердце Небес, О Сердце Земли, дай нам потомков до тех пор, пока существует свет".

Это пример молитв людей, сделанных из кукурузы, специально для того, чтобы они могли "призвать имя" бога или богов. Должны ли мы приписать этот и подобные ему отрывки христианскому влиянию (поскольку "Пополь Вух" в том виде, в каком мы его знаем, является всего лишь попыткой собрать фрагменты утраченной книги, которые остались в умах людей после завоевания), или же более чистые части мифа обусловлены неискренности местных жителей в рефлексии и благочестии, определить невозможно. Маловероятно, чтобы идеи враждебной расы были привнесены в религиозные гимны их жертвами. Здесь, как и везде в священных легендах цивилизованных народов, сосуществуют различные пласты мифической и религиозной мысли.

Ни один американский народ не достиг такого уровня цивилизации, как ацтеки Анауака, столицей которого был город Мехико. Нет необходимости здесь повторять историю их величия и их падения. Какой бы неясной ни была их история до испанского вторжения, несомненно, что они обладали высокоорганизованным обществом, укрепленными городами, основанными колледжами или духовенством, великолепными храмами, тщательно разработанным календарем, огромным богатством драгоценных металлов, довольно совершенным искусством рисования картин и деспотическим центральным правительством. Высшие классы в подобном обществе не могли не развивать спекулятивные системы, и утверждается, что незадолго до правления Монтесумы предпринимались попытки ввести чистую монотеистическую религию. Но ритуал ацтеков оставался примером крайнего варварства. Никогда не было более жестокой веры, даже в Карфагене. Нигде в храмах не воняло так сильно от луж человеческой крови; нигде больше, только не в Дагоме и Ашанти, человеческие жертвоприношения, каннибализм и пытки не были столь необходимы для культа, снискавшего благосклонность богов. В этих темных храмах, пропитанных запахом крови, населенных чудовищными фигурами идолов с птичьими или звериными головами и украшенных отвратительной резьбой, на которой мы до сих пор видим священника под маской какого-нибудь менее хищного лесного зверя, терзающего жертву, - в этих отвратительных храмах кастильские завоеватели вполне могли поверить, что видят жилища дьяволов.

Однако мексиканская религия имела свой нравственный и прекрасный аспект, и боги, или некоторые из богов, требовали от своих почитателей не только окровавленных рук, но и чистых сердец.

К богам мы вернемся позже. Мифы о происхождении вещей можно изучать, не зная всего пантеона ацтеков. Наши источники, хотя и многочисленны, лишены полной оригинальности и иногда путаются. Сначала у нас есть памятники ацтеков и иероглифические свитки, по большей части нерасшифрованные. Они просто свидетельствуют об отвратительном и жестоком характере божеств. Далее у нас есть сообщения о ранних миссионерах, таких как Саагун и Мендьета, о завоевателях, таких как Берналь Диас, и о благородных полукровках, таких как Икстлильшочитль.(1)

(1) Книга Бэнкрофта "Коренные народы Тихоокеанского побережья Северной Америки", том iii, содержит описание источников, и здесь в основном следуют Саагуну и Акосте. См. также J. G. Muller, Ur. Amerik. Отв., стр. 507. См. главу "Божественные мифы Мексики".

В мексиканском, как и в пироге с заварным кремом, есть два элемента, и индоарийский, и маорийский, и даже андаманский космогонический миф. Мы находим, что более чистая религия и по-настоящему философские рассуждения соседствуют с такими грубыми и детскими историями, которые обычно удовлетворяют интеллектуальные запросы ацтеков, кароков и бушменов; но о более чистых и умозрительных мнениях мы знаем мало. Многие из благородных, ученых и священнослужителей ацтеков погибли во время завоевания. Выжившие были более или менее обращены в католицизм и в своих трудах, вероятно, наилучшим образом представили местную религию. Подобно испанскому духовенству, их наставникам, они были склонны объяснять своих национальных богов системой эвгемеризма, принимая как должное, что боги и культурные герои изначально были обычными людьми, которым поклонялись после их смерти. Такой точки зрения почти неизменно придерживается Саагун. Бок о бок с исповеданиями, так сказать, духовенства и культурных классов сосуществовали народные верования, мифы народа, имеющие характер фольклора, но не отвергаемые духовенством.

Оба пласта верований представлены в сохранившихся космогонических мифах ацтеков. Вероятно, мы можем отнести к первому, или ученому и умозрительному классу сказаний, рассказ о серии построений и реконструкций мира. Эта идея не присуща высшим мифологиям, представление о потопе и воссоздании или обновлении вещей почти универсально, и даже среди необразованных австралийцев сохранились воспоминания о потопе и эпохе разрушительных ветров. Но теория определенных эпох, рассчитываемых в соответствии с мексиканским календарем, эпох, в течение которых вещи создавались и переделывались, близко соответствует индоарийской концепции последовательных кальп и может быть развита только после того, как метод счета времени был доведен до некоторого совершенства. "Когда небо и земля были созданы, они уже четыре раза создавались и разрушались", - говорится в фрагментах так называемого манускрипта Чимальпопоки. Вероятно, эта теория о серии кальп - лишь один из приемов, с помощью которых человеческий разум пытался обмануть себя, заставив поверить, что он может постичь начало вещей. Земля стоит на слоне, слон на черепахе, и спрашивать, на чем стоит черепаха, - это слишком далеко. Точно так же начало мира, кажется, становится более понятным или менее загадочным, когда его отбрасывают назад, в ряд начал и концовок. Этот метод также соответствовал тем смутным идеям эволюции выживания наиболее приспособленных, которые мы обнаружили в мифах. Различные пробные человеческие расы Пополь Вух выродились или были уничтожены, потому что они не соответствовали целям, для которых были созданы. В брахманических мифах мы увидим, что один тип за другим подвергался осуждению и погибал из-за того, что был неадекватен или недостаточно оснащен - из-за того, что не гармонизировал со своим окружением.(1) Согласно

философии ацтеков и индоарийцев, для этих серий экспериментальных творений и неэффективных эволюций требовались огромные промежутки времени. Не исключено, что настоящие наводнения и великие потрясения природы, возможно, были запечатлены в традиции и, возможно, придали цвет и форму этим несколько философским мифам о происхождении. Из таких источников, вероятно, исходит мексиканская гипотеза о периоде воды (заканчивающемся потопом), периоде земли (заканчивающемся землетрясением), периоде ветра (заканчивающемся ураганами) и нынешнем устройении, которое будет уничтожено огнем.

(1) В качестве примера неясной эволюционной идеи обратите внимание на мифы разных эпох, о которых сообщает Мендиета, согласно которым существовало пять более ранних эпох, "или солнц" плохого качества, так что современные люди не могли питаться плодами земли.

Менее философская и более популярная ацтекская легенда о сотворении мира примечательна главным образом тем, что в ней придается большое значение предметам из камня. По какой-то причине камни играют гораздо большую роль в американской мифологии, чем в других. Изумруд поклонялись в храме Пачакамака, который, по словам Гарсиласо, был верховным и духовным божеством инков. Легенда о создании гватемальских какчикелей (1) много говорит о таинственном, первобытном и ожившем камне обсидиане. В мифах ирокезов (2) камни являются главными персонажами. Не избежал этого влияния и ацтекский миф.

(1) Бринтон, "Анналы Какчикелей".

(2) Эрминия Смит, Бюро этнографии. Отчет, ii.

На небесах жили бог по имени Читлалатонак и богиня Читлаликуэ. Когда мы говорим о "небесах", мы, вероятно, должны думать о каком-то подобном мире обычной земной природы над небом, подобном тому, с которого упал Атаэнцик в истории гурунов. Богиня произвела на свет кремневый нож и бросила кремь на землю. Это ненормальное рождение частично соответствует рождению самого молодого из адитьев, отвергаемому аборт в Ведах, и аналогичному рождению и отвержению острова Мауи в Новой Зеландии. Из упавшего кремневого ножа возникли наши старые друзья - увеличенные неестественные существа с человеческими характеристиками, "боги", число которых достигло 1600. Боги послали ястреба (который в Индии и Австралии обычно выходит на первый план в таких случаях) и попросили свою мать, или, скорее, бабушку, помочь им создать людей, стать их слугами. Читлаликуэ скорее насмеялась над своим легкомысленным отпрыском. Она посоветовала им пойти к владыке домов усопших, Миктлантекти, и позаимствовать кость или немного праха умерших, которые находятся с ним. Мы никогда не должны требовать от мифов последовательности. Это утверждение подразумевает, что люди уже существовали, хотя они еще не были сотворены. Возможно, они погибли в результате одного из четырех великих разрушений. С трудом и опасностью боги украли кость у Гадеса, положили ее в чашу и обмазали своей собственной кровью, как это было в Халдее и других местах. Наконец, из чаши родились мальчик и девочка. От этой пары произошли мужчины, и некоторые из богов, прыгнув в печь, стали солнцем и луной. Затем они, на манер ацтеков, принесли себя в жертву солнцу, и на этом, можно подумать, им пришел конец. Новопоследствии они в чудесных обликах явились своим поклонникам и

установили религиозный ритуал. Согласно другой легенде, мужчина и женщина (как в африканских мифах) с трудом выбрались из ямы в земле.(1)

(1) Авторитетные источники: Икстлиль.; Кингсборо, ix. стр. 205, 206; Саагун, История. Быт., i. 3, vii. 2; J. G. Muller, стр. 510, где Мюллер сравнивает дельфийскую концепцию возрастов мира; Бэнкрофт, iii. стр. 60, 65.

Мифы народов, находившихся под властью империи инков в Перу, чрезвычайно интересны, потому что почти все мифические образования существуют вместе, в то время как у нас есть исторические свидетельства относительно порядка и способа их развития. Перу инков охватывало современное государство с тем же названием и включало Эквадор с частями Чили и Боливии. М. Ревилл подсчитал, что империя имела около 2500 миль в длину, что в четыре раза больше, чем Франция, и что ее ширина составляла от 250 до 500 миль. Страна состояла из трех различных климатических регионов и была населена расами самого разного уровня культуры, все они в большей или меньшей степени подчинялись владычеству Детей Солнца. Этими тремя регионами были засушливая полоса вдоль побережья, плодородные и возделанные земли вокруг отрогов Кордильер и внутренние горные районы, населенные самыми дикими расами. Недалеко от Куско, столицы инков, находилось озеро Титикака, так сказать, Средиземное море Перу, поскольку на берегах этого внутреннего моря развивалась главная цивилизация нового света.

Что касается институтов, мифов и религии империи, то мы располагаем обильной, хотя и противоречивой информацией. Есть рассказы об испанских завоевателях, особенно о капеллане Писарро, Вальверде, невежественном фанатичном фанатике. Затем у нас есть несколько более поздние путешественники и миссионеры, из которых Съеза де Леон (его книга была опубликована через тридцать лет после завоевания, в 1553 году) является одним из самых заслуживающих доверия. "Королевские комментарии" Гарсиласо де ла Веги, сына женщины-инки и испанского завоевателя, уже часто цитировались. Критический дух и здравый смысл Гарсиласо резко контрастируют с тупой ортодоксальностью испанцев, но следует сделать некоторую скидку на его пылкий перуанский патриотизм. Он слышал, как в детстве повторялись традиции инков, и очень рано собрал всю информацию, которую могли передать ему его мать и дядя по материнской линии или которую можно было извлечь из кипу (записей на завязанном шнуре) и памятных фотографий его предков. Более того, Гарсиласо имел доступ к "разорванным бумагам" Бласа Валеры, раннего испанского миссионера, отличавшегося необычным чутьем и проницательностью. Кристовал де Молуна также является превосходным авторитетом, и многое можно почерпнуть из сборника обрядов и законов Инка.(1)

(1) Более полный список авторитетов, включая болтливого Акосту, опубликован М. Ревиллом в его Лекциях Хибберта, стр. 136, 137. Гарсиласо, Съеза де Леон, Кристовал де Молуна, Акоста и "Обряды и законы" переведены мистером Клементсом Маркхэмом и опубликованы с учеными и остроумными примечаниями редактора в сборнике Общества Хаклюит. Необходимо соблюдать осторожность, проводя различие между тем, что сообщается об индейцах различных провинций, которые находились на совершенно разных уровнях культуры, и тем, что говорится о самих инках.

Политическое и религиозное состояние перуанской империи очень ясно понято и изложено Гарсиласо. Не принимая во внимание должным образом ту загадочную раннюю цивилизацию, более древнюю, чем инки, чьи циклопические сооружения вызывают восхищение

путешественников, Гарсиласо приписывает возникновение цивилизации своим собственным предкам. Принимая во внимание то, что в его повествовании, по общему признанию, является мифическим, следует признать, что он твердо представляет, какой должна была быть реальная история. Он признает период дикости до инков, состояние самого грубого варварства, которое все еще существовало на окраинах и в горных уголках империи. Религией того периода были просто магия и тотемизм. Различные дикие племена Перу заявляли о своем происхождении от всевозможных природных объектов, но главным образом от зверей и птиц, они почитали своих тотемных предков и приносили им жертвы.(1) Гарсиласо добавляет, что почти невероятно, что индейцы покорно позволяли своим тотемам есть себя, хотя те были плотоядными животными. Они делали это с меньшей неохотой, поскольку были каннибалами и привыкли разводить детей для приготовления пищи из пленных женщин, захваченных на войне.(2) Среди уака, или идолов, тотемов, фетишей и других восхитительных предметов индейцев, которым поклонялись до и сохранились после введения тотема солнца и солнечного культа инков, Гарсиласо называет деревья, холмы, скалы, пещеры, фонтаны, изумруды, куски яшмы, тигров, львов, медведей, лисиц, обезьян, кондоров, сов, ящериц, жаб, лягушек, овец, кукурузу, море, "за неимением богов покрупнее", крабов и летучих мышей. Летучая мышь также была тотемом зоциля, главного семейства какчикелей Гватемалы, и всевышнему богу какчикелей поклонялись в форме летучей мыши. Это напоминает нам о религии в том виде, в каком она существует на Самоа. Объяснение Бласа Валеры состояло в том, что в каждом тотеме (пакариссе) индейцы поклонялись дьяволу.

(1) Ком. Реал., том i., глава ix., x. xi. стр. 47-53.

(2) Cieza de Leon, xii., xv., xix., xxi., xxiii., xxvi., xxviii., xxxii. Съеза говорит о людях в долине Каука, в Новой Гранаде.

На смену этой ранней религии тотемов и фетишей, по повествованию Гарсиласо, пришла более чистая религия инков, с тем, что он рассматривает как философское развитие веры в Высшее Существо. По его словам, поклонение солнцу инков на самом деле было тотемизмом более возвышенного характера. Инки "умели выбирать богов лучше, чем индейцы". Теория Гарсиласо заключается в том, что более ранние тотемы выбирались в основном в качестве отличительных знаков различными племенами, хотя, конечно, это не объясняет, почему животным или другим объектам каждой семьи поклонялись или их считали предками, а также кровных связей мужчин, которые их обожали. Инки, презиравшие крабов, ящериц, летучих мышей и даже змей и львов, "выбрали" солнце. Затем, точно так же, как и другие тотемические племена, они притворились, что принадлежат к крови и линии солнца.

Эта басня, вкратце, является мифом инков о происхождении цивилизации и человека, или, по крайней мере, об их породе людей. Как хорошо замечает М. Ревилл, очевидно, что притязания инков являются адаптацией местного мифа об озере Титикака, внутреннем море Перу. Согласно этому мифу, Дети Солнца, предки инков, вышли из земли (как в греческих и африканских легендах) у озера Титикака или достигли его берегов после того, как выбрались из ямы или пещеры, откуда они впервые появились. Миф, адаптированный инками, принимает как должное предыдущее существование человечества, и в некоторых его формах периоду правления инков предшествует всемирный потоп.

О перуанском мифе о происхождении вещей следующий отчет дает испанский священник Кривовал де Молина в отчете епископу Куско в 1570 году. (1) История была собрана из уст древних перуанцев и старых местных священников, которые, опять же, частично черпали свою

информацию из раскрашенных записей, хранящихся в храме солнца близ Куско. Легенда начинается с мифа о всемирном потопе; катаклизм положил конец периоду существования человечества. Все человечество погибло, за исключением мужчины и женщины, которые плавали в ящике на расстоянии нескольких сотен миль от Куско. Там создатель повелел им поселиться, и там, подобно Панджелю в Австралии, он сделал глиняные изображения людей всех рас, одетых в их национальную одежду, а затем оживил их. Все они были вылеплены и раскрашены как настоящие модели, и были снабжены их национальными песнями и семенами кукурузы. Затем они были помещены в землю и появились по всему миру в нужных местах, некоторые (как в Африке и Греции) выходили из фонтанов, некоторые - из деревьев, некоторые - из пещер. По этой причине они делали уаки (предметы поклонения или фетиши) из деревьев, пещер и фонтанов. Некоторые из первых людей были превращены в камни, другие - в соколов, кондоров и других существ, которые, как мы знаем, были тотемами в Перу. Вероятно, этот миф о метаморфозах был придуман для объяснения почитания тотемов, или пакарисс, как называли их перуанцы. В Тиауанако, где происходило сотворение или, скорее, изготовление людей, творец превратил многих грешников в камни. Солнце было создано в форме человека, и, взмывая в небеса, оно дружески воззвало к Манко Капаку, Идеальному первому инке: "Смотри на меня как на своего отца и поклоняйся мне как своему отцу". В этих баснях творец называется Пачьячачи, "Учитель мира". Согласно Кристовалу, творец и его сыновья были "вечными и неизменными". Среди канарисов мужчины происходят от переживших всемирный потоп и прекрасной птицы с лицом женщины, на самом деле сирены, но орнитологам больше известной как ара. "Главной причиной этих басен, - говорит добрый Кристовал, - было незнание Бога".

(1) Обряды и законы Инка, стр. 4, Общество Хаклуит, 1873.

История, рассказанная Съезой де Леоном, звучит так: (1) Белый человек огромного роста (фактически, "увеличенный неестественный человек") пришел в мир и дал жизнь животным и людям. Его звали Тичивиракоча, и его называли Отцом Солнца. (2) В храме есть его изображения, и он считался учителем морали. По-видимому, именно благодаря этому великодушному существу из пещеры вышли четыре таинственных брата и сестры - Дети Солнца, отцы инков, учителя дикарей. Однако их собственное поведение не было образцовым, и они заперли в яме в земле брата, которому завидовали. Этот инцидент даже чаще встречается в преданиях или домашних сказках, чем в обычных племенных или национальных мифах мира. (3) Похороненный брат снова появился с крыльями, и "без сомнения, это был какой-то дьявол", - говорит честный Съеза де Леон. Этим братом был Манко Капак, героический предок инков, и он превратил своих ревнивых братьев в камни. Вся история выдержана в духе более диких романсов Пополь Вух.

(1) Вторая часть "Хроник Перу", стр. 5.

(2) См. Создание религии, стр. 265-270. Имя и Бог вызывают много споров.

(3) История Жозефа и марка Жана де л'Ура - хорошо известные примеры.

Гарсиласо приводит три формы этого мифа. Согласно "старому инке", его дяде по материнской линии, именно солнце ниспослало двоих его детей, подарив им золотой посох, который должен был воткнуться в землю в том месте, где они должны были отдохнуть от странствий. Он затонул в озере Титикака. О современных мифах Гарсиласо в целом говорит, что они были "больше похожи на сны", чем на незамысловатые истории; но, как он добавляет, греки и римляне также

"придумывали басни, достойные смеха, и в большем количестве, чем индейцы. Истории одной эпохи язычества можно сравнить с историями другой, и во многом они совпадут". Эта критическая позиция Гарсилассо подтвердится, когда мы обратимся к мифам греков и индоариев. В мифе, рассказанном к северо-востоку от Куско, говорится о четырех братьях и четырех сестрах, которые вышли из пещер, а пещеры во времена инков были отделаны панелями из золота и серебра.

На фоне всех этих низших мифов, пережитков дикой стадии, возникает то, что Гарсиласо считает философской верой инков в Пачакамак. Это божество, по мнению Гарсилассо, было чисто духовным: у него не было изображения и он не обитал ни в каком храме; на самом деле, это тот самый Бог, которого провозглашали испанские миссионеры. Этой точки зрения, хотя сам факт подвергался сомнению, весьма вероятно, придерживались амаутас, или философский класс в Перу. (1) Съеза де Леон говорит: "имя этого дьявола, Пачакамак, означает создатель мира". Гарсиласо настаивает на том, что Пачакамак был *animus mundi*; что он не "создавал мир", как Панджель и другие дикие демиурги, но что он был для вселенной тем, чем душа является для тела.

(1) Ком. Настоящий., том i. стр. 106.

Здесь мы оказываемся, если вообще среди мифов, среди мифов метафизики — рациональных мифов; то есть мифов, соответствующих нашей нынешней стадии мышления и, следовательно, понятных нам. Пачакамак "создал солнце, молнию и гром, и инки поклонялись Солнцу". Гарсиласо отрицает, что поклонялись луне. Размышления инки-скептика или монотеиста, заявившего, что солнце отнюдь не является свободным агентом, а "похоже на вещь, выполняющую свою задачу", приводятся Гарсиласо и, по-видимому, доказывают, что поклонение солнцу уступило место в умах образованных перуанцев за сто лет до прибытия Писарро и Вальверде с его молитвенником. (1)

(1) Гарсиласо, viii. 8, цитирует Бласа Валеру.

Из этого краткого изложения следует, что высшая перуанская религия поставила себе на службу и династическим целям инков местный миф о знакомом классе, в котором люди появляются готовыми из ям в земле. Но в Перу мы и близко не находим такого изобилия других мифов о происхождении дикарей, какое, как будет доказано, существует в легендах греков и индоариев. Причина, вероятно, в том, что Перу не оставило родной литературы; миссионеры презирали рассказы о "дьяволах", а здравый смысл и патриотизм Гарсиласо были в равной степени возмущены случаями, связанными с историями, "больше похожими на сны", чем на правдивые записи. Поэтому он хранил о них молчание. С другой стороны, в Греции и Индии местная религиозная литература сохранила мифы о создании человека из глины, о его рождении из деревьев и камней, о создании вещей из фрагментов изувеченных богов и титанов, о космическом яйце, о раздирании и нанесении увечий личному небу и личной земле, о выуживании из вод крошечной земли, которая становилась все больше, о развитии человека из животных, а также о дюжине других подобных представлений, которые знакомы современным бушменам, австралийцам, индейцам-копателям и кахрокам. Но в Греции и Индии эти идеи сосуществуют с мифами и религиозными верованиями, такими же чисто духовными и метафизическими, как вера в пачакамак из Гарсиласо и амаутас из Перу.

ГЛАВА VII. ИНДОАРИЙСКИЕ МИФЫ -ИСТОЧНИКИ СВИДЕТЕЛЬСТВ.

Авторитеты—Веды—Брахманы—Социальное положение Ведической Индии—Искусство—Ранги—Война—Ведический фетишизм—Поклонение предкам—Дата написания гимнов Ригведы сомнительна-Неясность гимнов—Трудность интерпретации истинного характера Веды— Не примитивный, а священнический—Моральная чистота, не невинность, а утонченность.

Прежде чем рассматривать мифы индийских ариев, необходимо иметь четкое представление о природе свидетельств, из которых мы черпаем наши знания об этом предмете. Это свидетельство содержится в большой и неуместной массе литературных документов, являющихся наследием индийского народа. В этой массе представлены чрезвычайно древние тексты (Ригведа и Атхарва-веда), пояснительные комментарии, датированные настолько более поздней датой, что первоначальный смысл более древних документов иногда терялся (брахманы), а также поэмы и легендарные сборники еще более позднего периода, периода, когда весь характер религиозной мысли ощутимо изменился. В этой литературе действительно прослеживается определенная преемственность; имена нескольких богов древнейших времен сохранились в легендах позднейших. Но влияние многих веков перемен, противостоящих философий, периодов национального роста и продвижения, а также национального упадка сказалось на мифологии Индии. Здесь мы имеем мифы, которые, возможно, изначально были популярными сказками и, вероятно, древними; здесь же мы имеем более поздние легенды, которые, несомненно, были созданы в узких умах педантичного и церемонного духовенства. Конечно, невозможно проанализировать в этом месте все мифы всех периодов; мы должны довольствоваться указанием на некоторые, которые кажутся типичными примерами работы человеческого интеллекта в его раннем или позднем детстве, в далекие часы варварского зарождения или в старости его священства.

Документы, содержащие индийскую мифологию, можно разделить, вообще говоря, на четыре класса. Первый, и самый древний по времени составления, - это сборники гимнов, известные как Веды. Следующими и (судя по дате сбора) гораздо менее древними являются пояснительные тексты, называемые Брахманами. Еще позже появляются другие руководства по преданности и священному учению, называемые Сутрами и Упанишадами; и последними идут эпические поэмы (Итихасы) и книги легенд, называемые Пуранами. Нас здесь в основном интересуют Веды и брахманы. Пропась времени, период социальных и литературных изменений, отделяет брахманов от Вед. Но эпосы и Пураны, возможно, еще больше отличаются от Брахманов из-за обширных религиозных изменений, которые привели новых богов на индийский Олимп или возвели на высочайшее место старых богов, ранее занимавших низкое положение. Начиная с сочинения первого ведического гимна и заканчивая компиляцией новейших Пуран, религиозная и мифопоэтическая фантазия никогда не знала покоя.

Различные мотивы побуждали разных поэтов по разным поводам приписывать высшие силы тому или иному богу. Самые древние легенды, вероятно, были опущены или смягчены каким-

нибудь ранним ведическим бардом (риши) благородного гения, или, опять же, нечистые мифы были извлечены из мрака устного обращения и внедрены в литературу каким-нибудь поэтом, менее вдохновленным Богом. Старые божества были полузабыты, и забытые божества были воскрешены. Мудрецы сбрасывали с себя оковы суеверий, жрецы ковали новые оковы по древним образцам для себя и своих паств. Философия опровергла более унижительные мифы; мифы как унижительные были предложены темным и раболепным сердцам ненаучными этимологиями. Над всей массой древней мифологии разрасталась новая мифология об униженном брахманическом ритуализме, подобно какому-то роскошному и пагубному паразиту. Для нашей цели будет достаточно, если мы сможем показать, что даже в самой чистой и античной мифологии Индии элемент традиционной дикости сохранился и сыграл свою роль, и что иррациональные легенды Вед и брахманов часто можно объяснить как пережитки философии или веры дикарей или как нововведения, разработанные по древней модели дикарей, заимствованной или присущей этой расе.

Древнейшими документами индийской мифологии являются Веды, которых обычно насчитывается четыре. Старейшим, опять же, из четырех, является "Санхита" ("собрание") Ригведы. Это чисто лирический сборник песен, "которые индусы привезли с собой из своих древних домов на берегах Инда". В рукописях гимны классифицированы в соответствии с семьями поэтов, которым они приписываются. Хотя гимны были сочинены на берегах Инда священными бардами, они были составлены и аранжированы в самой Индии. В какое время впервые были исполнены древнейшие гимны, из которых составлен этот сборник, невозможно сказать даже с приблизительной уверенностью. Мнения расходятся или расходились между 2400 и 1400 годами до нашей эры, когда боги и люди, возможно, впервые услышали самые ранние священные тексты Вед. В дополнение к Ригведе у нас есть "Санхита Сама-Веды", "антология, взятая из Рик-Самхиты, включающая те ее стихи, которые предназначались для распевания на церемониях жертвоприношения сомы".(1) Предполагается, что гимны Сама-Веды были заимствованы из Ригведы до того, как последняя была отредактирована и стереотипизирована в ее нынешнем виде. Далее следует "Яджур-веда", "которая содержит формулы для всего церемониала жертвоприношения и действительно составляет его надлежащую основу", остальные Веды посвящены жертвоприношению сомы.(2) Яджур-Веда состоит из двух разделов, известных как Черный и Белый Яджур, которые имеют общую суть, но различаются по расположению. Черную Яджур-веду также называют Тайттирьей, и она описывается как "пестрая непереваренная мешанина различных кусочков".(3) Последней идет Атхарва-Веда, которая, вообще говоря, не всегда рассматривается как Веда в полном смысле этого слова. Он получил свое название от древней полумифической жреческой семьи Атхарванов и полон магических формул, проклятий, народных преданий и заклинаний. Есть веские причины рассматривать это издание как сборник, какими бы ранними ни были магические идеи, выраженные в его содержании.(4)

(1) Вебер, История индийской литературы, английский перевод, стр. 63.

(2) Там же, стр. 86.

(3) Там же, стр. 87. Имя Тайттирья происходит от куропатки или от риши по имени Куропатка на санскрите. Существует история о том, что ученики мудреца были превращены в куропаток, чтобы подбирать священные тексты.

(4) Барт ("Религии Индии", стр. 6) считает, что существование такого собрания, как Атхарва-Веда, подразумевается, возможно, в тексте Ригведы, х. 90, 9.

Между Ведами или, во всяком случае, между древнейшей из Вед и сборником брахманов, этими "канонизированными объяснениями канонизированного текста", (1) вероятно, прошло несколько столетий и произошло множество социальных изменений.(2)

(1) Уитни, Востоковедческие и лингвистические исследования, Первая серия, стр. 4.

(2) Макс Мюллер, Биографические очерки, стр. 20. "Части в прозе предполагают гимны, и, судя по полной неспособности авторов "Брахманов" понимать устаревший язык гимнов, эти брахманы должны быть отнесены к гораздо более позднему периоду, чем тот, который породил гимны".

Если мы хотим подвергнуть документы, касающиеся индийской мифологии, научной критике, то сейчас необходимо попытаться выяснить, насколько это возможно, социальное и религиозное состояние людей, среди которых формировались Веда. Были ли они в каком-либо смысле "примитивными" или были цивилизованными? Была ли их религия в ее неясных зачатках или она уже была особым развитием, плодом многовековой мысли? К сожалению, ученые постоянно и как бы невольно впадают в ошибку, рассматривая Веда как "примитивные", как будто они раскрывают нам "зародыши" и "генезис" религии и мифологии, как будто они содержат простые, хотя и странные высказывания ПРИМИТИВНОЙ мысли.(1) Так, г-н Уитни заявляет в своих Исследованиях по Востоковедению и лингвистике, "что Веда демонстрируют нам самые ранние зародыши индуистской культуры". Г-н Макс Мюллер утверждает, что "ни одна страна не может сравниться с Индией в том, что касается возможностей для реального изучения генезиса и развития религии".(2) Тем не менее, тот же ученый отмечает, что "даже самые ранние образцы ведической поэзии относятся к современной истории расы, и что ранний период исторического развития религии прошел прежде, чем риши (барды) смогли поклоняться своим Дэвам или светлым существам священными гимнами и призывами". Хотя это очевидная истина, священные гимны и призывы риши постоянно используются как свидетельство, свидетельствующее о начале исторического роста религии. Более того, предполагается, что эти остатки "современной истории расы" демонстрируют мифологию в процессе создания, как будто у расы не было никакой мифологии до того, как она достигла сравнительно современного периода, ведической эпохи. В том же духе доктор Мьюир, ученый редактор санскритских текстов, говорит в одном месте, как будто ведические гимны "иллюстрируют естественную работу человеческого разума в период его зарождения".(3) Краткий обзор социального, политического и религиозного состояния человека, описанного поэтами Вед, докажет, что его младенчество давно осталось позади, когда были воспеты первые ведические гимны.

(1) Там же, Ригведа Санхита, стр. vii.

(2) Лекции Хибберта, стр. 131.

(3) Ничто не может более определенно и кратко доказать поздний характер ведической веры, чем тот факт, что эту веру уже приходилось защищать от нападок скептиков. Нечестивые отрицали существование Индры, потому что он был невидим. Ригведа, ii. 12, 5; viii. 89, 3; v. 30, 1-2; vi. 27, 3. Берген, ii. 167. "Es gibt keinen Indra, so hat der eine und der ander gesagt" (Ludwig's version).

Как отмечает Барт, сами идеи, которыми пронизаны Веды, идея мистической действенности жертвоприношения, идея брахмы, доказывают, что стихи носят глубоко сакральный характер; и это должно было бы заставить задуматься авторов, которые упорно представляли гимны как работу первобытных пастухов, восхваляющих своих богов, когда они пасут свои стада.(1) В ведическую эпоху общественные ранги уже были определены по крайней мере так же четко, как в гомеровской Греции. "Мы, люди, - говорит поэт Ригведы (2), - обладаем самым разным воображением и замыслами. Плотник ищет что-то сломанное, врач - пациента, священник - кого-то, кто предложит возлияния.... Ремесленник постоянно ищет человека с большим количеством золота.... Я поэт, мой отец -врач, а моя мать - мясорубка кукурузы". Колесницы и искусство строителей колесниц упоминаются так же часто, как и в "Илиаде". Копья, мечи, топоры и кольчуги были в обычном употреблении. Искусство постройки лодок или судостроения было хорошо известно. Коров и лошадей, овец и собак издавна приручали. Лук был излюбленным оружием, и воины сражались на колесницах, подобно гомеровским грекам и египтянам. Широко практиковалось ткачество. Люди, вероятно, жили, как правило, в сельских поселениях, но города или укрепленные места ни в коем случае не были неизвестны.(3) Что касается политического общества, "короли часто упоминаются в гимнах", и "считалось в высшей степени полезным для короля принимать семейного священника", которому он, как ожидалось, даровал тысячи коров, прекрасных рабынь и куски золота. В семье полигамия существовала, вероятно, как исключение. Есть основания предполагать, что шурина было разрешено, если от него этого не ожидали, "воздвигнуть семя" своему умершему брату, как у евреев.(4) Что касается литературы, то сама структура гимнов доказывает, что она была тщательно продуманной и сознательно художественной. М. Барт пишет: "Было бы большой ошибкой говорить о примитивной наивности ведической поэзии и религии".(5) С другой стороны, и поэзия, и религия в высшей степени демонстрируют отпечаток жреческого духа. Мифы, хотя изначально и произошли от поклонения природе, в бесконечном большинстве случаев отражают природные явления лишь под покровом ритуальных искажений.(6) Жесткое разделение на касты редко признается в Ригведе. Кажется, мы видим становление касты.(7) Риши и священники из княжеских семей были на пути к тому, чтобы стать всемогущими брахманами. Короли и принцы были на пути к превращению в касту кшатриев, или воинов. Массе людей вскоре предстояло скатиться в касту вайшьев и сломленных людей. Аборигены-неарийцы и другие народы, возможно, развивались в касту шудр. Таким образом, духу разделения и церемониализма еще предстояло одержать некоторые победы. Но необычайное внимание, уделяемое деталям жертвоприношения, и огромная важность, придаваемая им, а также сверхъестественная эффективность, постоянно приписываемая своего рода магическому аскетизму (тапас, аскетический пыл), доказывают, что худшие и наиболее глупые элементы позднего индийского общества и мышления уже в ведическую эпоху были в могуществе.

(1) Les Religions de l'Inde, p. 27.

(2) ix. 112.

(3) Ludwig, Rig-Veda, iii. 203. Города были укреплены деревянными частоколами, которые могли быть уничтожены огнем. "Города", возможно, слишком пышное слово для обозначения того, что, возможно, было больше похоже на пау. Но сравните Казги, Ригведа, примечание 42, англ. перев. Книга Кэги (переведена доктором Эрроусмитом, Бостон, США, 1886), вероятно, является лучшим кратким руководством по этому предмету.

(4) Deut. xxv. 5; Matt. xxii. 24.

(5) Revue de l'Histoire des Religions, i. 245.

(6) Ludwig, iii. 262.

(7) По этому вопросу см. Muir, i. 192, с замечаниями Хауга. "Из всего, что мы знаем, истинное происхождение касты, по-видимому, восходит ко времени, предшествовавшему составлению ведических гимнов, хотя ее развитие в регулярную систему с непреодолимыми барьерами можно отнести только к более позднему периоду ведических времен". Рот подходит к этому вопросу, исходя из слова "браhma", то есть молитвы с мистической действенностью, в качестве отправной точки. От брамы, молитвы, произошел браhma, тот, кто произносит молитвы и совершает обряд. Этот священнослужитель превратился в священника, который для развлечения приносил благословения царям. Это домашнее капелланство (дающее особые и даже сверхъестественные преимущества) стало передаваться по наследству в семьях, и они, объединенные общими интересами, возвысились до касты брахманов. Но в ведическую эпоху только дары молитвы и поэзии выделяли пурохитов, или людей, призванных быть посредниками между богами и смертными. Сравните Людвига, iii. 221.

Таким образом, самоочевидно, что общество, в котором жили ведические поэты, было настолько далеко от ПРИМИТИВНОГО, что даже превосходило высшие формы варварства (такие, как у скифов Геродота и германцев Тацита), и его можно рассматривать как благополучно достигшее порога цивилизации. Общество обладало царями, хотя они могли быть царями небольших общин, как те, кто воевал с Иисусом Навином или сражался под стенами Фив или Трои. Поэтам платили больше, чем, по-видимому, при дворах Гомера или в настоящее время. Для проведения племенных праздников были назначены специальные жрецы, "которые отличились своим всесторонним знанием необходимых обрядов и своей образованностью, и между которыми постепенно возникло своего рода соперничество, в зависимости от того, предполагается, что то или иное племя более или менее преуспело благодаря своим жертвоприношениям".(1) В семье брак священен, и следы полиандрии и левирата, сохранившиеся еще в эпических поэмах, рассматривались как вещи, нуждающиеся в объяснении. Возможно, самой варварской чертой ведического общества, самым необычным пережитком далекого прошлого является сохранение человеческих жертвоприношений, даже в измененной и символической форме.(2)

(1) Вебер, стр. 37.

(2) Уилсон, Ригведа, i. стр. 59-63; Мьюир, i. ii.; Уилсон, Ригведа, i. стр. xxiv., ii. 8 (ii. 90); Айтарея Брахман, версия Хауга, том ii. стр. 462, 469.

Что касается религиозного состояния ведических ариев, мы должны твердо помнить, что в Ведах мы имеем взгляды только риши, то есть священных поэтов на их пути к становлению священной кастой. Они не в большей степени представляют народные верования, чем псалмопевцы и пророки с их высокой монотеистической моралью представляют народные верования Израиля. Вера риши, как будет показано позже, подобно вере псалмопевцев, имеет благородный моральный аспект. И все же определенные элементы этого высшего вероучения уже встречаются в верованиях самых низших дикарей. Риши, вероятно, на самом деле их не ИЗОБРЕТАЛИ. Сознание греха, несовершенства в глазах божественных существ было развито (как это произошло даже в Австралии) и часто исповедуется. Но в целом религия риши

практична — можно даже сказать, магична. Они желают временных благословений, дождя, солнечного света, долгой жизни, власти, богатства в стадах. Вся цель жертвоприношений, которые занимают так много их времени и мыслей, состоит в том, чтобы получить эти блага. Жертва и тот, кто приносит жертву, стоят между богами и людьми. На стороне мужчины - вера, щедрость, непреодолимая сила молитвы и напряженной воли. Жертвоприношение побуждает богов исполнять волю приносящего жертву; предполагается, что оно мистически празднуется как на небесах, так и на земле - боги всегда приносят жертвы. Часто (например, когда требуется дождь) жертвоприношение имитирует цель, которую желательно достичь.⁽¹⁾ Во всех этих вопросах уже соблюдается тщательный ритуал. Мистическое слово "брахма" в значении гимна или молитвы, обладающих непреодолимой и магической силой, уже вошло в обиход. "Брахма" почти соответствует маорийскому "каракия", или заклинанию и чарам. "Этот брахма из Вишвамитры защищает племя Бхараты". "Атри четвертой молитвой обнаружил солнце, скрытое нечестивой тьмой".⁽²⁾ Сложный ритуал, в котором молитва и жертвоприношение должны были оказывать сдерживающее влияние на сверхъестественные силы, уже существовал, по мнению Хауга, во времена главных риши или составителей гимнов Ригведы.⁽³⁾

(1) Сравните "Молитвы дикарей" в "Примитивных манерах" Дж. А. Фаррера и Людвиг, iii. 262-296, и см. Bergaigne, *La Religion Vedique*, том i, стр. 121.

(2) См. Тексты в Muir, i. 242.

(3) Предисловие к переводу "Айтарейи Брахмана", стр. 36.

Во многих отношениях природа идеи божественного, которой придерживались риши Ригведы, все еще является предметом обсуждения. В главе о ведических богах будут приведены те подробности, которые можно установить. Грубо говоря, религия - это в основном, хотя и не полностью, культ ведомственных богов, первоначально, в определенных случаях, сил Природы, но наделенных моральной серьезностью. Относительно фетишизма в Ведах мнения ученых разделились. М. Бержень (1) рассматривает весь ритуал в целом как, практически, организованный фетишизм, используемый для воздействия на богов гораздо более высокого и чистого характера. М-р Макс Мюллер отмечает: "камни, кости, раковины, травы и все другие так называемые фетиши просто отсутствуют в старых гимнах, хотя они появляются в более современных гимнах, особенно в "Атхарва-Веде". Когда в Ригведе упоминаются и прославляются искусственные объекты, это только те, которые могли бы быть восхвалены даже Вордсвортом или Теннисоном — колесницы, луки, колчаны, топоры, барабаны, жертвенные сосуды и подобные предметы. Они никогда не приобретают какого-либо индивидуального характера; о них просто упоминают как о полезных или драгоценных, они могут быть такими же священными".⁽²⁾

(1) *La Religion Vedique*, vol. i. p. 123. "Le culte est assimilable dans une certaine mesure aux incantations, aux pratiques magiques."

(2) Лекции Хибберта, стр. 198.

Когда мистер Макс Мюллер отрицает существование фетишистских "трав", он, конечно, не забывает о Соме, этом божественном соке. Следует также отметить, что в современной Индии, как отмечает сам мистер Макс Мюллер, сэр Альфред Лайалл считает, что "земледелец молится своему плугу, а рыбак - своей сети", поскольку в настоящее время эти объекты являются фетишами. В противовес м-ру Макс Мюллеру Барт утверждает, что тот же вид фетишизма,

который процветает сегодня, процветает и в Ригведе. "Горы, реки, источники, деревья, травы вызываются как очень многие силы. Животные, которые живут рядом с человеком — лошадь, корова, собака, птица и животные, которые ставят под угрозу его существование, — получают культ восхваления и молитвы. Среди ритуальных инструментов некоторые предметы представляют собой нечто большее, чем просто освященные предметы — они являются божествами; и боевая колесница, оружие защиты и нападения, плуг являются объектами не только благословений, но и молитв". (1) Эти абсолютные противоречия в фактических вопросах, конечно, усугубляют трудность понимания ранней индоарийской религии. Один авторитет утверждает, что ведические люди поклонялись фетишам; другой авторитет отрицает это.

(1) Барт, "Религии Индии", стр. 7, с ведическими текстами.

Были ли риши поклонниками предков? Барт нисколько не сомневается в том, что они были. В питри, или отцах, он узнает духов предков, ныне "спутников богов", и самих богов. Во главе их стоят самые ранние участники жертвоприношения, Атхарваны, ангиры, кави (питри, par excellence), равные величайшим богам, духи, которые С ПОМОЩЬЮ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ вывели мир из хаоса, породили солнце и зажгли звезды", — космические подвиги, которые, как мы видели, низшие расы иногда приписывают своим идеализированным мифическим предкам, "древним-престарым" австралийцев и овахереро.

Здесь уместно привести несколько примеров обращения к духам предков. (1) "Пусть Отцы защитят меня в моем обращении к богам". Вот любопытный случай, особенно если вспомнить, как волк в североамериканской мифе рассыпал звезды, подобные блесткам, по небу: "Отцы украсили небо звездами". (2)

(1) Ригведа, vi. 52,4.

(2) Там же, x. 68, xi.

Мистер Уитни ("Восточные и лингвистические исследования", Первая серия, стр. 59) приводит примеры церемонии кормления арийских духов. "Предполагается, что отцы должны собраться, по надлежащему призыву, у алтаря того, кто воздаст им почести, сесть на солому или циновку, расстеленную для каждого из приглашенных гостей, и принять участие в подношениях, разложенных перед ними". Еда, похоже, в основном состоит из риса, кунжута и меда.

Каким бы важным ни был элемент поклонения предкам в эволюции религии, м-р Макс Мюллер в своих лекциях Хибберта просто отмечает, что мысли и чувства об умерших "обеспечили некоторые из самых ранних и важнейших элементов религии"; но как эти самые ранние элементы влияют на его систему, не раскрывается. Таким образом, по общему мнению, религия ведических поэтов содержала в себе огромное количество элементов в решении — элементов, которые встречаются нам в каждой четверти земного шара. Вера в духов предков, поклонение фетишам, преданность моральному идеалу, созерцаемому в личностях различных божеств, некоторые из которых, по крайней мере, были и частично остаются личными природными силами, — все это перемешано, и все это склоняется к своего рода пантеизму, в котором, хотя все божественно, а богов насчитываются миллионы, у верующего есть проблески одной-единственной божественной сущности. Ритуал, как мы видели, носит более или менее магический характер. Общие элементы верований встречаются в различных пропорциях повсюду; пантеистический мистицизм почти характерен для Индии. Возможно, нет необходимости повторять, что вера, столь сложная и уже столь сильно дифференцированная,

никак не может быть "примитивной" и что верования и обычаи расы, столь высокоорганизованной в обществе и столь хорошо оснащенной материальной цивилизацией, как ведические арии, никак не могут быть "близки к началу". Отнюдь не ожидая найти в Ведах примитивные мифы ариев, мы должны помнить, что миф уже тогда, когда исполнялись эти гимны, стал противным религиозному чувству. "Таким образом, - пишет Барт, - авторы гимнов вычеркнули или, по крайней мере, оставили в тени огромное количество легенд, более древних, чем их время; таких, например, как отождествление сомы с луной, рассказ о божественных семьях, об отцеубийстве Индры, и можно было бы составить длинный список умолчаний Вед.... Было бы трудно извлечь из гимнов главу о любви богов. Богини скрыты вуалью, приключения богов едва затронуты вскользь.... Мы должны учитывать моральную деликатность певцов и их нелюбовь к слишком точным высказываниям о богах. Иногда кажется, что их главной целью было избегать прямоты.... Но часто в этом добровольном затемнении нет ничего, кроме жаргона и лености ума, ибо уже в Ведах индийский интеллект глубоко поражен своей застарелой болезнью напускать на себя таинственность тем сильнее, чем больше ему нечего скрывать; манией разбрасывать символы, которые не символизируют реальности, и забавляться загадками, разгадывать которые не стоит". (1) Барт, однако, также распознает среди этой путаницы "беспокойство глубоко взволнованного сердца, которое ищет истину и искупление в молитве". Таково естественное суждение ясного французского интеллекта о намеренно затуманенном, измученном и уклончивом интеллекте Индии.

(1) Les Religions de l'Inde, p. 21.

Было бы интересно, если бы можно было пролить свет на критику ведической религии, выяснив, какие гимны в Ригведе самые древние, а какие более поздние. Если бы мы могли это сделать, то могли бы сделать выводы о сравнительной древности религиозных идей, содержащихся в стихотворениях. Но критикам, по-видимому, недоступно такое определение относительной древности. М. Бержень считает, что в настоящее время невозможно определить относительный возраст гимнов с помощью какого-либо филологического теста. Высказанные идеи не так легко расположить в порядке датировки. Можно подумать, что стихи, содержащие больше всего церемониальных аллюзий, были последними. Но г-н Макс Мюллер говорит, что "даже в самых ранних гимнах есть чувства, достойные самых продвинутых церемониалистов". (1)

(1) История санскритской литературы, стр. 556.

Первым и древнейшим источником наших знаний об индоарийских мифах является Ригведа, природа и характер которой были описаны выше. Второй источник - Атхарва-Веда с брахманами. Особенностью Атхарвы является собрание магических заклинаний и фрагментов фольклора. Несомненно, они часто относятся к высочайшей древности. Магия и искусство знахарей находятся на более раннем этапе эволюции, чем жречество. Мы встречаем их повсюду среди рас, которые не развили институт ордена жрецов, служащих национальным богам. Как собрание, Атхарва-Веда является более поздней, чем Ригведа, но поэтому нам не нужно делать вывод, что ИДЕИ Атхарвы являются "более поздним развитием более примитивных идей Ригведы". Магия - это *quod semper, quod ubique, quod ab omnibus*; идеи Атхарва-Веды присутствуют повсюду; особые представления Ригведы являются особым достоянием продвинутого и высокоразвитого народа. Даже в нынешнем собранном виде М. Барт считает, что многие гимны Атхарвы написаны ненамного позже, чем гимны Ригведы. М-р Уитни, признавая поздность "Атхарвы" как сборника, говорит: "Это не обязательно означает, что

основная часть гимнов Атхарвы не существовала уже на момент составления "Ригведы".(1) Атхарва называет некоторых поэтов Рига (как это делают и некоторые гимнисты в Риге) более ранними людьми. Если в риге (как говорит Вебер) "дышит живое естественное чувство, теплая любовь к природе, в то время как в атхарве, напротив, преобладает тревожное опасение злых духов и их магической силы", то из этого ни в коем случае не следует, что это опасение имеет более позднее происхождение, чем живое чувство к Природе. Скорее наоборот. Кажется, нет сомнений (2) в том, что стиль и язык атхарва возникли позже, чем язык риг. Рот, который признает изменения в языке и стиле, все же считает "Атхарву" "частью старой литературы".(3) Он приходит к выводу, что "Атхарва" содержит много произведений, которые "как по своему стилю, так и по идеям являются современными старым гимнам Ригведы". В религии, согласно Мьюиру, (4) атхарва демонстрирует прогресс в направлении монотеизма в своем прославлении Брахмана, но он также вводит поклонение змеям.

(1) Журнал Американского восточного общества. iv. 253.

(2) Мьюир, ii. 446.

(3) Там же, ii. 448.

(4) Там же, ii. 451.

Что касается атхарвы, то мы вольны предположить, если захотим, что темная магия, злые духи, заклинания - это старые части индийских, как и всех других народных верований, хотя в литературу они вошли позже, чем поэзия об Ушасе и мораль Варуны. Те же замечания применимы к нашему третьему источнику информации, Брахманам. Несомненно, это комментарии к священным текстам, гораздо более современным по форме, чем сами тексты. Но из этого не следует, и это наиболее важно для нашей цели, что все мифы о Брахманах появились позже, чем ведические мифы или искажения Вед. Мьюир замечает: (1) "Ригведа, хотя и является древнейшим собранием, не обязательно содержит все, что относится к величайшему возрасту в индийской мысли или традиции. Мы знаем, например, что некоторые легенды, носящие отпечаток глубочайшей древности, такие как легенда о всемирном потопе, впервые появляются в "Брахманах". Нас особенно интересует эта критика, потому что большинство мифов, которые мы якобы объясняем как пережитки дикости, изложены в Брахманах. Если это обязательно позднейшее искажение ведических идей, поскольку собрание Брахманов гораздо современнее, чем собрание Вед, то наш аргумент немедленно опровергается. Но если идеи более раннего пласта мысли, чем ведический, могут появиться в более позднем сборнике, подобно тому как идеи более раннего пласта мысли, чем гомеровский, появляются в поэзии и прозе гораздо позже Гомера, тогда наше утверждение законно. В действительности будет показано, что ряд мифов брахманов соответствуют по характеру и событиям мифам дикарей, таким как кароки и ахты. Наше объяснение состоит в том, что эти сказки частично сохранились, возможно, в умах консервативных местных священнослужителей, с дикой стадии мышления, или были заимствованы у аборигенов той стадии, или были сформированы в более поздние времена на сохранившихся примерах той дикой ранней фантазии.

(1) Мьюир, iv. 450.

В эпоху брахманов люди распространились на юг от бассейна Инда до бассейна Ганга. Древние священные тексты стали с трудом поддаваться пониманию. Священство стало гораздо более

строго определенным и организованным. Каким бы абсурдным это ни казалось, ведические метры, как и Гаятри, были персонифицированы и предстают как активные героини историй, предположительно более древних, чем это олицетворение. Асуры спустились с уровня богов до уровня небесной оппозиции правительству Индры; теперь они своего рода демоны, а брахманы заняты длинными историями о войне на небесах, которая сама по себе является очень древней концепцией. Иногда Варуна становится жестоким и враждебным. Праджапати становится великим мифическим героем и наследует самые дикие мифы о диких героических зверях и птицах.

Теперь жрецы - брахманы, наследственная божественная каста, обладающая всеми обширными и незрелыми знаниями о ритуалах и деталях жертвоприношений. Как жизнь в опере - это серия песен, так и жизнь в Брахманах - это последовательность жертвоприношений. Жертвоприношение заставляет солнце восходить и заходить, а реки течь в ту или иную сторону.

Изучению индийских мифов препятствует, как было показано, трудность определения относительных дат различных легенд, но существует множество других препятствий для изучения индийской мифологии. Поэт Вед говорит: "Исполнители гимнов ходят, окутанные туманом, и неудовлетворенные пустой болтовней".⁽¹⁾ Древние гимны все еще "окутаны туманом" из-за сложности их языка и разнообразия современных толкований. Еретики ведической религии, оппоненты ортодоксальных комментаторов в сравнительно недавние века, обычно жаловались, что Веда - просто бессмыслица, а их авторы - "мошенники и шуты". Бывают моменты, когда современный исследователь ведических мифов склонен повторить эту раздражительную жалобу. Например, достаточно трудно найти в Ригведе что-либо похожее на категоричный рассказ о богах и описание их личной внешности. Но в Ригведе, viii. 29, 1, мы читаем об одном боге: "юноша, смуглый, то враждебный, то дружелюбный; его окружает золотой блеск". Кто этот юноша? "Сома как луна", по мнению комментаторов. М. Ланглуа считает, что имеется в виду солнце. Доктор Ауфрехт считает, что отряд марутов (духов бури), к которым, как он отмечает, эпитет "темно-коричневые, смуглые" так же применим, как и к их хозяину Рудре. Это довольно запутанно, и исследователь мифологии хотел бы знать наверняка, о чем он читает: о солнце или коме, луне или ветрах.

(1) Rig-Veda, x. 82, 7, but compare Bergaigne, op. cit., iii. 72, "enveloppes de nuees et de murmures".

Возьмем другой пример: мы открываем перевод Ригведы мистера Макса Мюллера наугад, скажем, на странице 49. Во втором стихе гимна марутам г-н Мюллер переводит: "Они, которые родились вместе, самосветящиеся, с пятнистыми оленями (облаками), копьями, кинжалами, сверкающими украшениями. Я слышу, как их кнуты щелкают почти совсем рядом, когда они сжимают их в руках; на своем пути они обретают великолепие". Теперь Уилсон переводит этот отрывок так: "Которые, рожденные пятнистым оленем, родились самосветящимися, с оружием, боевыми кличами и украшениями. Я слышу щелканье кнутов в их руках, чудесным образом вселяющее мужество в бой". У Бенфея есть, "Которые родились с оленями и копьями, с громом и молнией, самосветящиеся. Жестким звоном звенит щелчок их кнута в их руках; ярко летят они в бурю". Ланглуа переводит: "Они только что родились, самосветящиеся. Заметили вы их герб, их украшения, их повозку, запряженную оленями? Слышите вы их крики? Слушайте! это звук хлыста, который они держат в руках, звук, который придает храбрости в битве". Это обычный пример разнообразия ведических переводов. Это в достаточной степени озадачивает, и вопрос не становится более прозрачным из-за разнообразия мнений относительно значения слова

"олень", вместе с которым, как говорят (некоторые переводчики), родились маруты. Это как раз тот отрывок, по поводу которого может возникнуть спор, затрагивающий всю природу ведических мифологических представлений. Согласно тексту "Яджур Веды", боги, люди, звери и другие материи были созданы из различных частей тела божественного существа по имени Праджапати.(1) Бог Агни, брахманы и козел родились изо рта Праджапати. Из его груди и рук произошел бог Индра (иногда упоминаемый как баран), овца, а у людей - Раджанья. Коровы и боги, называемые Вишвадевами, родились вместе из его середины. Должны ли мы понимать слова "те, кто родился вместе с пятнистым оленем" как относящийся к мифу такого рода — мифу, представляющему марутов и оленей рожденными в одно и то же время, как Агни пришел с козлом, а Индра с овцой? Это как раз тот пункт, по которому индийские комментаторы разошлись во мнениях.(2) Саяна, старый комментатор, говорит: "Легендарная школа принимает их за оленей с белыми пятнами; этимологическая школа - за разноцветные линии облаков". Современные исследователи мифологии, изучающие легенды (или антропологию) и этимологию (или филологию), часто столь же сильно расходятся в своих попытках интерпретировать традиции Индии.

(1) Муир, санскритские тексты, 2-е изд., i. 16.

(2) Макс Мюллер, "Ригведа Санхита", пер., том i, стр. 59.

Хорошо известен другой знаменитый и почти комический пример сложности толкования Вед. В "Ригведе", х. 16, 4, есть погребальный гимн. К Агни, богу огня, обращаются с мольбами либо о том, чтобы он зажарил козла, либо о том, чтобы согреть душу умершего и доставить ее в рай. Следует ли таким образом утешать душу или жарить козла на гриле - вот вопрос, который сильно озадачил ведических врачей.(1) Профессор Мюллер и М. Ланглуа полностью за "бессмертную душу", у козла есть защитники или были защитники в Ауфрехте, Людвиге и Роте. Более важные трудности интерпретации иллюстрируются позицией М. Бержена в "La Religion Vedique" и его полемикой с великими немецкими лексикографами. Изучение мифологии в свое время сделало Веды своей отправной точкой. Но, возможно, было бы разумно начать с чего-то более понятного, с чего-то менее запутанного языковыми трудностями и разнообразием интерпретаций.

(1) Мьюир, ст. 217.

Пытаясь критиковать различные арийские мифы, мы будем руководствоваться, в целом, характером самих мифов. Чистые и возвышенные концепции мы будем склонны приписывать чистому и возвышенному состоянию мышления (хотя такие концепции, несомненно, встречаются в самых низших известных религиозных слоях), и нам не составит труда поверить, что риши и певцы, способные к благородным концепциям, существовали в очень отдаленную по времени эпоху, в обществе, которое имело многие черты возвышенной и простой цивилизации. Но поэтому мы не будем предполагать, что гимны этих риши в каком-либо смысле "примитивны" или проливают много света на младенчество человеческого разума или на "происхождение" религиозных и героических мифов. Нечистые, детские и варварские представления, с другой стороны, мы будем склонны приписывать нечистому, детскому и варварскому состоянию мышления; и нам снова не составит труда поверить, что идеи, первоначально возникшие на этой стадии мышления, были распространены, были сохранены и переданы в гораздо более поздний период. Это мнение о возможной или, скорее, вероятной древности многих мифов, сохранившихся в Брахманах, подкрепляется, если оно нуждается в подкреплении, мнением

доктора Вебера. (1) "Мы действительно должны в целом предположить в отношении многих из этих легенд (в брахманах Ригведы), что они уже приобрели округлую независимую форму в традиции до того, как были включены в Брахманы; и об этом у нас есть частые свидетельства в ЯВНО АРХАИЧНОМ ХАРАКТЕРЕ ИХ ЯЗЫКА по сравнению с языком остального текста".

(1) История индийской литературы, английский перевод, стр. 47.

Теперь мы кратко изложили природу и вероятную относительную древность свидетельств, имеющих в распоряжении ведических мифологов. Главный урок, который мы хотели бы усвоить, заключается в необходимости приостановления судебного разбирательства, когда Веды представлены как примеры примитивной и сравнительно чистой и простой естественной религии. Они не примитивны; это высокодифференцированные, в высшей степени сложные, чрезвычайно загадочные выражения довольно развитой и очень своеобразной религиозной мысли. Они не так уж морально чисты, как считалось, и их чистота, такая, какая она есть, кажется результатом сознательной скрытности и осторожного отбора, а не первобытной невинности. И все же барды или редакторы ни в коем случае не исключили полностью очень древние мифы совершенно дикарского характера. Они будут в основном раскрыты в главе "Индоарийские мифы о начале вещей", которая следует ниже.

ГЛАВА VIII. ИНДИЙСКИЕ МИФЫ О ПРОИСХОЖДЕНИИ МИРА И ЧЕЛОВЕКА.

Сравнение ведических и диких мифов—Метафизический ведический рассказ о начале вещей—Противоположная и дикая басня о мире, составленная из фрагментов человека—Обсуждение этого гимна—Абсурдность брахманов—Праджапати, ведический Ункулункулу или Кат—Эволюционные мифы—Брак неба и земли—Мифы Пуран, их дикие параллели—Самые дикие мифы повторяются в Брахманах.

Обсуждая дикарские мифы о происхождении мира и человека, мы заметили, что они столь же противоречивы, сколь и причудливы. Среди фантазий, воплощенных в мифах, была отмечена теория о том, что мир или различные его части образовались из тела какого-то огромного неприродного существа, бога, или гиганта, или представителя какой-то древней таинственной расы. Мы также обратили внимание на мифы о первоначальном союзе неба и земли и их насильственном разделении, как показано в сказаниях греков и маори, к которым можно добавить народность Акагхемем в Калифорнии.(1) Другой особенностью космогоний дикарей, особенно проиллюстрированной в некоторых ранних славянских мифах, в австралийских легендах и в вере американских народов, было сотворение мира или восстановление затонувшего мира животными, такими как ворон, голубь и койот. Вылупление всего сущего из

яйца было еще одной грубой концепцией, отмеченной в основном у финнов. Индийская форма встречается в "Сатапатха брахмане".(2) Сохранение человеческой расы во время Потопа или сотворение расы после Потопа было еще одной деталью мифологии дикарей; и для многих из этих фантазий мы, казалось, находили удовлетворительное происхождение в чрезвычайно легковверном и запутанном состоянии философии дикарей и дикарского воображения.

(1) Бэнкрофт, против 162.

(2) Священные книги Востока, i. 216.

Теперь следует задать вопрос: снабжают ли традиции арийцев Индии мифами, настолько похожими на мифы нутков, маори и австралийцев, что мы можем предварительно объяснить их как истории, изначально придуманные дикарями? На этот вопрос можно ответить утвердительно. Веды, Эпосы и Пураны содержат большой запас различных космогонических традиций, столь же противоречивых, как и параллельные мифы дикарей. У нас есть ариец Ильмаринен, Тваштри, который, подобно финскому кузнецу, выковал "железный свод полых небес" и шар земли.(1) Опять же, говорится, что земля возникла, как в некоторых мангайских баснях, "из существа по имени Уттанапад".(2) Опять же, Брахманаспати, "выдувал богов, как кузнец", и боги приложили руку к созданию вещей. В противовес этим детскимобразцам антропоморфизма, мы имеем знаменитые и возвышенные рассуждения о часто цитируемом гимне.(3) Именно так поэт мечтает о днях, предшествовавших началу бытия и небытия:

(1) Мьюир, против 354.

(2) Ригведа, х. 72, 4.

(3) Там же, х. 126.

"Тогда не было ни небытия, ни сущности; не было ни атмосферы, ни неба над головой. Что окутывало (все)?... Была ли это вода, глубокая бездна? Тогда не было ни Смерти, ни бессмертия: не было различия между днем и ночью. Тот дышал спокойно, самостоятельно; тогда не было ничего отличного от этого или выше этого. Вначале существовала тьма, окутанная тьмой. Все это было неразличимой водой. Та, что лежала пустой и окутанной небытием, была развита силой рвения. В Нем впервые возникло Желание, которое было первичным зародышем разума (и которое) мудрецы, исследуя своим интеллектом, обнаружили как связь, соединяющую сущность с не-сущностью. Луч (или шнур), который протянулся через эти (миры), был ли он внизу или вверху? Там были оплодотворяющие силы и могучие силы, самоподдерживающийся принцип внизу и энергия наверху. Кто знает? кто здесь может сказать, откуда возникло это творение? Боги последовали за развитием этой (вселенной); кто тогда знает, откуда она возникла? Из чего возникло это творение, и создал ли (кто-либо) его или нет, тот, кто на высших небесах является его правителем, он воистину знает, или (даже) он не знает".(1)

(1) Мьюир, санскритские тексты, 2-е изд., v. 357.

Здесь есть ведический гимн о происхождении вещей, правда, из книги, которая считается поздней и которая почти, если не абсолютно, свободна от мифологических представлений. "Самоподдерживающийся принцип внизу и энергия наверху" может относиться, как предполагает доктор Мьюир, к отцу, небу вверху, и матери, земле внизу. "Связь между сущностью и не-сущностью" прослеживается в излюбленной идее индийских философов -

тапасе, или "рвении". Другие рассуждения напоминают нам, хотя и носят гораздо более сдержанный характер, о метафизических песнопениях новозеландских священников, о зуни, о Пополь Вух и так далее. Они принадлежат к очень ранней культуре.

Каков относительный возраст этого гимна? Если бы можно было доказать, что она древнейшая в Веде, это продемонстрировало бы не более того, что в чрезвычайно отдаленные времена у арийцев Индии был философ, возможно, целая школа философов, которые применяли умы к абстрактным рассуждениям о происхождении вещей. Это не могло доказать, что мифологические спекуляции не предшествовали попыткам создания более чистой философии. Но дата не может быть установлена. Г-н Макс Мюллер не может пойти дальше предположения, что гимн является выражением *perennis quaedam philosophia* Лейбница. Нас также предупреждают, что гимн не обязательно современный, потому что он философский.⁽¹⁾ Конечно, это правда; зуни, маори и мангайцы демонстрируют удивительную силу абстрактного мышления. Мы не стремимся показать, что этот гимн поздний; но кажется почти излишним отмечать, что идеи, подобные тем, которые он содержит, вряд ли могут быть приняты как выражающие самую раннюю теорию человека о происхождении всех вещей. От таких идей мы переходим к тем, которые объединяют арийцев Индии с чернокожими и краснокожимилюдьми, с далекими финнами и скандинавами, халдеями, хайда, чероки, мурри и маори, мангайцами и египтянами.

(1) История санскритской литературы, стр. 568.

Следующий ведический рассказ о сотворении мира, который мы предлагаем рассмотреть, по своему характеру максимально далек от возвышенной философской поэмы. В "Пуруша сукте", девяностом гимне десятой книги "Ригведа Санхита", мы имеем описание сотворения всего сущего из отрубленных конечностей увеличенного неестественного человека, Пуруши. Эта концепция, конечно же, встречается в скандинавских мифах о разорванном теле Имира. Сыновья Борра взяли тело Великана Имира и образовали из его плоти землю, из его крови моря и разливы вод, из его костей горы, из его зубов скалы и камешки, из его волос всевозможные растения, из его черепа небесный свод, из его мозгов облака и так далее. В халдейской истории Бел разрезает надвое увеличенную ненатуральную женщину Омерку и превращает половинки ее тела в небо и землю. Среди ирокезов Северной Америки Чоканипок был великаном, чьи конечности, кости и кровь служили сырьем для изготовления многих природных объектов; в то время как в Мангайе части Ру, в Египте Сета и Осириса, в Греции Диониса Загрея использовались для создания различных предметов, таких как камни, растения и металлы. Точно такие же идеи содержатся в девяностом гимне десятой книги Ригведы. И все же удивительно, что во всех дискуссиях о древности и значении этого гимна, которые попали в поле нашего зрения, не было сделано ни единого упоминания о параллельных легендах арийских или неарийских народов. В соответствии с общими принципами, которыми мы руководствуемся в этой работе, мы склонны рассматривать любые идеи, которые одновременно грубы по своему характеру и широко распространены как среди цивилизованных, так и нецивилизованных рас, как чрезвычайно древние, независимо от возраста литературной формы, в которой они представлены. Но поток ученых мнений относительно даты Пуруша-сукты, ведического гимна о жертвоприношении Пуруши и сотворении мира из фрагментов его тела, течет в противоположном направлении. Большинство исследователей санскрита не считают этот гимн очень древним. Теперь мы процитируем гимн, содержащий данные, на которых должна основываться любая теория относительно его возраста: (1)

(1) Ригведа, х. 90; Муир, санскритские тексты, 2-е изд., глава 9.

"У Пуруши тысяча голов, тысяча глаз, тысяча ног. Со всех сторон охватывая землю, он превзошел (ее) на расстояние десяти пальцев. Сам Пуруша - это все (вселенная), что бы ни было и что бы ни должно быть.... Когда боги совершали жертвоприношение с Пурушей в качестве жертвоприношения, весна была для них маслом, лето - топливом, а осень - (сопутствующим) подношением. Эту жертву, Пурушу, рожденного в начале, они принесли в жертву на жертвенной траве. Вместе с ним приносили жертвы боги, Садхьи и Риши. Из этого универсального жертвоприношения были приготовлены творог и масло. Оно сформировало этих воздушных (существ) и животных, как диких, так и ручных. Из этого вселенского жертвоприношения возникли стихи Рика и Самана, метры и яджуш. От него произошли лошади и все животные с двумя рядами зубов; от него произошли коровы; от него козы и овцы. Когда (боги) разделили Пурушу, на сколько частей они его разрезали? Каким был его рот? Какие руки (были у него)? Какие (два предмета), как говорят, (были) его бедрами и ступнями? Брахман был его ртом; раджанья был создан его руками; существо, (называемое) Вайшьей, было его бедрами; шудра возник из его стоп. Луна возникла из его души (Махас), солнце - из его глаза, Индра и Агни - из его рта, а Йайю - из его дыхания. Из его пупка возник воздух, из его головы - небо, из его ног - земля, из его уха - (четыре) четверти; таким образом (боги) образовали мир. Когда боги, совершая жертвоприношение, связали Пурушу в качестве жертвы, для этого (вокруг костра) было разложено семь палочек и приготовлено трижды по семь кусков топлива. С помощью жертвоприношения боги совершали жертвоприношение. Это были самые ранние обряды. Эти великие силы стремились к небу, где находятся прежние Садхьи, боги".

Изложенный здесь миф достаточно прост в своих основных фактах. Боги совершили жертвоприношение с гигантским антропоморфным существом (Пуруша = Человек) в качестве жертвы. Жертвоприношение, как правило, не встречается в религии самых отсталых рас из всех; это, относительно, новшество, как будет показано ниже. Его голова, подобно голове Имира, образовывала небо, его глаз - солнце, животные появлялись из его тела. Эти четыре касты связаны с его ртом, руками, бедрами и ступнями, и, по-видимому, подразумевается, что они произошли от них. Очевидно, что эта последняя часть мифа возникла после образования каст. Это один из главных аргументов в пользу поздней даты написания гимна, поскольку касты нигде в Ригведе четко не обозначены. Г-н Макс Мюллер (1) считает гимн "современным как по своему характеру, так и по своей дикции", и это мнение он подкрепляет филологическими аргументами. Доктор Мьюир (2) говорит, что гимн "обладает всеми признаками современности как в своей дикции, так и в идеях". Доктор Хауг, с другой стороны, (3) в статье, прочитанной в 1871 году, признает, что нынешняя форма гимна не старше большей части гимнов десятой книги и Атхарва Вед; но он добавляет: "Идеи, которые содержит гимн, несомненно, относятся к первобытной древности.... Фактически, этот гимн содержится в Яджурведе среди формул, связанных с человеческими жертвоприношениями, которые раньше практиковались в Индии". Мы категорически отказались говорить о "первобытной древности", поскольку у нас почти нет свидетельств относительно мифов и психического состояния, например, даже человека эпохи палеолита; но мы можем настолько согласиться с доктором Хаугом, что утверждаем, что фундаментальная идея Пуруша Сукты, а именно, сотворение мира или частей мира из фрагментов сказочного антропоморфного существа, является общей для халдеев, ирокезов, египтян, греков, тиннехов, мангейцев и арийских индейцев. Это предполагаемое доказательство древности идей, которые доктор Мьюир и мистер Макс Мюллер считают относительно современными. Дикий и brutальный характер изобретения не нуждается в

демонстрации. У очень низких дикарей, например, у тиннехов Британской Северной Америки, разрывают на части не человека, не бога, а СОБАКУ, и из фрагментов делают животных.(4) На реке Палур бобр страдает подобно Пуруше. По этим причинам мы можем считать главную идею мифа чрезвычайно древней — бесконечно более древней, чем текст гимна.

(1) Древняя санскритская литература, 570г.

(2) Тексты на санскрите, 2-е изд., i. 12.

(3) Текст на санскрите, 2-я правка, ii. 463.

(4) Путешествие Хирна, стр. 342-343.

Что касается упоминания каст, которые считаются сравнительно современным институтом, то это не является существенной частью легенды. Когда идея сотворения мира из живого существа была однажды воспринята, было легко распространить эту концепцию на любой институт, происхождение которого было забыто. У тевтонской расы был миф, который объяснял происхождение классов eorl, ceorl и thrall (ярл, холоп и раб). Южноамериканский народ, чтобы объяснить различия в рангах в обществе, обратился к тому самому мифу Платона, легенде о золотой, серебряной и медной расах, от которых произошли ранги общества. Ведический поэт, по нашему мнению, просто распространил на институт касты миф, который уже объяснял происхождение солнца, небесного свода, животных и так далее в обычных рамках мышления дикарей. Пуруша Сукта является прообразом многих других индийских мифов о сотворении мира, из которых следующий (1) чрезвычайно примечателен. "Праджапати желал распространять. Он сформировал триврит (стома) изо рта. После этого было создано божество Агни, метр Гаятри,... из людей - Брахман, из животных - козел; ... из его груди и из его рук он образовал панчадасу (стома). После этого были созданы Бог Индра, Триштубха метр,... из людей - Раджанья, из животных - овцы. Следовательно, они энергичны, потому что были созданы из энергии. Из его середины он сформировал Саптадасу (устыцу). После того, как он был создан, боги называли Ишвадевов Джагати метрами,... людей - вайшьями, животных - коровами. Следовательно, они должны быть съедены, потому что они были созданы из сосуда с пищей". Форма, в которой мы получаем этот миф, очевидно, более поздняя, чем институт касты и технические названия метров. И все же, несомненно, любое утверждение о том, что коровы "предназначены для употребления в пищу", должно быть старше всеобщего запрета употреблять в пищу это священное животное - корову. Возможно, мы могли бы возразить, что, когда эта теория сотворения мира была впервые обнародована, козы и овцы были запрещенной пищей.(2)

(1) Тайттирья Санхита, или Яджур-Веда, vii. i. 1-4; Муир, 2-е изд., i. 15.

(2) М-р М'Леннан сделал несколько необычных выводов из этого отрывка, связав определенных богов и определенные классы людей с определенными животными, что несколько наводит на мысль о тотемизме ("Форнайтли Ревью", февраль 1870 г.).

Обращаясь от Вед к брахманам, мы находим удивительно дикий миф о происхождении видов.(1) Согласно этому отрывку из "Брахмана", "раньше эта вселенная была только душой в форме Пуруши". Он заставил себя распасться на две части. Оттуда возникли муж и жена. "Он сожительствовал с ней; от них родились мужчины. Она размышляла: "Как он, после того как произвел меня из себя, сожительствует со мной? Ах, позволь мне исчезнуть." Она стала

коровой, а другая - быком, и он сожительствовал с ней. От них произошли коровы". После серии аналогичных метаморфоз самки во все формы животных и аналогичной серии занятий самцом в соответствующей форме "таким образом были созданы пары всевозможных существ, вплоть до муравьев". Этот миф является параллелью различным греческим легендам об амурах в зверином обличье Зевса, Немезиды, Крона, Деметры и других богов и богинь. У брахманов этот миф является объяснением происхождения видов, причем таким объяснением, которое едва ли могло прийти в голову цивилизованному уму. В других мифах брахманов Праджапати создает людей из своего тела, или, скорее, жидкость его тела становится черепахой, черепаха становится человеком (пурушей), с аналогичными примерами рассуждений.(2)

(1) Сатапатха Брахман, xiv. 4, 2; Муир, 2-е изд., i. 25.

(2) Похожие истории встречаются у кхондов.

Среди всех этих брахманских мифов о роли Праджапати в сотворении или вызывании вещей возникает вопрос, кем БЫЛ Праджапати? Его роль - роль великого Зайца в американском мифе; он является своего рода демиургом, и его имя означает "Повелитель сотворенных вещей", подобно австралийскому Биамбану, "Хозяину", и американскому титулу главного Маниту, "Повелителя жизни", (1) Доктор Мьюир отмечает, что по мере того, как ведический разум продвигается от простых божественных существ, которые "пребывают и действуют в огне" (Агни), "обитают и сияют на солнце" (Сурья) или "в атмосфере" (Индра), к концепции божественности. божество, "дальнейший шаг был бы сделан в том, чтобы говорить о божестве под такими новыми именами, как Вишвакарман и Праджапати". Это "наименования, которые обозначают не какие-либо ограниченные функции, связанные с какой-либо отдельной областью Природы, а более общие и абстрактные понятия божественной силы, действующей в производстве и управлении вселенной". Интересным моментом является то, что вокруг этого нового и абстрактного НАЗВАНИЯ тяготеют самые дикие и грубые мифы, именно такие мифы мы встречаем у готтентотов и нутков. Например, у готтентотов это хейтси Эйбиб, у индейцев уарочири это уиракоча, который посредством проклятия или благословения наделяет животных надлежащими атрибутами и характеристиками.(2) В "Сатапатха Брахмане" именно Праджапати играет эту роль, которая выпадает на долю героев грубой культуры готтентотов и хуарочирисов.(3) Сейчас будет рассказано, как Праджапати проводил эксперименты в рамках, так сказать, эволюции при поддержке государства, или эволюции, контролируемой и поддерживаемой свыше.

(1) Бержень, iii. 40.

(2) Авила, "Басни инков", стр. 127.

(3) Перевод на английский, ii. 361.

В Пуранах творение - это процесс, возобновляющийся после каждой кальпы, или обширного земного периода. Брахма пробуждается ото сна и обнаруживает, что мир - это пустая трата воды. Затем, точно так же, как в американских мифах о койоте и славянских мифах о дьяволе и голубях, кабан, рыба или черепаха выуживают мир из воды. Этот кабан, рыба, черепаха или что-то еще - это Брахма или Вишну. Эта дикая концепция начала творения в акте черепахи, рыбы или кабана впервые встречается не в Пуранах, как указывает м-р Мьюир, а обозначена в "Черной яджур веде" и в "Сатапатха брахмане".(1) В "Сатапатха брахмане", xiv. 1, 2, 11, мы обнаруживаем идею, столь распространенную в мифах дикарей — например, в мифах навахо, —

что земля сначала была очень маленькой, всего лишь пяточком, и стала больше после того, как животное выловило ее. "Раньше эта земля была всего лишь такой большой, размером с пядь. Кабан по имени Эмуша вырастил ее". Здесь кабан не претендует на то, чтобы быть воплощением бога, но является простым кабаном без слов, таким же, как творческий койот папог и чинуков или мускусная крыса такулли. Это хороший пример развития мифов. Дикари начинают, как мы видели, с мифического представления о различных животных, пауках, кузнечиках, воронах, орлах, какаду, как о создателях или восстановителях мира. По мере развития цивилизации эти животные по-прежнему выполняют свои благотворные функции, но на них смотрят как на замаскированных богов. Со временем животных часто совсем отбрасывают, хотя они с большим упорством занимают свое место в космогонических традициях арийцев в Индии. Когда мы находим Сатапатха-брахмана, утверждающего (2), что "все существа произошли от черепахи", нам кажется, что мы находимся среди грубых индейцев Тихоокеанского побережья. Но когда черепаху отождествляют с Адитьей, и когда Адити оказываются солнечными божествами, сыновьями Адити, и когда м-р Мюллер признает Адити за Зарю, мы видим, что арийский ум не был праздным, но многое добавил к дикой идее происхождения людей и животных от черепахи.(3)

(1) Мьюир, 2-е изд., том i, стр. 52.

(2) Мьюир, 2-е изд., том i, стр. 54.

(3) Смотрите "Новые летописи путешествий" компании Терно, lxxxvi. стр. 5. О мексиканских традициях, "Конец света от урагана в Мексике и Австралии", Бэнкрофт, v. 64.

Другой особенностью диких мифов о сотворении мира, как мы обнаружили, является введение грубой теории эволюции. Мы видели, что среди племени потоянте индейцев-диггеров и среди некоторых австралийских племен люди и животные, как предполагалось, медленно эволюционировали и совершенствовались из форм сначала рептилий, а затем четвероногих. В мифологиях более цивилизованных южноамериканских рас идея выживания наиболее приспособленных была выражена иначе. Боги предприняли несколько попыток сотворения мира, и каждой группе сотворенных существ, так или иначе оказавшейся непригодной к окружающей среде, было позволено вымереть или выродиться в обезьян, а на смену им приходили другие, более приспособленные к выживанию.(1) Во многом таким же образом Сатапата-Брахман (2) представляет млекопитающих как последний результат серии творческих экспериментов. Праджапати создал живые существа, которые погибли из-за нехватки пищи. Так погибли птицы и змеи. Праджапати размышлял: "Как же так получается, что мои создания погибают после того, как были созданы?" Он понял это: "Они погибают от недостатка пищи". В своем собственном присутствии он заставил молоко поступать в груди. Он создал живые существа, которые, прибегая к груди, были таким образом сохранены. Это те существа, которые не погибли".

(1) Этот миф встречается в "Пополь-Вух". Аналогичный миф о чавыче, Бэнкрофт, ст. 95.

(2) ii. 5, 11; Мьюир, 2-е изд., i. 70.

Распространенный миф, согласно которому мир происходит из огромного яйца — миф, возможно, наиболее известный в его финской форме, — содержится в "Сатапатха брахмане".(1) "Вначале эта вселенная была водой, ничем иным, как водой. Воды вопрошали: "Как мы можем размножаться?" Говоря так, они трудились, они совершали аскезу. Пока они совершали аскезу,

появилось золотое яйцо. Затем оно стало годом.... Из него через год появился человек, которого звали Праджапати.... Он зачал в себе потомство; своими устами он сотворил богов". Согласно другому тексту, (2) "Праджапати принял форму черепахи". Черепаха - это то же самое, что и Адитья.(3)

(1) xi. 1, 6, 1; Мьюир, Журнал Королевского азиатского общества, 1863.

(2) Сатапатха Брахман, vii. 4, 3, 5.

(3) Айтарейя Брахмана, iii. 34 (11, 219), весьма дискредитирующее "Происхождение видов".

Теперь пришло время рассмотреть арийскую форму широко распространенного мифа о браке неба и земли и судьбе их детей. Мы уже видели, что в Новой Зеландии небо и земля считались реальными личностями, состоящими из частей тела и страстей, соединенными в мирском объятии. Мы применим то же объяснение к греческому мифу о Гее и увечье Крона. В Индии Дьяус (небеса) соответствует греческому Урану и Ранги маори, в то время как Притхиви (земля) - это греческая Гея, Папа маори. В Ведах небо и земля постоянно именуются "родителями"; (1) но это мы могли бы рассматривать как простое метафорическое выражение, все еще распространенное в поэзии. Отрывок из "Айтарейи Брахмана", однако, сохраняет старую концепцию, в которой вообще не было ничего метафорического.(2) Эти два мира, небо и земля, когда-то были соединены. Впоследствии они были разлучены (согласно одной из версий, Индрой, который, таким образом, играет роль Крона и Тана Махуты). "Небо и земля, - говорит доктор Мьюир, - считаются родителями не только людей, но и богов, как явствует из различных текстов, где они обозначаются эпитетом Девапатре, "имеющие богов для своих детей". Людьми на ранней стадии развития мысли этот миф был принят наряду с другими, в которых небо и земля рассматривались как объекты, созданные кем-то из их собственных детей, например, Индрой, (3) который "растянул их, как шкуру", который, подобно Атласу, "поддерживает их" (4)или, опять же, Тваштри, божественный кузнец, выковал их своим ремеслом; или, еще раз, небо и земля возникли из головы и стоп Пуруши. Короче говоря, если бы кто-нибудь захотел привести пример того безрассудства ортодоксальности или последовательности, которое является отличительной чертой ранних мифов, он не смог бы найти лучшего примера, чем индийские легенды о происхождении вещей. Возможно, нет ни одного из мифов, распространенных среди низших рас, который не имел бы своего аналога в индийских брахманах. Нам было достаточно привести несколько примеров.

(1) Мьюир, ст. 22.

(2) iv. 27; Naug, ii. 308.

(3) Ригведа, viii. 6, 5.

(4) Там же, iii. 32, 8.

ГЛАВА IX. ГРЕЧЕСКИЕ МИФЫ О ПРОИСХОЖДЕНИИ МИРА И ЧЕЛОВЕКА.

Греки были практически цивилизованными, когда мы впервые встречаемся с ними у Гомера — Однако их мифология полна отталкивающих черт - Гипотеза о том, что многие из них являются пережитками дикости — Есть ли другие примеры такого выживания в греческой жизни и институтах?—Греческое мнение было постоянным, что раса была дикой —Иллюстрации выживания дикарей из греческого закона о человекоубийстве, из магии, религии, человеческих жертвоприношений, религиозного искусства, следов тотемизма и мистерий —Вывод: этого выживания дикарей можно ожидать и в греческих мифах.

Греки, когда мы впервые знакомимся с ними в поэмах Гомера, были культурным народом, жившим под управлением королевских семей в небольших городах-государствах. Такого социального состояния они, должно быть, достигли к 1000 году до нашей эры, а возможно, и намного раньше. У них уже было давнее оседлое прошлое позади, и они не помнили ни о каком национальном переселении из "колыбели арийской расы". С другой стороны, многие племена считали себя выходцами с земли, из почвы того места, где они были поселены. Традиции маори доказывают, что воспоминания о национальной миграции могут сохраняться в течение нескольких сотен лет у людей, не знающих письменности. Греческие легенды, распространенные среди гораздо более цивилизованной расы, рассказывали лишь о случайных иностранных поселенцах из Сидона, Лидии или Египта. Греки гомеровской эпохи были хорошо знакомы почти со всеми жизненными искусствами, хотя нет абсолютной уверенности в том, что они умели писать, и уж точно они не были пристрастны к чтению. На войне они сражались на колесницах, подобно египтянам и ассирийцам; они были отважными мореплавателями, привыкшими осматривать берега даже Египта, и у них были крупные торговые сделки с жителями Тира и Сидона. В вопросах религии они были сравнительно свободны и необузданны. Хотя в мифах их божества отличались капризным характером, их во многих отношениях можно было рассматривать как "стремящихся к праведности". Они защищали незнакомца и просителя; они санкционировали клятву, они неодобрительно относились к использованию отравленных стрел; их добрая воля охраняла брак и семейную жизнь; они раздавали добро и зло, чтобы смертные принимали их со смирением и покорностью.

Патриархальный глава каждой семьи совершал жертвоприношения для своего дома, царь - для государства, правитель Микен Агамемнон - для всего ахейского воинства, расположившегося лагерем перед стенами Трои. В то же время пророки, такие как Калхас, обладали значительным влиянием, отчасти благодаря наследственному дару ясновидения, как в случае с Теоклименом, (1) частично приобретенному профессиональному мастерству в наблюдении за предзнаменованиями, частично прямому вдохновению богов. Дельфийский оракул, или, как его называет Гомер, Пифон, уже был знаменит, и религия в той или иной степени признавала всех богов, знакомых с более поздним культом Эллады. У столь развитого народа, так часто контактировавшего с иностранными расами и идеями и так чудесно одаренного природой острым интеллектом и совершенным вкусом, естественно ожидать, если вообще возможно, мифологии, почти свободной от отталкивающих элементов и почти очищенной от всего, что мы рассматриваем как пережитки состояния дикости. Но хотя греческая мифология намного богаче любой другой красивыми легендами и изобилует прекрасными и величественными образами

богов и богинь, нимф и ораад идеальной красоты, тем не менее очень большая часть ее легенд практически сравнима с мифами маори, тлинкитов, кароков и бушменов.

(1) Одиссея, хх. 354.

Это та часть греческой мифологии, которая во все времена вызывала наибольшее любопытство и стала предметом многих систем интерпретации. Сами греки, почти с самых ранних исторических эпох, были глубоко озабочены тем, чтобы либо скрыть, либо объяснить богохульные ужасы своих собственных "священных глав", поэтических традиций и храмовых легенд. Мы пытаемся объяснить их как пережитки эпохи варварства, лежащей очень далеко позади времен Гомера, — эпохи, когда предки греков либо заимствовали, либо, что более вероятно, разработали сами для себя мифы, с помощью которых дикие народы пытаются объяснить природу и происхождение мира и всех явлений.

Правильность этого объяснения, основанного на вере в то, что греки когда-то были дикарями, может быть продемонстрирована из того факта, что не только мифы, но и греческая жизнь в целом, и особенно греческий ритуал, изобиловали сохранившимися примерами институтов и нравов, которые повсюду встречаются у самых отсталых и варварских рас. Нельзя сказать, что только мифы Греции сохранили эту грубость или что греки всегда считали себя цивилизованными. Вся греческая жизнь обнаруживает следы дикости, когда поверхность хоть немного приподнимается. Более того, то, что греки, как только они вообще задумались над этими вопросами, поверили, что вышли из состояния дикости, неоспоримо. Поэты полностью согласны в этом вопросе с Мосхионом, писателем школы Еврипида. "Было время, да, было, - говорит он, - когда люди жили подобно зверям, обитая в горных пещерах и расселинах, куда не заглядывало солнце.... Тогда они не рыли землю ни плугами, ни с помощью железа, но более слабый человек был убит, чтобы приготовить ужин более сильному", и так далее.(1) Такого взгляда на дикое происхождение человечества придерживался и Аристотель: (2) "Вполне вероятно, что первые люди, независимо от того, были ли они произведены землей (рождены на земле) или выжили после какого-нибудь потопа, находились на уровне невежества и тьмы".(3) Это мнение, сознательно поддерживаемое и высказываемое философами и поэтами, проявляется также во всеобщих популярных греческих традициях, согласно которым люди изначально не знали огня, земледелия, металлургии и всех других искусств и удобств жизни, пока их не обучили идеальные культурные герои, такие как Прометей, представители божественной или полубожественной расы. Еще более любопытная афинская традиция (сохраненная Варроном) утверждала не только то, что брак изначально был неизвестен, но и то, что, как у австралийцев и некоторых краснокожих индейцев, фамилия передавалась по материнской линии, и родство считалось по женской линии до времен Кекропса.(4)

(1) Moschion; cf. Preller, *Ausgewahlte Aufsätze*, p. 206.

(2) Политика, ii. 8-21; Платон, *Законы*, 667-680.

(3) Сравните Горация, "Сатиры", i. 3, 99; Лукреция, v. 923.

(4) Suidas, s.v. "Prometheus"; Augustine, *De Civitate Dei*, xviii. 9.

В то время как греческое общественное мнение, как популярное, так и философское, признавало или, скорее, утверждало, что дикость лежит на заднем плане исторической перспективы, греческие институты сохранили тысячи врожденных следов дикости. Очевидно и

неоспоримо, что греческое уголовное право в той мере, в какой оно допускало убийство, возникло непосредственно из древней дикой кровной мести.(1) Афинский закон был цивилизованной модификацией дикарского правила, согласно которому родственники убитого человека вступают в кровную месть. Там, где убийство совершалось в кругу кровного родства, как у Ореста, греческая религия предоставляла Эриниям возможность наказывать за преступление, за которое, так сказать, не было человека-мстителя. Меры предосторожности, принятые убийцами для захоронения призрака убитого человека, были во многом схожи с теми, которые были в ходу у австралийцев. Грек отрезал конечности своей жертвы, кончики кистей и ступней, и аккуратно поместил их под мышками убитого.(2) В том же духе и с той же целью австралийский негр отрубает большие пальцы рук своему мертвому врагу, чтобы призрак тоже мог быть изуродован и не смог метнуть в него призрачное копьё. Мы также узнаем от Аполлония Родия и его схолиаста, что греческие убийцы трижды всасывали и выплевывали кровь своих жертв, возможно, имея в виду таким образом вкусить их крови и таким образом, став членами их рода, лишиться призраков возможности отомстить за себя. Подобные идеи вдохновляют всемирный дикий обычай создания искусственного "кровного братства" путем смешивания крови договаривающихся сторон. Что касается церемоний очищения от вины в крови у греков, мы можем предположить, что они тоже имели свою примитивную сторону; ибо Орест в "Эвменидах" утверждает, что он был очищен от убоя своей матери достаточным количеством свиной крови. Но этот момент будет проиллюстрирован позже, когда мы коснемся тайн.

(1) Данкер, "История Греции", англ. перев., т. ii. стр. 129.

(2) См. статью "Растирание рук в Древней Греции" в Американском филологическом журнале за октябрь 1885 г., где обсуждаются знакомые тексты Эсхила и Аполлония Родиуса.

Ритуал и миф, как и следовало ожидать, сохранили огромное количество диких обрядов, суеверных привычек и обычаев. Быть "во всем слишком суеверным", слишком преисполненным деисидемонии, было характерной чертой афинян даже во времена святого Павла. Суеверие, или деисидемония, определяется Теофрастом (1) как "трусость по отношению к сверхъестественному" ((греческий текст опущен)). Эта "трусость" во все века и страны обеспечивала постоянство ритуальных и религиозных традиций. Мужчины всегда утверждали, подобно одному из персонажей пьесы М. Ренана "Претр де Неми", что "порядок мира зависит от порядка соблюдения ритуалов". Знакомая терпимая последовательность весенних сезонов, посева семян и сбора урожая зависят от надлежащего исполнения незапамятных религиозных актов. "В мистических залежах, - говорит Динарх, - заключается безопасность города". (2) Что это были за "мистические залежи", никто не знает наверняка, но они, должно быть, имели очень древнюю святость и встречаются среди арунта и пауни.

(1) Символы.

(2) Ap. Hermann, Lehrbuch, p. 41; Aglaophamus, 965.

Ритуал сохраняется, потому что он сохраняет УДАЧУ. Не только у римлян и брахманов с их бесконечными мелкими ритуальными действиями, но и у таких низших рас, как канеки из Новой Каледонии, эффективность религиозных обрядов сводится к нет малейшим случайным нарушением установленных правил.(1) Тот же робкий консерватизм господствует и над мифами, и в каждой местности мистерии с сопровождающими их повествованиями сохраняют в неприкосновенности ранние формы легенды. Миф и ритуал не допускают споров. "C'etait le rite

etabli. "Ничего не происходит, кроме абсурда, которого выбрал человек", - говорит консерватор в статье М. Ренана, защищая способ назначения

Священник, убивший убийцу,
И сам будет убит.

(1) Таким образом, хранителей мертвых в Новой Каледонии колдун кормит кашей на конце очень длинной ложки, и если пища не попадает в рот, все церемонии должны быть повторены. Эта деталь от мистера Дж. Дж. Аткинсона.

Итак, если бы обряды и мифы, сохраняемые робостью из-за той же "трусости по отношению к сверхъестественному", изначально развивались на стадии дикости, дикими они бы и остались, поскольку нечестиво и опасно реформировать их до тех пор, пока религия, которой они служат, не погибнет вместе с ними. Эти реликвии греческого ритуала и веры очень часто объясняются восточными влияниями, как вещи, заимствованные из темных и кровавых суеверий Азии. Но эта попытка сохранить исконно греческий характер для "беспечности" и человечности не должна заходить слишком далеко. (1) Следует помнить, что самые грубые и необузданные жертвоприношения и легенды Греции были строго МЕСТНЫМИ; что они были связаны с этими древними храмами, старыми алтарями, варварскими хоанами, или деревянными идолами, и грубыми камнями-фетишами, в которых Павсаний нашел древнейшие реликвии эллинского богословия. Это доказательство их древности и презумпция в пользу их свободы от иностранного влияния. Большинство из этих вещей были пережитками той смутно помнимой доисторической эпохи, в которую греки, еще не объединившиеся в города-государства, жили в деревнях, или краалях, или пуэбло, как мы должны были бы переводить (греческий текст опущен), если бы мы говорили об африканских или американских племенах. На той стадии ранним грекам, должно быть, недоставало как гражданских, так и национальных или панэллинских чувств; их политической единицей был клан, который, опять же, частично соответствовал тотемному роду Америки, Африки или Австралии. (2) В этих застойных условиях они не могли познакомиться со многими верованиями семитов и других пришлых народов на берегах Леванта. (3) Позже, когда в Греции сложилась городская жизнь героической эпохи, ее предприимчивые сыновья вступили в тесный контакт с Египтом и Финикией.

(1) Клаус, Де Антик. Форма. Dianae, 6,7,16.

(2) Как рассудительно замечает К. О. Мюллер: "Сцены девяти десятых греческих мифов разворачиваются в ОПРЕДЕЛЕННЫХ РАЙОНАХ ГРЕЦИИ, и в них говорится о первобытных обитателях, о происхождении и приключениях местных героев. Они демонстрируют точное знакомство с отдельными местностями, которым в то время, когда Греция не была исследована антикварами и не существовало географических справочников, могли обладать только жители этих мест". Мюллер приводит в качестве примеров мифы о медведях, более или менее божественных. Научная мифология, стр. 14, 15.

(3) Сравните Клауса, De Dianae Antiquissima Natura, стр. 3.

Во времена колонизации, еще позже — возможно, начиная с 900 года до н.э. — греки, поселившиеся на местах, откуда они изгнали сидонян или сиканидов, вполне естественно продолжали, с некоторыми изменениями, поклоняться тем богам, которые, как они обнаружили, уже были у них. Подобно римлянам, греки легко узнавали своих собственных

божеств в аналогичных членах зарубежных политеистических систем. Таким образом, мы можем допустить наличие чужеродных элементов в таких богах и богинях, как Зевс Астерий, Кипрская Афродита или Эрикс, или многогрудая эфесская Артемида, чья чудовищная форма имела точный аналог у ацтеков в виде многогрудой богини растения магуэй, из которого производили пиво. Различать и высвобождать заимствованные факторы на эллинском Олимпе посредством анализа божественных имен - задача, которой сравнительная филология может законно посвятить себя; но мы не можем с такой готовностью объяснить предполагаемое заимствование из грубых хоан древних местных храмов, диких мифов местных легенд, священных писаний, которые были исключительной собственностью семей старого света, Butadae или Eumolpidae. Это явно пережитки более ранней стадии греческой культуры, чем города-государства, более ранней, чем героическая эпоха странствующих греческих викингов, и намного более ранней, чем греческие колонии. Они принадлежат к тому консервативному и неподвижному периоду, когда племя или клан, поселившись в своих разрозненных краях, вели жизнь земледельца, охотника и скотовода, не участвуя ни в каких более масштабных или авантюрных войнах, чем пограничные распри из-за женщин или крупного рогатого скота. Такие войны были более скромного масштаба, чем даже старые битвы Нестора с эпейцами; подобные приключения не привели племя к соприкосновению с чуждыми религиями. Если бы сидонским торговцам случилось основать фабрику рядом с племенем, находящимся в таком состоянии, их религия вряд ли привлекла бы много прозелитов.

Эти причины полагать, что большая часть более диких элементов в греческих ритуалах и мифах была местной, можно кратко резюмировать, поскольку их часто упускают из виду. Более странные и дикие черты встречаются нам в МЕСТНЫХ сказаниях и обычаях, часто в отдаленных храмах и часовнях на возвышенностях. Там они выжили из общества ДЕРЕВЕНСКОГО статуса, до того, как деревни были объединены в ГОРОДА, до того, как греки перешли к кочевому образу жизни или близко познакомились с далекими морскими народами.

По этим историческим причинам можно предположить, что местные религиозные древности Греции, особенно в горных районах, таких как Аркадия и Элида, настолько древние, настолько чисто национальные, настолько свободные от иностранных влияний, насколько это возможно для любых греческих институтов. В этих обрядах и мифах истинного фольклора и Volksleben, возникших до того, как Эллада завоевала путь к чисто эллинской стадии, до того, как были известны Египет и Финикия, должен быть обнаружен тот общий грубый элемент, который греки разделяют с другими расами мира и который был, в некоторой степени, изгнан гением Гомера и Пиндара, святых и Фебо дигна локути.

В доказательство этого местного консерватизма можно процитировать некоторые отрывки, собранные К. Ф. Германном в его "Книге древностей" (1). Так, Исократ пишет: (2) "Это была вся их забота - не разрушать никаких обрядов предков и не добавлять ничего сверх того, что было предписано". Клеменс Александрийский сообщает, что некоторые фессалийцы поклонялись аистам "В СООТВЕТСТВИИ С ОБЫЧАЕМ". (3) Платон устанавливает тот самый "закон наименьшего изменения", который был описан. "Независимо от того, создает ли законодатель новое государство или восстанавливает старое и пришедшее в упадок в отношении богов и храмов, ... если он здравомыслящий человек, он НЕ ВНЕСЕТ НИКАКИХ ИЗМЕНЕНИЙ В ТО, что дельфийский оракул, или Додона, или Амон санкционировали каким бы то ни было образом". В этом самом отрывке Платон (4) говорит об обрядах, "происходящих из Тиррении или Кипра", как относящихся к более позднему периоду греческого странствия. О высокой религиозной

ценности античных вещей Порфирий писал в позднюю эпоху, когда новая религия Христа одержала победу: "Сравнивая новые священные изображения со старыми, мы видим, что старые более просты в изготовлении, но считаются божественными, но новые, вызывающие восхищение своим искусным исполнением, менее убедительны в божественности" — замечание, предвосхищенное Павсанием: "Статуи, созданные Дедалом, более причудливы на внешний вид, но в них проявляется нечто сверхъестественное".(5) Итак, Афиной (6) сообщает о посетителе святилища Лето на Делосе, что он ожидал увидеть в древней статуе матери Аполлона нечто примечательное, но, в отличие от благочестивого Порфирия, расхохотался, когда обнаружил, что это бесформенный деревянный идол. Этих идолов наряжали, кормили и украшали так, словно они были живыми.(7) Естественно, что мифы, восходящие к эпохе, когда греческие боги напоминали полинезийских идолов, должны быть такими же грубыми, как и полинезийские мифы. Живучесть МЕСТНЫХ мифов продемонстрирована Павсанием, который заявляет, что даже в высокоразвитой Аттике в демах сохранились легенды, отличные от легенд о центральном городе — легенды, вероятно, бытовавшие до того, как деревни были "синоэцизированы" в Афины.(8)

(1) Zweiter Theil, 1858.

(2) Ареоп., 30.

(3) Клем. Алекс., Оксфорд, 1715, i. 34.

(4) Законы, ст. 738.

(5) De. Abst., ii. 18; Paus., ii. 4, 5.

(6) xiv. 2.

(7) Германн, указ. соч., стр. 94, примечание 10.

(8) Павсаний, i. 14, 6.

Таким образом, оказывается, что греческий ритуал неизбежно сохраняет материал высочайшей древности и что древнейшие обряды и мифы, вероятно, можно найти не в панэллинских храмах, подобных олимпийскому, не у национальных поэтов, таких как Гомер и Софокл, а в МЕСТНЫХ верованиях ранних племенных богов, в местных мистериях и мифах, которые поздно вошли в литературный оборот, если вообще вошли. Это мнение подтверждается и иллюстрируется бесценным путеводителем художественного и религиозного паломника, написанным Павсанием во втором веке нашей эры. Если мы последуем за ним, то обнаружим, что многие из церемоний, историй и идолов, которые он считал древнейшими, аналогичны идолам и мифам современных отсталых рас. Давайте тогда, чтобы проиллюстрировать местные и дикарские пережитки греческой религии, сопровождать Павсания в его путешествии по Элладе.

В христианских странах, особенно в наше время, содержимое одной церкви очень похоже на убранство другой церкви; функции в одной церкви похожи на функции во всех, хотя на континенте некоторые святилища все еще сохраняют реликвии и обычаи того периода, когда местные святые совершали свои особые обряды. Но в Греции все было совсем по-другому. Паломник, прибывший в храм, никогда не мог предположить, какие странности или ужасы в виде статуй, жертвоприношений или историй могут быть приготовлены для его назидания. Во-первых, были ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ. Они не знакомы низшим дикарям, если

вообще им известны. Вероятно, сначала их приносили в жертву варварским царственным призракам, а оттуда передавали богам. В городе Саламине на Кипре, примерно во времена Адриана, набожный человек мог бы встретить жреца, приносящего человеческую жертву Зевсу, — интересный обычай, введенный, согласно Лактанцию, Тевкром и продолжавшийся до эпохи Римской империи.(1)

(1) Euseb., Praep. Ев., iv. 17, упоминает среди народов, практикующих человеческие жертвоприношения, Родос, Саламин, Гелиополис, Хиос, Тенедос, Лакедемон, Аркадию и Афины; и среди богов, почитаемых таким образом, Геру, Афины, Крона, Ареса, Диониса, Зевса и Аполлона. О Дионисе-каннибале, Плутарх, Фемист., 13; Порфир., Абст., ii. 55. О жертвоприношении Зевсу Лафистию см. Гроте, i в. н. э. vi., и ряд его авторитетов, особенно Геродота, vii. 197. Клеменс Александрийский (i. 36) упоминает мессенцев в связи с Зевсом; тавров - в связи с Артемидой; народ Пеллы - в связи с Пелеем и Хироном; критян - в связи с Зевсом; лесбиянок - в связи с Дионисом. Можно обратиться к Геузиусу о человеческих жертвах (1699).

В Алоесе, что в Ахайя-Фтиотиде, незнакомец МОГ бы увидеть необычайное зрелище, хотя мы признаем, что шансы стать свидетелем следующих событий были бы весьма невелики. Приближаясь к ратуше, незнакомец замечает пожилого и весьма респектабельного горожанина, идущего в том же направлении. Горожанин настолько погружен в свои мысли, что, по-видимому, не замечает, куда идет. За ним следует толпа взволнованных, но молчаливых людей, которые наблюдают за ним с пристальным интересом. Горожанин поднимается по ступеням ратуши, в то время как волнение его друзей позади заметно возрастает. Недолго думая, пожилой человек входит в здание. С диким и неарийским воем другие жители Алоеса набрасываются на него, связывают его, увивают цветочными гирляндами и ведут в храм Зевса Лафистия, или "Обжоры", где его торжественно приносят в жертву на алтаре. Таков был обычай добрых греков Алоеса всякий раз, когда потомок дома Атамаса входил в Пританион. Конечно, семья была очень осторожна, как правило, держась на безопасном расстоянии от запретного места. "Какая жертва для греков!" - как говорит автор "Миноса" (1) в том диалоге, который ошибочно приписывается Платону. "Он не может выбраться оттуда иначе, как для того, чтобы быть принесенным в жертву", - говорит Геродот, говоря о незадачливом потомке Атама. Этот обычай, по-видимому, существовал еще во времена схолиаста Аполлония Родия.(2)

(1) 315 г. н.э.; Платон, Законы, vi. 782 г. н. э.

(2) Аргонавтика, vii. 197.

Даже во втором веке, когда Павсаний посетил Аркадию, он обнаружил то, что, по-видимому, было человеческими жертвоприношениями Зевсу. Отрывок настолько странный и романтический, что мы процитируем его часть. (1) "Ликейский холм может показать и другие чудеса, и главным образом это: на нем есть ликейская роща Зевса, куда люди ни в коем случае не могут входить; но если кто-либо нарушит закон и войдет внутрь, он должен умереть в течение одного года. Более того, они рассказывают эту историю, а именно, что всякий человек или зверь, появляющийся в роще, не отбрасывает тени, и охотник не преследует оленя в этом лесу, но, дождавшись, пока зверь снова выйдет, видит, что он оставил свою тень позади. А на самом высоком гребне всей горы находится курган из насыпанной земли, алтарь Зевса Ликейского, и с этого места видна большая часть Пелопоннеса. А перед алтарем стоят две колонны, обращенные к восходящему солнцу, и на них золотые орлы еще более древней работы. И на

этом алтаре они приносят жертвы Зевсу таким образом, что их невозможно произнести вслух, и мне совсем не хотелось углубляться в этот вопрос. НО ПУСТЬ ВСЕ БУДЕТ ТАК, КАК ЕСТЬ, И ТАК БЫЛО С САМОГО НАЧАЛА". Слова "как это было с самого начала" злоеца и многозначительны, поскольку традиционные мифы Аркадии повествуют о человеческих жертвоприношениях Ликаону и о мужчинах, которые, попробовав мясо смешанного жертвоприношения, сами того не подозревая, кладут человеческую плоть себе в рот.(2) Таким образом, этот аспект греческой религии находится почти на одном уровне с таинственными каннибальскими ужасами "вуду", практикуемыми тайными обществами негров в Хайти. Но расспрашивать об этих вещах, как сказал бы Павсаний, не доставляет особого удовольствия.

(1) Pausanias, viii. 2.

(2) Платон, Респ., viii. 565, ум. Этот обряд встречается в некоторых африканских церемониях коронации.

Даже там, где людей не приносили в жертву богам, турист, побывавший в храмах, узнает, что эти кровавые обряды когда-то были обычным делом, и церемонии существовали для их замены. Это именно то, что мы находим в ведической религии, в которой была пройдена пустая форма принесения в жертву человека, и происхождение мира было прослежено до фрагментов бога, принесенных в жертву богами.(1) В Спарте был алтарь Артемиды Ортии и деревянное изваяние большой грубости и древности — настолько грубое, что Павсаний, хотя и привык к греческим камням-фетишам, подумал, что оно, должно быть, варварского происхождения. История заключалась в том, что определенные люди из разных городов, принося жертвы на алтаре, были охвачены безумием и убили друг друга. Оракул повелел, чтобы алтарь был окроплен человеческой кровью. Поэтому мужчины выбирались по жребию для принесения в жертву до тех пор, пока Ликург не заменил жертвоприношение и не окропил алтарь кровью мальчиков, которых выпороли перед богиней. Жрица держит статую богини во время порки, и если кого-нибудь из мальчиков слегка выпороть, статуя становится для нее слишком тяжелой.

(1) Пуруша Сукхта, в Ригведе, х. 90.

У ионийцев близ Антеи был храм Артемиды Трикларии, и ей было принято ежегодно приносить в жертву юношу и девушку необыкновенной красоты. Во времена Павсания человеческие жертвоприношения были заменены. Он сам был свидетелем странного зрелища, когда живых зверей и птиц бросали в огонь Артемиде Лафрии, калидонской богине, и он видел, как медведи бросались обратно на служителей; но не было никаких записей о том, что кто-либо когда-либо пострадал от этих диких зверей.(1) Медведь был зверем, тесно связанным с Артемидой, и есть некоторые основания предполагать, что богиня сама была медведицей или сменила культ медведицы на заре времен.(2)

(1) Пауз., vii. 18, 19.

(2) См. "Артемиду", постя.

Можно полагать, что там, где приносятся символические человеческие жертвоприношения, то есть там, где убивают какую-то другую жертву или уничтожают манекен человека, и где легенда утверждает, чтокогда-то жертвоприношение было человеческим, изначально жертвами были мужчины и женщины. Греческий ритуал и греческий миф были полны таких историй и таких замен.(1) В Риме, как хорошо известно, приносились в жертву изображения людей, которых

называли аргивянами.(2) В качестве примера жертвы зверю, приведенной в "смягчении наказания", Павсаний упоминает (3) случай с жителями Потний, которые были вынуждены раз в год приносить в жертву Дионису мальчика в расцвете юности. Но жертвоприношение было заменено козлом.

(1) Множество примеров см. в Hermann, *Alterthumer.*, ii. 159-161.

(2) Плутарх, "Поиски". Рим. 32.

(3) ix. 8, 1.

Эти переключения знакомы во всем мире. Даже в Мексике, где человеческие жертвоприношения и ритуальный каннибализм были повседневными событиями, Кецалькоатлю приписывали замену человеческих жертвоприношений кровью, взятой из тел верующих. В этом вопросе даже самые консервативные верования и конфессии, наиболее противящиеся переменам, иногда говорят вслед за Тартюфом:

Le ciel defend, de vrai, certains contentements,
Mais on trouve avec lui des accommodements.

Хотя этот факт отрицался (несомненно, без размышлений), факт остается фактом: греки приносили человеческие жертвы. Итак, что это означает? Следует ли воспринимать это как пережиток варварства, как одно из доказательств того, что греки прошли через варварский статус?

Ответ менее очевиден, чем можно было бы предположить. Жертвоприношение имеет два источника. Во-первых, существуют ПОЧЕТНЫЕ жертвоприношения, во время которых призраку или богу (или божественному зверю, если поклоняются божественному зверю) предлагается пища, которую, как считается, он предпочитает. Такого не бывает у низших дикарей. По словам Гарсиласо, индейцы Перу приносили себя в жертву плотоядным тотемам. Хорошо известно кормление священных мышей в храмах Аполлона Сминтея. Во-вторых, существуют искупительные жертвоприношения, при которых верующий как бы наказывает себя в ребенке, быке или чем-то другом, чем он дорожит. Последний вид жертвоприношения (наиболее распространенный в случаях преступления, совершенного или подозреваемого в кругу сородичей) не обязательно варварский, за исключением его жестокости. Примером может служить аттическая Таргелия, в которой два человеческих козла отпущения ежегодно несли "грехи собрания", их пороли, гнали к морю с привязанными к шеем фигами и сжигали.(1)

(1) Сравните марсельское человеческое жертвоприношение, Petron., 141; и для Таргелии, Цецы, Хиляды, ст. 736; Hellad. у Фотия, стр. 1590 г. н. э. и Харпока. с. v.

Таким образом, институт человеческих жертвоприношений, независимо от того, рассматривается ли приношение как пища или как дар богу того, что дороже всего для человека (как в случае с дочерью Иеффая), или предполагается, что жертва несет на своей голове грехи народа, не обязательно восходит к периоду дикости. Действительно, жертвоприношение больше всего процветает не среди дикарей, а среди наступающих варваров. Вероятно, было бы невозможно найти какие-либо примеры человеческих жертвоприношений искупительного или

святотатственного характера, вообще каких-либо жертвоприношений среди австралийцев, андаманцев или огнеземельцев. Идея преподносить пищу сверхъестественным силам, будь то призраки или боги, относительно редка среди дикарей. (1) Ужасные пиршества ацтеков, участниками которых были боги, являются наиболее известными примерами человеческих жертвоприношений чисто каннибальского происхождения. Теперь есть все основания предполагать, что человеческие жертвоприношения, не имевшие иного происхождения, кроме каннибализма, сохранились даже в Древней Греции. "Можно предположить, - пишет профессор Робертсон Смит (2), - что человеческие жертвоприношения, приносимые Волку Зевсу (Ликею) в Аркадии, первоначально были каннибальскими празднествами волчьего племени. Согласно более поздней легенде, первые участники обряда были превращены в волков; а в более поздние времена (3) по крайней мере, один кусочек человеческой плоти клали среди жертвенных частей, полученных от других жертв, и считалось, что человек, съевший его, становился оборотнем". (4) У каннибалов почти универсальным правилом является не есть представителей своего собственного племени, точно так же, как они не едят свой собственный тотем. Таким образом, как говорит профессор Робертсон Смит, когда жертвой становится пленник или другой иностранец, человеческое жертвоприношение можно рассматривать как пережиток каннибализма. С другой стороны, в тех случаях, когда жертвой является соплеменник, жертва является искупительной или мирской.

(1) Джевонс, Введение в науку о религии, стр. 161, 199.

(2) Энциклопедия. Брит., с. v. "Жертвоприношение".

(3) Платон, Респ., viii. 565, D.

(4) Пауза, viii. 2.

Среди греческих богов-каннибалов мы не можем не упомянуть так называемого "Диониса-каннибала" и, вероятно, Зевса Орхоменского, Зевса Лафистия, которого Суидас называет "Зевсом-обжорой". Родственный глагол ((греческий текст опущен)) означает "есть, круша и раздирая", "ненасытно поглощать". Итак, клянусь Зевсом Лафистием, мужская плоть была объедена таким прискорбным образом.

Свидетельства человеческих жертвоприношений (особенно когда они кажутся не единичными, а пережитком каннибализма) наводят на мысль, что греки когда-то были варварами. Это предположение подтверждается свидетельствами раннего греческого религиозного искусства.

Когда его любопытство по поводу человеческих жертвоприношений было удовлетворено, паломник в Греции мог обратить свое внимание на статуи и другие изображения богов. Он обнаружил бы, что современные статуи известных художников были прекрасными антропоморфными произведениями из мрамора или золота и слоновой кости. Это правда, что лица древних позолоченных Дионисиесов в Коринфе были сплошь покрыты киноварью, подобно камням-фетишам в Индии или Африке. (1) Однако, как правило, статуи исторических времен были прекрасными изображениями добрых и милосердных существ. Более старые работы представляли собой застывшие изображения с губами, скривленными в ничего не значащую улыбку. Еще древнее были бронзовые боги, сделанные до изобретения искусства пайки, из отбитых пластин, соединенных маленькими гвоздями. Еще более древними были деревянные изображения, которые, вероятно, имели лишь слабое сходство с человеческим телом и которые часто были просто "подпорками". (2) Возможно, раз в год показывали самых ранних богов:

Деметру с головой лошади, Артемиду с рыбьими хвостами, кукушку Геру, изображение которой было сделано из грушевого дерева, Зевса с тремя глазами, Гермеса, выполненных по образцу изображений на стенах священных пещер у бушменов. Но древнейшими богами из всех, неоднократно повторяет Павсаний, были грубые камни в храме или на храмовой территории. В ахейских Фараонах он нашел около тридцати прямоугольных камней, названных каждый в честь какого-либо бога. "У всех греков в древнейшие времена грубым камням поклонялись вместо статуй". Суеверный человек в Персонажах Теофраста имел обыкновение смазывать священные камни маслом. Камень, который Кронос проглотил, приняв за Зевса, почитался в Дельфах и согревался шерстяными одеяниями. У трезенийцев был еще один священный камень, а мегарцы поклонялись Аполлону - грубо ограненному камню пирамидальной формы. У аргивян был большой камень под названием Зевс Каппотас. Актеры театра поклонялись камню, который они называли Эросом; "их древнейший идол - грубый камень".(3) Хорошо известно, что оригинальный камень-фетиш был найден *in situ* под ногами статуи Аполлона на Делосе. Таким образом, это показывает, что религия очень ранних греков в Греции мало чем отличалась от религии современных негров. Художественную эволюцию богов, удивительно быструю после определенного момента, можно было проследить в каждом храме. Все началось с грубого камня и перешло к деревянному идолу, в котором, как мы видели, Павсаний и Порфирий находили такую святость. Затем он достиг чеканного бронзового изображения, прошел через архаичный мрамор и достиг кульминации в более тонком мраморе и хризелефантиновых статуях Зевса и Афины. Но ни один из древних священных предметов не утратил своей святости. Самыми старыми всегда были самые священные идолы; самыми старыми из всех были пни и камни, похожие на дикарские камни-фетиши.

(1) Pausanias, ii. 2.

(2) Клеменс Алекс., Проторепт. (Оксфорд, 1715). стр. 41.

(3) Джилл, "Мифы Южной части Тихого океана", стр. 60. Сравните бога, который оказался всего лишь пемзой и считался богом ветров и волн, перенесенным в Пука-Пуку. Во время ураганов ему приносили в жертву пищу.

Еще один аргумент в пользу общего тезиса о том, что дикость оставила глубокие следы в греческой жизни в целом и в мифах в частности, может быть получен из пережитков тотемизма в ритуалах и легендах. Приведенные ниже примеры необязательно принимать во внимание, но можно признать, что это именно те следы, которые оставил бы тотемизм, если бы он когда-то существовал, а затем исчез с развитием цивилизации.(1)

(1) Аргумент, который следует выводить из характера греческого (греческий текст опущен) как модифицированной формы тотемного сородича, слишком длинный и сложный, чтобы выдвигать его здесь. Об этом говорится в книге "Обычаи и мифы", "История семьи", в "Исследованиях ранней истории" М'Леннана, и предполагается, если не доказано, что в Древнем обществе это было сделано покойным мистером Льюисом Морганом.

То, что греки в определенных районах относились с религиозным почтением к определенным растениям и животным, не подлежит сомнению. То, что некоторые виды даже вели свое происхождение от зверей, будет показано в главе, посвященной греческим божественным мифам, и предполагается, что эти существа, хотя и объясняются как воплощения и маскировки различных богов, когда-то были тотемами без слов, как будет видно из различных примеров.

Клеменс Александрийский, снова, после описания поклонения животным египтян, упоминает случаи зоолатрии в Греции. (1) Фессалийцы почитали аистов, фиванские ласки, и ходил миф, что ласка каким-то образом помогала Алкмене во время родов с Гераклом. В другой форме мифа ласка была приемной матерью героя. (2) Другие фессалийцы, мирмидоняне, утверждали, что произошли от муравья, и почитали муравьев. Хорошо известно религиозное почитание мышей в храме Аполлона Сминтея, в Троаде, на Родосе, в Геле, на Лесбосе и Крите, и оракул упомянул местное племя как Мышей. Сам бог, подобно японскому богу урожая, был изображен в искусстве с мышью у ног, и мышей, как уже было сказано, кормили в его святилище. (3) Сирийцы, говорит Климент Александрийский, поклоняются голубям и рыбам, как элианцы поклоняются Зевсу. (4) Жители Дельфы обожали волка, (5) а самойцы - овцу. У афинян был герой, которому они поклонялись в образе волка. (6) Замечательным свидетельством является сочинение схолиаста об Аполлонии Родии, ii. 124. "Волк, - говорит он, - был зверем, которого афиняне почитали, и всякий, кто убивает волка, собирает все необходимое для его погребения". Захоронение священных животных в Египте хорошо знакомо. Арабское племя оплакивает и торжественно хоронит всех мертвых газелей. (7) Более того, мухам поклонялись принося в жертву быка возле храма Аполлона в Левкасе. (8) Pausanias (iii. 22) упоминает неких колонистов, которых заяц привел к месту, где животное спряталось в миртовом кусте. Поэтому они обожают мирт (греческий текст опущен). Точно так же карийцы, иоксиды, почитали спаржу. (9) Замечательный пример происхождения, о котором мифически говорится, от одного из низших животных, отмечен Отфридом Мюллером. (10) Говоря о лебеде Аполлона, он говорит: "Этому божеству поклонялись, согласно свидетельству "Илиады", на троянском острове Тенедос. Там также Теннес почитался как король острова (греческий текст опущен). Теперь его отца звали Кикнус (лебедь) в часто рассказываемой романтической легенде. (11)... Лебедь, таким образом, как отец главного героя острова Аполлин, находится в особой связи с богом, который выступает еще более отчетливо из-за того факта, что сам Аполлон также называется отцом Теннеса. Я думаю, мы едва ли можем не узнать миф, который был местным в Тенедосе.... Тот факт, что отцом героя называют лебедя, а не Аполлона, требует в целом простоты и смелости фантазии, которые гораздо древнее поэм Гомера".

(1) Указ. соч., i. 34.

(2) Схолиаст об Илиаде, xix. 119.

(3) Элиан, X. A., xii. 5; Страбон, xiii. 604. Сравните "Аполлон и Мышь, Обычай и миф", стр. 103-120.

(4) Lucian, De Dea Syria.

(5) Элиан, X. A., xii. 40.

(6) Гарпократия (греческий текст опущен). Сравните обращение к герою-волку, "который наслаждается бегством и слезами людей", у Аристофана, Веспай, 389.

(7) Робертсон Смит, "Родство в ранней Аравии", стр. 195-204.

(8) Элиан, xi. 8.

(9) Plutarch, Theseus, 14.

(10) Пролог., англ. пер., стр. 204.

(11) (Канн на Кононе, 28.)

Если бы Мюллер знал, что эта "простота и смелость фантазии" существуют и в наши дни, например, среди австралийского племени Лебедей, он, вероятно, признал бы в Цикнусе пережиток тотемизма. Эта фантазия снова оживает в "Купаво" Вергилия, "с лебедиными перьями, поднимающимися из его гребня, как знак формы его отца".(1) Утверждалось, что он происходит не только от Аполлона-лебеда, но и от Аполлона-собаки.

(1) Энеида, х. 187.

В связи с тем же набором идей указывается, что у некоторых (греческий текст опущен), или племен, были одноименные герои, в чьих именах, по-видимому, сохранились названия зверя-предка. В Аттике у криоев есть свой герой (Crio, "Баран"), у бутадей есть Бутас ("Человек-бык"), у эгидей есть Эгей ("Козел"), а у цинадей - Цинус ("Собака"). У Лика, согласно Гарпократию (s. v.), в Лицее есть его статуя в виде волка. "Общие факты о том, что определенные животные не могут быть принесены в жертву определенным богам" (в Афинах Эгиды представили Афину, которой на Акрополе нельзя было приносить в жертву козу, в то время как сама она носила козью шкуру, эгиду), "в то время как, с другой стороны, каждое божество требовало определенных жертв, которые сами древние в определенных случаях объясняли как враждебных животных, находят свое естественное объяснение" в тотемизме.(1) Г-н Эвелин Эбботт указывает, однако, что имена Эгей, Эгея, Эгина и другие могут быть связаны с козлом только старой народной этимологией, как на монетах Эгины в Ахее. Реальное значение слов может быть другим. Сравните (греческий текст опущен): морской берег. Фрэзер в настоящее время не считает тотемизм доказанным в случае Греции.(2)

(1) Некоторые очевидные пережитки тотемизма в ритуалах можно найти в главе о греческих богах, особенно о Зевсе, Дионисе и Аполлоне.

(2) См. его "Золотую ветвь", альтернативное объяснение этих животных в связи с "Духом кукурузы".

В качестве последних примеров пережитков эпохи варварства в религии Греции можно отметить определенные особенности Мистерий. Плутарх говорит о "поедании сырого мяса и разрывании жертв на куски, а также о постах и битье в грудь, и снова во многих местах оскорбительные выражения при жертвоприношениях и другие безумные поступки". Мистерии Деметры, как выяснится при критике ее легенды, содержали один элемент, совершенно не похожий на эти "безумные деяния"; и свидетельства Софокла, Пиндара, Плутарха и других демонстрируют, что религиозные утешения каким-то образом передавались в Элевсини. Но в Греции было много других местных мистерий, и в некоторых из них, несомненно, греки действовали во многом так же, как современные австралийцы, зунийцы и негры действуют в своих тайных посвящениях, которые, однако, также прививают моральные идеи значительного совершенства. Какими бы важными ни были эти аналогии, они, по-видимому, ускользнули от внимания большинства мифологов. Однако М. Альфред Мори в "Греческих религиях", опубликованной в 1857 году, предлагает несколько примеров скрытых обрядов, общих для Эллады и варварства.

Кажется, что тайны диких рас преследуют две главные цели. Существует намерение придать посвященным определенный священный характер, который ставит их в тесную связь с богами или демонами, и есть приобщение молодежи к завершенной или прогрессирующей зрелости и

к полноценному участию в Церкви дикарей с ее этическими идеями. Последние церемонии, короче говоря, соответствуют конфирмации и обычно носят суровый характер, поскольку предназначены для проверки постом (как говорит Плутарх) и пытками (как в известном спартанском обряде) храбрости и постоянства молодых храбрецов. Наиболее известными нам греческими мистериями являются Тесмофория и Элевсиния. В первом случае обряды (как будет показано позже) имели природу дикой "медицины" или магии и были в основном предназначены для обеспечения плодородия в сельском хозяйстве и в семье. В Элевсинии целью посвящения было очищение, обеспечиваемое омовениями и стоянием на "бараньей шкуре Зевса", а после очищения мисты участвовали в священных танцах, и им разрешалось посмотреть чудесное представление, изображающее печали и утешения Деметры. Существовал высший элемент, неизбежно неясный по своей природе. Главными чертами в целом были очищения, танцы, жертвоприношения и представление спектакля чудес. Было бы утомительно давать исчерпывающий отчет о диких ритуалах, аналогичных этим мистериям Эллады. Пусть будет достаточно показать те моменты, в которых греческий язык оказался в гармонии с австралийской, американской и африканской практикой. Эти моменты таковы: (1) мистические танцы; (2) использование небольшого инструмента, называемого в Австралии *turnدون*, с помощью которого издается грохочущий звук, и непосвященные предупреждаются; (3) привычка обмазывать лиц, собирающихся проходить посвящение, глиной или чем-либо еще, что является грязным, и смывать это; очевидно, для того, чтобы показать, что старая вина устранена и начинается новая жизнь; (4) можно заметить представления со змеями, в то время как "безумные поступки" и "завывания", упомянутые Плутархом, знакомы каждому читателю о путешествиях по нецивилизованным странам; (5)) передаются этические инструкции.

Во-первых, что касается мистических танцев, Лукиан замечает: (1) "Вы не можете найти ни одной древней мистерии, в которой не было бы танца.... Все люди знают, что большинство людей говорят о раскрывающих тайны, что они "вытанцовывают их" ((Греческий текст опущен)). Клеменс Александрийский использует тот же термин, говоря о своих собственных "ужасающих откровениях". (2) Мистерии у дикарей настолько тесно связаны с танцами, что, когда мистер Орпен спросил Цина, охотника-бушмена, о некоторых доктринах, в которые Цин не был посвящен, он сказал: "Только посвященные в этот танец знают эти вещи". "Танцевать" то или иное означает быть знакомым с тем или иным мифом, который представлен в танце или балетном действии (3) (Греческий текст опущен)). Эта практика настолько широко распространена, что Акоста в интересном отрывке упоминает ее как знакомую народу Перу до и после испанского завоевания. Текст представляет собой ценный пример выживания в религии. Обратившись в христианство, перуанцы обнаружили аналогию между нашим таинством и их мистериями и, насколько это было возможно, сохранили старый обряд в новом ритуале. Точно так же, как элевсинские мисты соблюдали целомудрие, воздерживаясь от определенной пищи, и прежде всего от бобов, перед великим языческим таинством, так поступали и индийцы. "Чтобы подготовиться, все люди постились два дня, в течение которых они не общались со своими женами, не ели мяса с солью или чесноком, не пили ничего вкусного.... И хотя индейцы теперь воздерживаются от публичных жертвоприношений животных или других предметов, что не может быть скрыто от испанцев, тем не менее, они все еще используют многие церемонии, которые берут свое начало от этих праздников и древних суеверий, поскольку в этот день они тайно совершают свой праздник Иту в конце праздника Причастия. Другой праздник приходится почти на то же время, в то время как христиане соблюдают торжественность святого Причастия, которое В ЧЕМ-ТО НАПОМИНАЕТ ЕГО, НАПРИМЕР, В ШЕСТВИИ, ПЕНИИ И

ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ". (4) Святые "шествия" в Севилье находятся под неодобрением папы, но, как говорят, их следует поддерживать до тех пор, пока не износятся особые одежды, используемые в них. Индейцы Акосты также носили "одежду, которая служила только для этого пиршества". Излишне приводить примеры танцев, которые являются неизменной чертой как диких, так и греческих мистерий.

(1) (Греческий текст опущен), глава xv. 277.

(2) Ap. Euseb., Praep. Ев., ii, 3, 6.

(3) Ежемесячный журнал "Кейп", июль 1874г.

(4) Акоста, "История Индии", книга V. глава. xxviii. Лондон, 1604.

2. Учащимся знакомо греческое и дикарское использование терндана, или австралийского бриббуна, в мистериях. Эта плоская деревянная доска в форме рыбы привязывается к бечевке и вращается так, чтобы издавать своеобразный приглушенный рев. Лобек цитирует из старой схолии о Кlemente Александрийском, опубликованной Бастиусом в "аннотациях к святому Григорию", следующее греческое описание терндана, "ревущего быка" английских деревенских парней, гэльского сраннама: (1) (Греческий текст опущен)". "Конус представлял собой маленькую деревянную пластинку, привязанную к веревочке и вращающуюся в мистериях, издавая жужжащий звук. Поскольку мистическое использование терндана в Австралии, Новой Зеландии, Нью-Мексико и Зулуленде в других местах было описано довольно подробно (Обычай и миф, стр. 28-44), возможно, будет достаточно отсылать читателя к этому отрывку. С тех пор мистер Тейлор нашел инструмент, используемый в религиозных мистериях в Западной Африке, так что теперь его отследили почти по всему миру. То, что столь грубый инструмент использовался греками и австралийцами в мистических случаях, само по себе является замечательным совпадением. К сожалению, Лобек, опубликовавший греческое описание терндуна (Aglaorhamus, 700), не был знаком с современными этнологическими свидетельствами.

(1) Произносится как странтэм. За эту информацию я в долгу перед моим другом мистером Макалистером, школьным учителем в Сент-Мэри-Лох.

3. Обычай обмазывать посвящаемого глиной или нечистотами был распространен в греческом языке, как и в варварских мистериях. Сначала можно привести греческие примеры. Демосфен обвиняет Эсхина в том, что он помогал своей матери в определенных мистических ритуалах, в частности, обмазывая посвящаемого глиной и отрубями.(1) Харпократий объясняет используемый термин ((греческий текст опущен)) таким образом: "Обмазывание посвящаемого глиной и отрубями, для объяснения чего говорят, что титаны, когда они напали на Диониса, обмазали себя мелом, но впоследствии для ритуальных целей использовалась глина". Можно с некоторой убедительностью утверждать, что мать Эсхина ввела чуждые, новые и, возможно, дикарские обряды. Но Софокл во фрагменте своей утраченной пьесы "Пленники" использует этот термин в том же ритуальном смысле —

(Греческий текст опущен).

(1) De Corona, 313.

Идея явно заключалась в том, что очищение от грязи, налипшей на тело, символизировало чистое и свободное состояние посвященного. Теперь он мог бы заплакать в мистическом песнопении —

(Греческий текст опущен).

Худшее, от чего я бежал, лучшее, что я нашел.

То, что именно в этом заключалось значение обмазывания глиной в греческих мистериях и последующего очищения, кажется вполне несомненным. К такому выводу нас подводят сходные ритуалы, в которых открыто выдвигалась цель мистического очищения. Таким образом, Плутарх в своем эссе о суевериях представляет виновного человека, который должен был очиститься, фактически катаясь в глине, исповедуясь в своих проступках, а затем сидя дома, очищенный процессом очищения ((греческий текст опущен)).(1) В другом обряде, очищении от чувства вины в крови, практиковался аналогичный процесс. Орест, убивший свою мать, жалуется, что Эвмениды не прекращают преследовать его, хотя он был "очищен кровью свиньи".(2) Аполлоний говорит, что красную руку убийцы окунули в кровь свиньи, а затем вымыли.(3) Афиней описывает похожую неприятную церемонию.(4) Очевидно, также использовалась кровь щенков, ею сначала обмазывали мужчин, а затем дочиста отмывали.(5) Слово (греческий текст опущен) снова является подходящим ритуальным термином. Такие обряды Плутарх называет (греческий текст опущен) "грязными очищениями".(6) Если известно, что обмазывание грязью было характерной чертой греческих мистерий, то среди дикарей это встречается повсюду. В "О-Ки-Па", этом удивительно подробном отчете о манданских мистериях, Кэтлин пишет, что часть тела посвящаемого была "покрыта глиной, которую оператор брал из деревянной чаши и безжалостно намазывал своей рукой". Пятьдесят юношей, ожидавших посвящения, "были обнажены и полностью покрыты глиной различных цветов".(7) Этот обычай упоминается капитаном Джоном Смитом из Виргинии. Мистер Уинвуд Рид обнаружил его в Африке, где, как и у манданов и спартанцев, жестокие пытки и порка сопровождали посвящение юношей.(8) В Австралии доказательств обмазывания посвящаемого очень много.(9) В Нью-Мексико зуни украли черную краску мистера Кушинга, считая ее даже лучшей глиной для религиозной мази.(10)

(1) Итак, Германн, указ. соч., 133.

(2) Эвмениды, 273.

(3) Аргонавтика, iv. 693.

(4) ix. 78. Германн, у которого заимствованы последние отрывки, также цитирует свидетельство о вазе, опубликованное Фейербахом, Lehrbuch, стр. 131, вместе с другими источниками.

(5) Plutarch, Quaest. Рим., 68.

(6) De Superstitione, chap. xii.

(7) О-Ки-Па, Лондон, 1867, стр. 21.

(8) Дикая Африка, случай Монгиломбы; Павсаний, iii. 15.

(9) Броу Смит, i. 60.

(10) Обычай и миф, стр. 40.

4. Другой дикий ритуал, использование змей в греческих мистериях, засвидетельствован Клеменсом Александрийским и Демосфеном (см. цит. по). Клеменс говорит, что змей ласкали в изображениях любви Зевса в змеевидной форме. Великий пример дикарей - это "танец змей мокиев", которые в мистериях обращаются с гремучими змеями, не причиняя им вреда.(1) Танец частично тотемистический, частично предназначен, как и Тесмофория, для обеспечения плодородия земель мокиев Аризоны. Используется *turndum* или (греческий текст опущен). Надеваются маски, как в обрядах Деметры Сидирии в Аркадии.(2)

(1) Танец змей Мокиев. Автор: капитан Джон Г. Бурк, Лондон, 1884.

(2) Pausanias, viii. 16.

5. Эта последняя точка соприкосновения между некоторыми греческими и некоторыми дикарскими мистериями чрезвычайно важна. Аргумент Лобека в его знаменитом труде "Аглаофама" состоит в том, что Мистерии не имели большого значения в религии. Если бы он знал свидетельства об инициациях дикарей, он утвердился бы в своем мнении, поскольку многие из необычных греческих обрядов явно являются пережитками дикости. Но разве не было больше подлинно религиозного выживания? Пиндар - очень древний свидетель того, что были открыты вещи божественного значения. "Счастлив тот, кто, увидев эти вещи, уходит под полую землю. Он знает конец жизни и данное богом начало". (1) Софокл "вмешивается", как говорит Лобек, заявляя, что только посвященный ЖИВЕТ в Аду, в то время как другие души терпят все бедствия. Кринагор утверждает, что даже при жизни посвященные живут в безопасности, а после смерти становятся счастливее. Исагор заявляет, что относительно конца жизни и всей вечности у них есть сладостные надежды.

(1) Фрагмент., schvi., 128 H. стр. 265.

Великолепное свидетельство, - восклицает Лобек. Он пытается свести к минимуму доказательства, отмечая, что Исократ обещает те же награды всем, кто живет справедливо. Но почему бы и нет, если жить праведно было частью учения элевсинских мистерий? Свидетельство Цицерона, являющееся почти переводом уже цитированных греческих отрывков, Лобек отвергает как чисто риторическое.(1) Метод Лобека довольно бесцеремонен. Пиндар и Софокл имели в виду нечто очень важное.

(1) De Legibus ii. 14; Aglaophamus, pp. 69-74.

Теперь мы признали дикие пережитки уродливых ритуалов в греческих мистериях. Но будет справедливо вспомнить, что в некоторых из немногих диких мистерий, секрет которых нам известен, прививается праведность жизни и знание добра. Так обстоит дело в Австралии и Центральной Африке, где быть "непосвященным" равносильно тому, чтобы быть эгоистичным.(1) Таким образом, не кажется невероятным, что утешительные доктрины излагались в Элевсини, и что такого рода проповедь или увещание было не меньшим спасением от дикости, чем обмазывание глиной и (греческий текст опущен) другие дикие обряды.

(1) Создание религии, стр. 193-197, 235.

Теперь мы попытались установить, что в греческом праве и ритуалах, несомненно, сохранились многие дикие обычаи. Мы видели, что как философы, так и народное мнение в Греции верили в прошедшую эпоху дикости. В законе, в религии, в религиозном искусстве, в обычаях, в человеческих жертвоприношениях, в пережитках тотемизма и в мистериях мы видели, что греки сохранили множество обычаев, которые сейчас встречаются у самых отдаленных и отсталых рас. Мы возражали против предположения о заимствовании из Египта или Азии, утверждая, что эти пережитки постоянно встречаются в местных и племенных религиях и ритуалах, и что, следовательно, они, вероятно, восходят к тому далекому доисторическому прошлому, когда греки жили в деревенских поселениях. Все еще, несомненно, можно настаивать на том, что все эти вещи пеласгические и были обычаями расы, поселившейся в Элладе до прибытия гомеровских ахейцев, дорийцев и аргиев, которые, согласно этой гипотезе, переняли и поддерживали старые дикие пеласгийские обычаи и суеверия. Невозможно доказать или опровергнуть это убеждение, и оно не влияет на нашу аргументацию. Мы утверждаем, что вся греческая жизнь под поверхностью была богата институтами, которые сейчас встречаются у самых варварских народов. Эти институты, заимствованные или унаследованные, все равно были бы частью наследия, оставленного дикарями культурным народам. Поскольку это наследие настолько обширно в обычаях и ритуалах, не будет несправедливым утверждать, что часть его также можно найти в мифах. Теперь пришло время обсудить греческие мифы о происхождении вещей и решить, аналогичны ли они по своим идеям мифам, порожденным дикой и невежественной фантазией австралийцев, кароков, нутка и бушменов.

ГЛАВА X. ГРЕЧЕСКИЕ КОСМОГОНИЧЕСКИЕ МИФЫ.

Характер свидетельств—Традиции происхождения мира и человека—Гомеровские, гесиодовские и орфические мифы—Более поздние свидетельства историков, драматургов, комментаторов—Гомеровская история сравнительно чистая—История у Гесиода и ее дикарские аналоги—Объяснения мифа о Кроносе, современные и древние—Орфическая космогония—Фанес и Праджапати—Греческие мифы о происхождении человека —Их дикарские аналоги.

Источники греческого космогонического мифа чрезвычайно различны по дате, характеру и ценности. Самыми древними текстами являются "Илиада" и поэмы, приписываемые Гесиоду. "Илиада", какова бы ни была ее дата, в каком бы месте она ни была написана, предназначалась для того, чтобы понравиться благородному классу воинов. Поэмы Гесиода, по крайней мере "Теогония", явно преследуют дидактическую цель и намереваются представить систематический и упорядоченный рассказ о божественных генеалогиях. Ни тому, ни другому мы бы охотно не стали приписывать дату намного позже девятого века нашей эры, но вопрос о датировке всех эпосов и поэм Гесиода и даже их различных частей вызывает серьезные споры среди ученых. И все же нигде не отрицается, что, какой бы поздней ни была нынешняя форма некоторых стихотворений, они содержат идеи глубокой древности. Хотя гомеровские поэмы

обычно считаются в целом более древними, чем те, которые приписываются Гесиоду, (1) стоит помнить факт, что представления о происхождении вещей у Гесиода гораздо более дикие и (как мы считаем) гораздо более архаичные, чем мнения Гомера.

(1) Грот относит свою Теогонию к circ. 750 г. н.э. Богословию обучали мальчиков в Греции во многом так же, как Церковному катехизису и Библии обучают в Англии; Эсхин в Ктесифе., 135, с. 73. Либаний, через 400 лет после Рождества Христова (i. 502-509, iv. 874).

В то время как Гесиод предлагает полную теогонию или генеалогию божеств и героев, Гомер дает не более чем намеки на бурное прошлое богов. Однако ясно, что его представление о том прошлом значительно отличалось от традиций Гесиода. Как бы мы это ни объясняли, гомеровская мифология (хотя сама по себе она вызывает отвращение у философов, начиная с Ксенофана) гораздо более мягкая, чистая и гуманная, чем мифология Гесиода или других наших греческих авторитетов. Некоторые могут вообразить, что Гомер сохранил более ясную и менее искаженную память, чем Гесиод, обладавший оригинальным и аутентичным "божественным преданием". Другие могут найти в сравнительной чистоте Гомера доказательство более поздней датировки его эпосов в их нынешнем виде или даже заявить, что Гомер был чем-то вроде Сервантеса, который хотел высмеять богов. Нет ни одной мыслимой или непостижимой теории о Гомере, у которой не было бы своих сторонников. Что касается нас, то мы считаем, что божественный гений Гомера, хотя и действовал в эпоху скорее отдаленную, чем "раннюю", инстинктивно отбирал более чистые мифические материалы и сжигал более грубый шлак античных легенд, оставляя лишь сравнительно очищенное золото.

Мы должны помнить, что из этого не следует, что какие-либо мифические идеи возникли позже эпохи Гомера, если мы впервые встречаем их в поэмах более позднего времени. Мы уже видели, что, хотя "Брахманы" составлены намного позже, чем "Веды", все же традиция, которую мы впервые находим в "Брахманах", может быть старше того времени, когда была составлена "Веда". Точно так же, как замечает мистер Макс Мюллер, "мы знаем, что определенные идеи, которые мы находим у более поздних авторов, не встречаются у Гомера. Но из этого вовсе не следует, что все такие идеи возникли позже или обладают вторичным характером. Один миф мог принадлежать одному племени; один бог мог иметь свое главное поклонение в одной местности; и наше знакомство с ними через более позднего поэта ни в малейшей степени не доказывает их более позднего происхождения".(1)

(1) Лекции Хибберта, стр. 130, 131.

После Гомера и Гесиода нашими самыми древними источниками для греческих космогонических мифов, вероятно, являются так называемые орфические фрагменты. Относительно дат и способа возникновения этих стихотворений были составлены тома эрудиции. Поскольку Гомер умалчивает об Орфее (несмотря на положение, которое мифический фракийский бард приобрел как изобретатель письменности и магии и отец мистерий), принято считать, что орфические идеи появились позднее. Мы можем согласиться с Гроте и Лобеком в том, что эти идеи и аскетический "орфический образ жизни" впервые приобрели значение в Греции примерно во времена Эпименида, или, грубо говоря, между 620 и 500 годами до н.э. (1) В ту эпоху определенно наблюдался любопытный рост суеверных страхов и мистических церемоний, призванных смягчить духовные ужасы. Греция все ближе знакомилась с Египтом и Азией и сравнивала свою собственную религию с верованиями и обрядами других народов. Время и умы людей готовились к ясным философиям, которые вскоре

"на Аргивинских высотах божественно запели". Точно так же, как когда старый свет был готов принять христианство, умы людей захлестнул поток восточных и варварских суеверий, так и непосредственно перед зарождением греческой философии произошел всплеск мистицизма и духовных страхов. Мы можем предположить, что орфические поэмы были собраны, отредактированы и, вероятно, вставлены в этот мрачный час Греции. "Мне кажется, - говорит Лобек, - что эти стихи могут быть отнесены к эпохе ономакрита, эпохе, интересующейся произведениями древних поэтов и привлеченной соблазнами мистических религий". Стиль сохранившихся фрагментов достаточно чист и эпичен; странные, неслыханные мифы непохожи на те, которые александрийские поэты черпали из давно утраченных источников.(2) Но сколько в орфических мифах заимствовано из Азии или Египта, сколько является изобретением литературных фальсификаторов, таких как Ономакрит, сколько следует рассматривать как первые догадки поэтов-философов-физиков, а сколько является действительно древней популярной легендой, переделанной в литературную форму, с уверенностью определить невозможно.

(1) Лобек, Аглаофамус, i. 317; Грот, iii. 86.

(2) Аглаофам, i. 611.

Мы не должны рассматривать миф как обязательно поздний или обязательно иностранный только потому, что впервые встречаем его в "орфическом сочинении". Если этот миф относится к тому типу, с которыми мы сталкиваемся повсюду, более того, в каждом темном уголке земного шара, мы можем с полным основанием считать его древним. Если на нем есть явные признаки неоплатонической стилизации, мы можем отвергнуть его без колебаний. Однако в целом наши орфические авторитеты никогда не могут цитироваться с большим удовлетворением. Более поздние источники свидетельств о греческих мифах не представляют большой пользы для изучающего космогонические легенды, хотя и бесценны, когда мы переходим к рассмотрению установившейся династии богов, героев и "культурных героев". Для них авторитетами являются представители всей греческой литературы, поэты, драматурги, философы, критики, историки и путешественники. У нас также есть заметки и комментарии схолиастов или комментаторов о поэтах и драматургах. Иногда эти комментаторы только затемняют совет своими догадками. Возможно, иногда, особенно в схолиях об "Илиаде" и "Одиссее", они сообщают нам ценный миф или популярную фразу, не записанную иным способом. Опять же, обычные профессиональные мифографы, прообразом которых является Аполлодор (150 г. до н.э.), составляли руководства, объясняющие мифы, на которые ссылались поэты. Схолиасты и мифографы часто сохраняют мифы из утраченных поэм и пьес. Наконец, от путешественников и историков мы время от времени черпаем примеры историй ("священных глав", как называет их мистер Грот), которые священники и служащие храма рассказывали паломникам, посещавшим священные места.

Эти "главы" почти неизменно ребяческие, дикие и непристойные. На них лежит печать глубокой древности, потому что они, как правило, никогда не проходили через очищающую среду литературы. Существовало много мифов, слишком грубых и архаичных для целей поэзии и драматургии. Они передавались от местного священника к местному священнику с нерушимостью священной и неизменной традиции. Мы уже приводили основания для придания высокой древности местным храмовым мифам. Точно так же, как греки жили в деревнях до того, как собрались в города, так и их боги были богами деревень или племен до

того, как они стали национальными божествами. Местные мифы - это мифы об архаичном деревенском состоянии "культуры", более древнем, более диком, чем литературное повествование. Очень часто местные легенды подвергались процессу аллегорического толкования, поскольку люди начинали осознавать чудовищность их бесхитростного смысла. Часто они оказывались слишком жестокими для наших авторитетов, которые просто замечали: "Об этом рассказывается в определенной священной главе", но отказывались записывать легенду. Точно так же миссионеры из ошибочной деликатности часто отказываются повторять какую-нибудь дикую легенду, с которой они знакомы.

Новейшее свидетельство о греческих мифах следует искать в трудах языческих апологетов или ученых языческих защитников язычества в первые века христианства, а также в трудах их противников, отцов Церкви. Хотя отцы церкви, конечно, не преуменьшают мерзости язычества, и хотя языческие апологеты свободно используют аллегорические (и невозможные) толкования, свидетельства того и другого часто полезны и важны. Свидетельства древнего искусства, вазы, статуи, картины и их описания там, где они больше не сохранились, также представляют интерес.

После этого краткого рассмотрения источников наших знаний о греческих мифах мы можем обратиться к гомеровским легендам о происхождении вещей и зарождении мира. У Гомера эти вопросы упоминаются лишь вскользь. Он не раз называет Океан (то есть легендарный поток, который течет по всему миру, рассматриваемый здесь как ЛИЧНОСТЬ) "происхождением богов", "происхождением всех вещей". (1) То, что Океан считается личностью и что он не является аллегорией воды или водной стихии, явствует из речи Геры, обращенной к Афродите: "Я собираюсь посетить пределы изобильной земли, и Океана, отца богов, и мать Тетис, которые должным образом воспитали меня и воспитывали в своих чертогах, когда дальновидный Зевс заточил Крона под землей и в нетронутым море". (2) Гомер, по-видимому, не знал Урана как отца Крона, и, следовательно, миф об увечье Урана не обязательно встречается у Гомера. Кронос, глава династии, предшествовавшей династии Зевса, описывается (3) как сын Реи, но ничего не говорится о его отце. Отрывок содержит отчет, который сам Посейдон предпочел рассказать о войне на небесах: "Три брата — это мы, сыновья Крона, которых родила Рея, - Зевс и я, а Гадес - третий, правитель народа в подземном мире. И тремя жребиями все было разделено, и каждому достались его собственные владения". Здесь Зевс - СТАРШИЙ сын Крона. Хотя жребий разыгрывается с риском для собственности отца (что, как мы знаем, было обычным делом во времена Гомера), все же на протяжении всей "Илиады" Зевс постоянно требует уважения и послушания, причитающихся ему по праву первородства. (4) Мы увидим, что Гесиод придерживается прямо противоположной точки зрения. Зевс - МЛАДШИЙ сын Крона. Его верховенство является примером *jungsten recht*, широко распространенного обычая, по которому младший ребенок становится главным наследником. (5) Но как получилось, что сыновья Крона получили в свои руки его имущество для раздела? По праву успешного восстания, когда "Зевс заточил Крона под землей и в нетронутым море". Вместе с Кроносом в его заточении находятся титаны. Это все, что Гомер хочет рассказать об абсолютном начале вещей и первой династии правителей Олимпа. Его полностью интересует настоящая царствующая семья, Кронида, и он не любит сообщать об их юношеских эксцессах.

(1) Илиада, xiv. 201, 302, 246.

(2) Читая то, что сообщают Гомер и Гесиод об этих вещах, мы должны помнить, что все силы и явления воспринимаются ими как ЛИЧНОСТИ. В этом отношении сохраняется архаичный и дикий взгляд на все вещи как на личное и человеческое. "Более того, - говорит Гроте, - я полностью поддерживаю характер этих великих божественных агентов как личностей, то есть тот свет, в котором они предстали перед аудиторией Гомера или Гесиода. Уран, Никс, Гипнос и Онейрос (небеса, ночь, сон и грезы) - такие же личности, как Зевс или Аполлон. Сводить их к простым аллегориям небезопасно и невыгодно. Затем мы отходим от точки зрения первоначальных слушателей, не приобретая какой-либо последовательной или философской точки зрения для себя". Это справедливо, хотя отдельные части генеалогий Гесиода представляют собой отчетливо выраженные поэтические аллегории, отлитые по образцу древней личной теории вещей.

(3) Илиада, xv. 187.

(4) Обычай, по которому сыновья тянули жребий о равных долях имущества своего умершего отца, описан в "Одиссее", xiv. 199-212. Здесь Одиссей, рассказывая о себе ложно, говорит, что он был критянином, незаконнорожденным, и что его сводные братья, рожденные в законном браке, тянули жребий о наследстве своего отца и не допустили его к жеребьевке, но выделили ему небольшую часть отдельно.

(5) См. Элтон, "Истоки английской истории", стр. 185-207.

Теперь мы переходим от случайных намеков Гомера к обширному и систематизированному повествованию Гесиода. Как говорит мистер Грот, "Люди обычно черпали информацию о своих теогонических древностях из поэм Гесиода". Гесиод был признан авторитетом как благочестивым Павсанием во втором веке нашей эры, который протестовал против любых попыток изменить рассказы о богах, так и моральными реформаторами, такими как Платон и Ксенофан, которые были возмущены древними легендами (1) и, действительно, отрицали их истинность. И все же, хотя Гесиод представляет греческую ортодоксальность, мы заметили, что Гомер (чьи эпосы, вероятно, еще более древние) упорно игнорирует наиболее варварские части повествования Гесиода. Таким образом, возникает вопрос: являются ли рассказы об изобретении Гесиодом более поздними, чем Гомер, или гений Гомера наполовину бессознательно очищает материалы, подобные тем, которые Гесиод представляет в самой грубой форме? Мистер Грот говорит: "Насколько эти рассказы являются изобретением самого Гесиода, определить невозможно. Они подводят нас к образу фантазии, более грубой и неделикатной, чем гомеровская, и больше напоминают некоторые священные главы ((греческий текст опущен)) более поздних мистерий, таких, например, как повесть о Дионисе Загрее. В самой "Теогонии" есть свидетельства того, что автор был знаком с местными легендами, распространенными как на Крите, так и в Дельфах, поскольку он упоминает как горную пещеру на Крите, где был спрятан новорожденный Зевс, так и камень возле дельфийского храма — идентичный камню, который проглотил Кронос, — установленный самим Зевсом как знак и чудо для смертных. Оба этих памятника, на которые поэт прямо ссылается и которые, вероятно, видел, подразумевают целый ряд вспомогательных и поясняющих местных легенд, распространенных, вероятно, среди жрецов Крита и Дельф".

(1) Тимей, 41; Республика, 377.

Все эти обстоятельства, по-видимому, являются веским доказательством великой древности легенд, записанных Гесиодом. Во-первых, рассуждая чисто априорно, крайне маловероятно, что за короткий промежуток времени между появлением сравнительно чистой и благородной мифологии "Илиады" и гораздо более грубой Теогонии Гесиода люди ПРИДУМАЛИ такие истории, как нанесение увечий Урану и проглатывание его потомства Кроносом. Первая легенда, как уже было показано, почти в точности соответствует мифу о Папе и Ранги в Новой Зеландии. Более поздняя имеет свои параллели среди диких бушменов и австралийцев. В высшей степени невероятно, чтобы люди в столь цивилизованный век, как Гомеровский, придумывали мифы столь же отвратительные, как мифы о самых низких дикарях. Но если мы примем эти мифы за не новые изобретения, а за священные истории местных священнослужителей, то их древность, вероятно, не поддается исчислению. Священные истории, как мы знаем из Павсания, Геродота и всех авторов, затрагивающих тему мистерий, были мифами, сообщаемыми жрецами посвященным. Платон говорит о таких мифах в "Республике", 378: "Если есть абсолютная необходимость в их упоминании, очень немногие могли бы услышать их в мистерии, а затем позволить им принести в жертву не обычную свинью, а какую-нибудь огромную и необработанную жертву; это привело бы к очень значительному уменьшению числа слушателей". Это забавный пример плана сокрытия ужасов мифа. Свинья была животным, которое обычно приносили в жертву Деметре, богине элевсинских мистерий. Платон предлагает заменить его каким-нибудь "необработанным" животным, возможно, жирафом или слоном.

Таким образом, мы должны обратиться к Гесиоду в поисках самой ранней законченной литературной формы греческого космогонического мифа. Гесиод начинает, как и новозеландцы, с "величественной расы богов, порожденной землей и широкими небесами".(1) И так, новозеландцы, как мы видели, говорят: "Небо, которое над нами, и земля, которая под нами, являются прародителями людей и источником всего сущего". Гесиод (2) несколько отличается от этой точки зрения, ставя Хаос абсолютно превыше всего сущего, за которым следуют "широкогрудая Земля", Тартар и Эрос (любовь). Хаос без посторонней помощи породил Эреба и Ночь; дети Ночи и Эреба - Эфир и День. Земля произвела на свет Рая, который затем стал ее собственным возлюбленным, и вознесла на Небеса Океана и Титанов, Козя и Крия, Гипериона и Япета, Тею и Рею, Фемиду, Мнемозину, Фебу, Тефиду, "а младшим после них родился Кронос из нечестивых советов, самый ужасный из ее детей, который когда-либо ненавидел своего могущественного отца", Небеса. Были и другие сыны Земли и Неба, особенно ненавидевшие своего отца, (3) и эти Ураны привыкли прятаться от света в лошине Геи. И они, и Гея были возмущены таким обращением, и Титаны, подобно "детям Неба и Земли" в новозеландском стихотворении, "стремились различить разницу между светом и тьмой". Гея (в отличие от Земли в новозеландском мифе, поскольку там она чисто пассивна) вступила в сговор со своими детьми, произвела железо и попросила своих сыновей отомстить за причиненные им обиды.(4) Страх охватил их всех, кроме Крона, который (подобно Тане Махуте в поэме маори) решил разорвать объятия Земли и Небес. Но в то время как Новая Зеландия, как и индоарийский миф, (5) представляет Землю и Небеса как два существа, которые ранее вообще никогда не были разделены, Гесиод заставляет Небеса влюбленно приближаться к своей супруге на расстоянии. Это был момент для Крона, (6) который протянул свою руку, вооруженную железным серпом, и изувечил Урана. Как и во многих диких мифах, кровь раненого бога, упавшего на землю, породила странных существ - ясеновых нимф, великанов и фурий. Как и в мифе маори, один из детей Неба стоял в стороне и не давал согласия на этот

поступок. Это был Океан в Греции (7), а в Новой Зеландии это был Таухири Матеа, ветер, "который поднялся и последовал за своим отцом, Небом, и остался с ним на просторах неба". Теперь Уран предсказал (8), что наступит день мести за злодеяние Крона, и так закончится династия Урана.

(1) Теог., 45.

(2) Там же, 116.

(3) Там же, 155.

(4) Там же, 166.

(5) Муир, ст. 23, цитирует Айтарею Брахмана, iv. 27: "Эти два мира когда-то были соединены; впоследствии они разделились".

(6) Теог., 175-185.

(7) Аполлод., i, 15.

(8) Теог., 209.

Эта история была одним из величайших камней преткновения православной Греции. Это была история, которую, по словам Платона, следовало рассказывать, если вообще следовало, только немногим посвященным в тайну, после принесения в жертву какого-нибудь редкого и труднодоступного животного. Даже среди маори поведение детей, разлучивших своих отца и мать, рассматривается как единичный случай беззакония, и детям рассказывают о нем как о моральном предупреждении, примере, заслуживающем осуждения. С другой стороны, в Греции, если мы не хотим воспринимать Евтифрона как полную иронию, некоторые благочестивые люди оправдывали свое поведение примером Зевса. Евтифрон приводит этот пример, когда собирается привлечь к ответственности своего собственного отца, за что, по его словам, "Люди сердятся на МЕНЯ; так непоследовательно они говорят, когда дело касается меня и когда дело касается богов". (1) Но в греческом ЯЗЫКЕ ЭТА ИСТОРИЯ НЕ ИМЕЕТ СМЫСЛА. Ее по-разному интерпретировали, и Лафито предположил, что это искаженная форма библейского повествования о происхождении греха. У маори легенда совершенно понятна. Небо и земля были задуманы (как и все остальное) как существа с человеческими частями тела и страстями, соединенные в бесконечных объятиях, которые сокрушали и омрачали их детей. Стало необходимым разлучить их, и этот подвиг был совершен не без боли. "Тогда завывали Небеса и воскликнула Земля: "Зачем это убийство? Зачем этот великий грех? Зачем нас разлучать?" Но что заботило Тейна? Вверх он отправил одного, а вниз - другого. Он жестоко перерезал сухожилия, соединявшие Небо и Землю". (2) Греческий миф также рассматривал землю и небеса как существа, телесно соединенные, а небеса - как злобную силу, скрывающую своих детей во тьме.

(1) Евтифрон, 6.

(2) Тейлор, Новая Зеландия, 119 лет.

Но в то время как представление о небе и земле как о родителях живых существ остается в некотором смысле совершенно понятным, яркая персонификация, которая рассматривала их

как существа с человеческими частями тела и страстями, перестала быть понятной в Греции еще до появления первых философов. Старая физическая концепция этой пары стала метафорой, а рассказ об их растерзании детьми потерял всякое значение и казался отвратительным и невразумительным мифом. При рассмотрении в свете новозеландской истории и того факта, что древние народы действительно рассматривали все явления как людей с физическими атрибутами, подобными человеческим, легенда о Кроносе, Уране и Гее перестает быть загадкой. По сути, это дикарское объяснение (как в истории самоанцев) разделения земли и неба, объяснение, которое могло прийти в голову только людям в состоянии разума, забытом цивилизацией.

Следующее поколение гесиодовских богов (если богами мы можем называть представителей этой расы неестественных людей) было не более удачливым в семейных отношениях, чем первое.

Кронос женился на своей сестре Рее и родил Деметру, Геру, Аиду, Посейдона и младшего, Зевса. И могучий Кронос проглотил каждого из них, каждого, кто припал к коленям своей матери из ее священного лона, с таким намерением, чтобы никто другой из гордых сынов небес не обладал его царственной властью среди бессмертных. Небо и Земля предупреждали его, что он тоже должен пасть из-за своих детей. Поэтому он не зря бодрствовал, но выследил и проглотил каждого из своих отпрысков, в то время как Реей овладело непреодолимое горе". (1) Рея, готовясь стать матерью Зевса, посоветовалась с Ураном и Геей. По их совету она отправилась на Крит, где родился Зевс, и вместо ребенка подарила Кроносу огромный камень, завернутый в пеленки. Он проглотил это, и на душе у него стало легко. Зевс вырос и каким-то способом, предложенным Геей, вынудил Зевса извергнуть всех своих отпрысков. "И он первым изрыгнул камень, поскольку проглотил его последним". (2) Проглоченные дети вышли живыми, и Зевс установил камень в Пифо (Дельфы), где Павсаний (3) имел честь видеть его, и где, поскольку он не соблазнил алчность варварских захватчиков, он, вероятно, существует до сих пор. Павсаний говорит, что это был небольшой камень, и дельфийцы обычно поливали его маслом, как Иаков(4) поливал камень в Вефиле, а по праздникам накрывали его шерстяными покрывалами. Обычай мазать камни-фетиши (который Теофраст упоминает как одну из практик суеверных людей), несомненно, является пережитком дикой стадии религии. Однако, как правило, у дикарей камни-фетиши намазываются красной краской (как лицо деревянного древнего Дионисия в Греции и Цуй Гоаба у готтентотов), а не смазываются маслом.(5)

(1) Теог., 460, 465.

(2) Теог., 498.

(3) х. 245.

(4) Gen. xxviii. 18.

(5) Павсаний, ii. 2, 5. "Чуринга" в Австралии смазывается естественной влагой ладони и натирается красной охрой.—Спенсер и Гиллен. Это "священные вещи", но не совсем фетиши.

Миф о проглатывании Кроносом своих собственных детей был еще одним камнем преткновения греческой ортодоксии. Распространенное объяснение, что Время ((греческий текст опущен)) поглощает его детей, дни, не совсем удовлетворительно. Время никогда не возвращает прошлое обратно, как это сделал Кронос. Кроме того, миф о проглатывании относится не только

к Кроносу. Современная филология, как обычно, по-разному анализирует значение имени бога. Герман вместе с Преллером выводят это из (греческий текст опущен) слова "исполнять". Месяц сбора урожая, говорит Преллер, в Греции назывался Кронион, а Крония была названием праздника сбора урожая. Таким образом, серп Крона соотносится с серпом жатвы.(1)

(1) Преллер, гр. Миф., i. 44; Хартунг, ii. 48; Порфирий, Абст., ii. 54. Велкер и слышать не хочет об этой этимологии, Гр. готт., i. 145, примечание 9.

Второй миф, в котором Кронос проглатывает своих детей, имеет многочисленные параллели в легендах дикарей. Бушмены рассказывают о Квай Хемме, пожирателях, которые проглатывают этого великого бога, насекомое-богомолу, и извергают его живым вместе со всеми другими людьми и животными, которых он поглотил в ходе своей долгой и ненасытной карьеры.(1) Луна в Австралии, пока он жил на земле, была очень жадной и проглотила бога-орла, которого ему пришлось извергнуть. М-р Им Турн нашел похожие рассказы у индейцев Гвианы. Хорошо известно, как чудовище, которое должно было убить Гесиону, проглотило и извергло Геракла. Шотландские крестьяне рассказывают о тех же подвигах, но локализуют миф на берегах реки Кен в Галлоуэе. Басуто, эскимосы, зулусы и европейские сказки - во всех них есть этот случай, когда существо проглатывает многих людей, из пасти которого они возвращаются живыми и в хорошем состоянии.

(1) Блик, Фольклор бушменов, стр. 6, 8.

Мифическая концепция, господствующая от Гренландии до Южной Африки, от Дельф до Соломоновых островов, от Бретани до берегов озера Верхнего, должна иметь какое-то основание в общих элементах человеческой природы.(1) Теперь представляется весьма вероятным, что эта любопытная идея могла быть первоначально изобретена в попытке объяснить природные явления с помощью природного мифа. Уже было показано (глава v), что затмения интерпретируются даже крестьянами развитых рас как проглатывание луны зверем или чудовищем. Пиуты объясняют исчезновение звезд в дневное время гипотезой о том, что "солнце проглатывает своих детей". В меланезийском мифе рассвет вырезает из тела ночи Кат, вооруженный ножом из красного обсидиана. Вот примеры (2) прозрачной природы - мифы, в которых эта идея встречается в очевидных объяснительных целях и в соответствии с законами воображения дикарей. Таким образом, концепция глотающего и извергающего существа вполне могла возникнуть из природного мифа. Но почему это понятие связано с легендой о Кроносе?

(1) Миф о Кроносе, проглоченных детях и камне перенесен в Гаргантюа. See Sebillot, *Gargantua dans les Traditions Populaires*. Но невозможно быть уверенным, что это не пример прямого заимствования мадам Де Серни из ее "Сен-Сулиака", стр. 69.

(2) Сравните Тайлора, Прим. Культ., i. 338.

Как было показано, именно по этому вопросу мифологи расходятся во мнениях, и, возможно, лучше не давать никаких объяснений. Однако возникают истории — и эта история, вероятно, возникла из природного мифа - несомненно, что они странствуют по миру, что они меняют хозяев, и, таким образом, легенда, рассказанная о принцессе с невозможным именем в Стране Зулусов, рассказывается о матери Карла Великого во Франции. История о проглатывании, возможно, была приписана Кроносу как великому свирепому божеству, хотя она не имеет особого стихийного значения в связи с его легендой.

Этот необычайно дикий трюк с заглатыванием друг друга стал унаследованной привычкой в семье Крона. Когда Зевс достиг зрелости, он женился на Метиде, и эта дама, согласно схолиасту Гесиоду, обладала способностью принимать любой облик, какой ей заблагорассудится. Когда она собиралась стать матерью, Зевс заставил ее принять облик мухи и мгновенно проглотил ее.(1) Поступая таким образом, Зевс действовал по совету Урана и Геи. Опасались, что Метида произведет на свет ребенка, более могущественного, чем его отец. Зевс избежал этой опасности, проглотив свою жену, и сам родил Афины. Представление о проглатывании враждебного человека, который был превращен с помощью магии в удобную небольшую массу, очень распространено. Это происходит в истории Талиесина.(2) Каридвен в образе курицы проглатывает Гвиона Баха в виде пшеничного зерна. Таким же образом принцесса из "Тысячи и одной ночи" проглотила Гения. Итак, в мифе о Гесиоде мы имеем дело со старым маршаном, поставленным на службу высшей мифологии. Опасение, которое Зевс (подобно Ироду и королю Артуру) всегда испытывал, опасаясь, что нерожденный ребенок свергнет его, было знакомо и Индре; но вместо того, чтобы проглотить мать и спрятать ее в своем собственном теле, подобно Зевсу, Индра вошел в тело матери и сам родился вместо страшного ребенка.(3) Корова по этому случаю родилась вместе с Индрой. Это приключение (греческий текст опущен) или проглатывание Метиды было объяснено поздними платониками как платоновская аллегория. Вероятно, люди, создавшие эту сказку, не были платонистами, так же как Пандар не был полностью аристотелевцем.

(1) Hesiod, *Theogonia*, 886. См. Схолиаста и примечание в "Аглаофаме", i. 613. Сравните Кота в сапогах и Людоеда.

(2) Мабиногион, стр. 473.

(3) Черная Яджур Веда, цитируемая Саяной.

После Гомера и Гесиода старейшими литературными источниками по греческим космогоническим мифам являются поэмы, приписываемые Орфею. Об их вероятной дате, как уже было сказано, известно мало. Они дошли до нас лишь в отрывках, но, по-видимому, содержат первые догадки о философии, еще не освободившейся от мифических условий. Поэт действительно сохранил некоторые чрезвычайно грубые штрихи раннего воображения, и в то же время ему приписывается одно из самых благородных и смелых выражений пантеистической мысли. Из того же источника почерпнуты идеи, столь же чистые, как идеи философского ведического гимна (1), и столь же дикие, как идеи ведической Пуруша Сукты, или легенды о создании мира из искалеченных конечностей Пуруши. Авторы орфической космогонии, по-видимому, начали с некоторых замечаний о времени (греческий текст опущен). "Было время, когда этого мира еще не было". (2) Время, рассматриваемое мифическим образом как личность, породило Хаос и Эфир. Поэт-орфик называет Хаос (греческий текст опущен) "чудовищной пропастью" или "промежутком". Этот термин любопытным образом напоминает один из Гиннунга-гэпов в скандинавских космогонических легендах. "Гиннунга-гэп был легкий, как безветренный воздух", и в нем поток тепла встречался с холодным инеем, откуда и возник Имир, Пурушасеверной басни.(3) Эти идеи хорошо согласуются с орфической концепцией первобытного пространства.(4)

(1) Ригведа, х. 90.

(2) Лобек, *Аглаофам*, i. 470. Смотрите также цитаты из Прокла.

(3) Гильфи насмехается.

(4) Аглаофамус, стр. 473.

Со временем Хаос произвел на свет яйцо, сияющее серебристо-белым цветом. Согласно Лобеку, абсурдно спрашивать, заимствовал ли поэт это широко распространенное представление о космическом яйце из Финикии, Вавилона, Египта (где бог-гусь Себ снес яйцо), или орфический певец выдвинул столь очевидную идею. *Quaerere ludicrum est*. Возможно, эта концепция была заимствована, но очевидно, что это одна из самых ранних гипотез, которые приходят в голову грубому воображению. Сейчас у нас есть три первобытных поколения: время, хаос, яйцо, и в четвертом поколении яйцо породило Фанеса, великого героя орфической космогонии. (1) Самые ранние и грубые мыслители были озадачены, как показывают многие дикие космогонические мифы, объяснением происхождения жизни. Мифы часто опираются на теорию гермафродитического существа, как мужского, так и женского пола, которое производит из себя другое существо. Праджапати в индийских сказаниях и Хримтурсар в скандинавской легенде — "у одной его ноги родился сын на другой" - с Локсом в алгонкинской сказке являются примерами этих двуполых персонажей. В орфической поэме Фанес является одновременно мужчиной и женщиной. Этот Фанес содержал в себе "семя всех богов" (2), и его имя путают с именами Метиды и Эрикапея, образуя своего рода троицу. Вся эта часть орфической доктрины сильно затемнена аллегорическими и теософскими интерпретациями поздних платоников спустя много лет после нашей эры, которые, как обычно, настаивали на поиске своих собственных тринитарных идей, *commenta frigidissima*, скрытых под мифическим повествованием. (3)

(1) Клеменс Алексан., стр. 672.

(2) Дамаский, ап. Лобек, i. 481.

(3) Aglaoph., i. 483.

Другое описание Иеронимусом первого существа, орфического Фанеса, "как змея с головами быка и льва, с человеческим лицом посередине и крыльями на плечах", достаточно грубо и бессмысленно. Но эти физические атрибуты можно было легко объяснить как типы всего, что нравилось платонику. (1) Орфический Фанес тоже был почти таким же многоголовым, как великан из сказки или как Пуруша из Ригведы. У него была голова барана, голова быка, голова змеи и голова льва, и он смотрел по сторонам четырьмя глазами, предположительно человеческими. (2) Это замечательное существо также было снабжено золотыми крыльями. Природа физических механизмов, с помощью которых Фанес стал способен зародить жизнь в мире, описана в стиле настолько диком и грубом, что читателя следует отсылать к Suidas за оригинальным текстом. (3) Эта история достойна стремительной фантазии австралийских нарриньери.

(1) Дамаский, 381, ап. Лобек, i. 484.

(2) Гермий в "Федре" ап. Лобека, i. 493.

(3) Суйдас С. против Фанеса.

Ничто не может быть проще или обманчивее, чем объяснить всю эту дикую часть орфической космогонии как аллегорическую завесу любых современных идей, которые мы выберем. Но

почему "аллегория" должна точно имитировать грубые догадки нецивилизованных народов, ахтов, Диггеров, зуни, кароков, объяснить труднее. Мы легко можем представить себе африканские или американские племена, которые привыкли чтить быков, баранов, змей и так далее, приписывая головы всех своих различных животных-покровителей божеству своей конфедерации. Мы можем легко увидеть, как те расы, которые практикуют дикие обряды полового созревания, должны приписывать первому из них особые органы Фанеса. Но исходя из неоплатонической гипотезы о том, что Орфей был провидцем неоплатонических взглядов, мы не понимаем, почему он должен был скрывать свои идеи под такой дикой аллегорией. Эта часть орфических рассуждений благоразумно замалчивается некоторыми современными комментаторами, такими как М. Дарместетер в "Арийских космогониях".(1) Действительно, если мы решим рассматривать Аполлония Родия, александрийского поэта, писавшего в высокоразвитую эпоху, как представителя орфицизма, то легко замаскировать и пройти мимо более суровых и характерных крепостей орфического божества. Териоморфный Фанес - гораздо менее "арийский" и приятный объект, чем великолепный златокрылый Эрос, бог любви Аполлония Родия и Аристофана.(2)

(1) Essais Orientaux, p. 166.

(2) Argonautica, 1-12; Aves, 693.

В целом орфические фрагменты, по-видимому, содержат пережитки диких мифов о происхождении вещей, смешанных с более чистыми спекуляциями. Идеи дикарей в конце концов были объяснены позднейшими философами как аллегорические покровы и облачения философии; но толкование это произвольно и зависит от вкуса и фантазии каждого толкователя. Между тем совпадение более диких элементов со спекуляциями, присущими расам на низших ступенях цивилизации, неоспоримо. Это мнение подтверждается греческими мифами о происхождении человека. Они также совпадают с различными абсурдными домыслами дикарей.

При изучении различных местных греческих легенд о происхождении Человека мы сталкиваемся с трудностью отделить их от мифов о героях, которые удобнее рассматривать отдельно. С этой трудностью мы уже сталкивались при рассмотрении традиций первобытных народов. Таким образом, мы увидели, что среди меланезийцев кат и среди ахтов куавтеахт были героическими личностями, которые создавали людей и большинство других вещей. Но было желательно, чтобы их выступления такого рода были отделены от других их подвигов, например, использования огня и различных искусств. Точно так же при рассмотрении греческих легенд было бы неплохо отделить участие Прометея в создании людей от других историй о его подвигах как благодетеля людей, которых он создал. У Гесиода Прометей - сын титана Япета, и, возможно, его главный подвиг заключается в том, что он сыграл с Зевсом шутку, параллель которой мы находим в различных мифах дикарей. Однако, судя по Овидию (1) и другим текстам, Гесиод где-то говорил о Прометее, создавшем людей из глины, таких как Панджель в австралийских мифах, Кат в меланезийских и Тики в мифах маори. Та же история сохранилась в комментарии Сервия к Вергилию.(2) Другая легенда сохранилась в "Этимологикум Магнум" (вос. Ikonion). Согласно этой истории, после Девкалионова потопа "Зевс повелел Прометею и Афине сделать из глины человеческие изображения, и ветры вдохнули в них дыхание жизни". В подтверждение этой легенды Павсанию показали в Фокиде некие камни цвета глины и

"пахнувшие очень похоже на человеческое мясо"; и это, по словам фокейцев, были "остатки глины, из которой Прометей вылепил весь род человеческий".(3)

(1) Овидий. Метам. i. 82.

(2) Эклога, vi. 42.

(3) Pausanias, x. 4, 3.

Аристофан тоже в "Птицах" (686) говорит о людях как (греческий текст опущен) о фигурах, вылепленных из глины. Таким образом, в греческой традиции сохранилось достаточно следов дикарского мифа о том, что человек был сотворен из глины неким высшим существом, подобно Панджелу в причудливой австралийской истории.

Мы видели, что среди различных грубых рас были распространены другие теории происхождения человека. Считалось, что люди появились из ямы в земле или зарослей тростника, и иногда сама сцена их первого появления все еще была известна и указывалась любопытным. Этот миф был распространен среди рас, которые считали себя единственными людьми, чье происхождение нуждалось в объяснении. В других историях человек изображался как плод дерева, или порождение скалы, или как потомок одного из низших животных. Сейчас будут приведены примеры этих мнений в греческих легендах. Во-первых, у нас есть фрагмент из Пиндара, в котором поэт перечисляет несколько центров, из которых, по мнению различных греческих племен, произошли люди. "Трудно выяснить, возник ли Алакомений, первый из людей, на болотах Кефисса, или возникли ли Куреты Иды первой, племенного божества, или это были фригийские корибанты, которых солнце впервые увидело — люди, ходящие подобно деревьям"; и Пиндар упоминает египетские и ливийские легенды того же описания.(1) Фиванцы и аркадийцы считали себя "рожденными на земле". "Черная земля родила пеласгов на высоких лесистых холмах", - говорится в древней строке Асия. Дриопианцы были примером расы людей, рожденных от ясеней. Миф о gens virum truncis et duro-nata, "рожденном из ствола дерева и сердца дуба", вошел в пословицу еще во времена Гомера.(2) Лукиан упоминает (3) афинский миф о том, "что люди выросли, как кочаны капусты, из земли". Что касается греческих мифов о происхождении семей от животных, то они будут рассмотрены при обсуждении легенды о Зевсе.

(1) Preller, Aus. Auf., p. 158.

(2) Virgil Aen., viii. 315; Odyssey, xix. 163; Iliad, ii. xxii. 120; Juvenal, vi. 11. Cf. also Bouche Leclercq, De Origine Generis Humani.

(3) Филопс. iii.

ГЛАВА XI. ДИКИЕ БОЖЕСТВЕННЫЕ МИФЫ.

Происхождение веры в БОГА за пределами понимания истории и спекуляций—Набросок гипотетических теорий—Два элемента во всех верованиях, как отсталых, так и цивилизованных рас — Мифический и религиозный —Они могут быть ровесниками, или один из них может быть старше другого—Трудность изучения—Текущая антропологическая теория—Высказанные возражения против теории—Боги и духи—Предположение, что религия дикарей заимствована у европейцев—Ответ на аргументы мистера Тайлора по этому поводу—Мораль дикарей.

"Вопрос о происхождении веры в Божество не входит в рамки строго исторического исследования. Ни один человек не может наблюдать идею БОГА в процессе становления или в начале. Мы не знаем ни одной расы, чье начало не лежало бы далеко в непроникшем прошлом. Даже если предположить, что аборигены Австралии, например, были обнаружены на более отсталом культурном уровне, чем у других известных рас, все же институтам и идеям австралийцев, должно быть, потребовалась для своего развития неисчислимая череда веков. Представления человека о Божестве, религиозные чувства человека и его мифические повествования должны приниматься такими, какими мы их находим. Существовало и существует множество теорий относительно происхождения концепции сверхъестественного существа или существ, связанных с судьбами человечества и некогда участвовавших в создании земли и ее обитателей. Существует гипотеза об изначальной божественной традиции, затемненной дымом глупых фантазий смертных. Существует гипотеза о врожденном и интуитивном чувстве нуминис. Существует мнение, что понятие Божества было введено человеку самой природой его знаний и восприятий, которые вынуждают его во всем признавать конечное и бесконечное. Существует гипотеза, что изначальны боги были призраками, увеличенными формами призраков предков. Существует учение о том, что человек, искавший в своих ранних размышлениях причины вещей и сознававший свои собственные силы как активную причину, спроецировал свою собственную тень на туманы неизвестного и населил пустоту фигурами увеличенных неестественных людей, своих собственных родителей и защитников, а также создателей многих вещей в мире.

"Поскольку действительная истина не может быть определена путем наблюдения и эксперимента, вопрос о первых зачатках божественной концепции здесь следует оставить без ответа. Но можно отделить друг от друга два главных элемента как в самых ранних, так и в самых поздних представлениях о Боге. Среди низших и наиболее отсталых, как и среди наиболее развитых рас, сосуществуют МИФИЧЕСКИЕ и РЕЛИГИОЗНЫЕ элементы веры. Рациональный фактор (или то, что представляется нам рациональным фактором) виден в религии; иррациональное заметно в мифе. Австралиец, бушмен, житель Соломоновых островов в часы опасности и нужды "тоскует по богам" и имеет в своем сердце идею отца и друга. Это религиозный элемент. Тот же самый человек, когда начнет потворствовать своей фантазии о художественной литературе, низведет своего духовного друга и отца до уровня животных и сделает его героем комических или отталкивающих приключений. Это мифический или иррациональный элемент. Религия в своем моральном аспекте всегда восходит к вере в силу, которая добра и действует во имя справедливости. Миф, даже у Гомера или в Ригведе, постоянно возвращается к старому запасу абсурдных и аморальных божественных авантур.(1)

(1) М. Кнапперт здесь, в примечании к голландскому переводу, отрицает наличие у евреев низшего мифического элемента, поскольку их документы дошли до нас.

"При нынешнем уровне знаний было бы опрометчиво утверждать, что зародыш серьезного гомеровского чувства справедливости и могущества Божества возник раньше или позже, чем зародыш гомеровских историй о богах, переодетых животными, или заключенных в тюрьму смертными, или изгнанных с Олимпа. Рациональный и иррациональный аспекты мифологии и религии могут быть ровесниками по древности, насколько это определенно известно, или же любой из них, в темной глубине опыта смертных, мог предшествовать другому. Вероятно, нет ни одной религии или мифологии, которые не предлагали бы изучающему оба аспекта. Но частью развивающейся цивилизации является украшение и очищение рационального элемента и подчинение и вытеснение иррационального элемента, насколько это позволяют религиозный консерватизм, ритуалы и жреческие догмы".

Таковы были общие замечания, которыми начиналась эта глава в первоначальном издании настоящей работы. Но чтение, размышление и некоторые дополнения к знанию автором фактов заставили автора заявить более полно и убедительно, чем раньше, что, по его мнению, не только загадочный элемент мифа, но и более чистый элемент религиозной веры, санкционирующей мораль, заимствован цивилизованными людьми из далекого дикого прошлого. Необходимо также привлечь внимание к необычному религиозному явлению, разрыву, или "разлому", как называют его геологи, в религиозных слоях. В то время как наиболее отсталые дикари в определенных случаях представляют концепцию Существа, санкционирующего этику, и хотя эта концепция повторяется на данной стадии цивилизации, она, по-видимому, блекнет или даже исчезает в некоторых условиях варварства. У некоторых варварских народов, таких как зулусы и краснокожие индейцы Французской Канады при первом наблюдении, как и у некоторых полинезийцев и некоторых племен Западной и Центральной Африки, почти не обнаружено следов высшего существа, за исключением имени, и это имя даже иногда становится предметом насмешек. Достигнута высшая религиозная концепция, которая общеизвестна, однако Существом, рассматриваемым как творческое, совершенно пренебрегают, в то время как призракам, или второстепенным богам, служат и им поклоняются. Этому религиозному феномену (если его правильно наблюдать) мы должны попытаться приписать причину. Для этой цели необходимо еще раз изложить то, что можно назвать текущей или популярной антропологической теорией эволюции Богов.

Эта теория принимает различные формы. В философии мистера Герберта Спенсера мы находим чистый эвгемеризм. Боги - это всего лишь призраки умерших людей, вознесенные до более высокого уровня и, наконец, достигшие высшей власти. В несколько аналогичной, но не идентичной системе м-ра Тайлора человек сначала приходит к идее духа путем размышления о различных физических, психологических и психических переживаниях, таких как сон, сновидения, трансы, тени, галлюцинации, дыхание и смерть, и он постепенно расширяет концепцию души или призрака, пока вся природа не будет населена духами. Из этих духов один в конце концов достигает верховенства, где происходит зачатие высшего существа. Согласно этой теории, в низших религиях нет никакой связи или ее очень мало между религией и моралью. Дать религиозную санкцию морали - это работа продвинутой мысли.(1)

(1) Прим. Культ., ii. 381. Наука Хаксли и еврейская традиция, стр. 346,372.

Эта текущая гипотеза, по общему признанию, является "анимистической", по выражению мистера Тайлора, или, в терминологии мистера Спенсера, это "теория призраков".

Человеческая душа, говорит мистер Тайлор, была моделью, на которой основывались все

представления человека о духовных существах, от "крошечного эльфа" до "небесного Создателя и правителя мира, Великого Духа".(1) Таким образом, мистеру Тайлору и мистеру Спенсеру было необходимо сначала выяснить происхождение идеи человека о своей собственной душе, и это предполагаемое происхождение в психологических, физических и психических переживаниях, без сомнения, является адекватным. Размышляя над этими фактами, вероятно, была достигнута идея духа, хотя психические переживания, перечисленные мистером Тайлором, могут содержать моменты, еще необъяснимые материализмом. Из этих источников происходят все действительно "анимистические" боги, все, что изначально имеют природу голодных духов, умиротворяемых жертвоприношениями пищи, хотя в определенных случаях этот голод, как мы предполагаем, мог быть перенесен поклоняющимися богам, изначально не анимистическим.

(1) Прим. Культ., ii. 109

В ответ на эту теорию анимистического или призрачного происхождения всех богов, сначала следует отметить, что, по-видимому, не обязательно все боги анимистического происхождения. Среди некоторых низших дикарей, хотя они и верят в привидения, анимистическая концепция, духовная идея, не связана с относительно высшим существом их веры. Он просто могущественное СУЩЕСТВО, нерожденное и неподвластное смерти. Чисто метафизический вопрос "был ли он призраком?", похоже, задавался не всегда. Следовательно, нет никакой логической причины, по которой представление человека о Создателе не должно предшествовать представлению человека о существовании таких вещей, как души, призраки и спиртные напитки. Следовательно, анимистическая теория не нужна в качестве материала для "идеи бога". Мы, конечно, не можем доказать, что "идея бога" исторически предшествовала "идее призрака", поскольку мы не знаем дикарей, у которых был бы бог, но которые ничего не знали бы о призраках. Но мы можем показать, что идея Бога может существовать в зародыше, без явного вовлечения идеи духа. Таким образом, боги МОГУТ предшествовать призракам в эволюции, и поэтому анимистическая теория происхождения богов из призраков не обязательно должна быть принята.

Во-первых, нет необходимости признавать первоначальную эволюцию бога из призрака, потому что, возможно, во всей известной теологической философии дикарей Бог, Создатель и Повелитель, рассматривается как существо, существовавшее до того, как смерть вошла в мир. Практически везде на смерть смотрят как на сравнительно позднего пришельца. Она пришла не только после того, как Бог начал действовать, но и после того, как люди и звери населили мир. Множество мифов, рассказывающих об этом вторжении смерти, были собраны по всему миру.(1) Таким образом, относительно высшее существо или существа религии рассматриваются как предшествующие Смерти, следовательно, не как призраки. Иногда их явно отличают как "изначальных богов" от других богов, которые являются второстепенными, являясь душами вождей. Таким образом, все тонганские боги - Атуа, но не все атуа являются "изначальными богами".(2) Слово Atua, согласно мистеру Уайту, означает "А-ту-а". "А" было именем, данным автору вселенной, и означает: "Я безграничен в могуществе", "Концепция", "Лидер", "Превосходящий Все". "Туа" означает "За пределами того, что является самым отдаленным", "За пределами всей материи" и "За каждым действием". Очевидно, что эти концепции не более мифичны (действительно, А, кажется, не встречается в мифах) и не более связаны с призраками, чем неизвестный абсолют мистера Герберта Спенсера. Однако слово "Атуа" обозначает богов, которые считаются призраками вождей, в не меньшей степени, чем

верховное существование.(3) Эти идеи представляют собой метафизическую теологию расы, значительно стоящей выше самого низкого уровня. Они никак не подкрепляют теорию о том, что А был человеческим призраком или развился из него, и, насколько нам известно, он не встречается в МИФОЛОГИИ маори. Но среди самых низкопробных известных дикарей, австралийцев, мы читаем, что "Творец был гигантским чернокожим, когда-то жившим на земле, а теперь среди звезд". Это в Гиппсленде; божества жителей Огненного Огня и индейцев черноногих также являются Существами антропоморфными, нерожденными и бессмертными, как Мангарра, творческое существо племени Ларракия в Австралии. "На небе живет очень хороший человек по имени Мангарра.... Он создал все" (за исключением чернокожих). Он никогда не умирает.(4) Меланезийские вуи "никогда не были людьми", были "чем-то другим" и "НЕ были призраками". Именно как Существо, а не как Дух, описывается божество КурнаиМунганнгаур (Наш Отец).(5) Короче говоря, хотя европейцы часто говорят об этих божественных существах низких дикарей как о "духах", не похоже, что сами туземцы выдвигают здесь метафизическую идею духа. Эти боги - просто СУЩЕСТВА, антропоморфные или (в мифах и баснях), очень часто звериные, "териоморфные".(6) Очевидно, что божественное существо, рассматриваемое таким образом, не обязательно должно было развиться из теории духов или привидений и, возможно, даже существовало до возникновения веры в привидения.

(1) См. Современную мифологию, "Мифы о происхождении смерти".

(2) Маринер, ii. 127.

(3) Уайт, Древняя история маори, том i, стр. 4; другие взгляды в книге Джилла "Мифы Тихого океана". Я не разделяю мнения мистера Уайта.

(4) Антропологический журнал. Инст., ноябрь 1894, стр. 191.

(5) Там же, 1886, стр. 313.

(6) Более подробное изложение см. в разделе "Создание религии", стр. 201-210.

Опять же, на этих могущественных божественных существ смотрят как на хранителей морали, карателей за грехи, воздающих за праведность как в этом мире, так и в будущей жизни, в местах, где призракам, хотя и верят, НЕ ПОКЛОНЯЮТСЯ И НЕ ПРИНОСЯТ ЖЕРТВ, и где, поскольку прадеды забыты, призраки предков вряд ли могут превратиться в богов. Это происходит среди андаманцев, огнеземельцев и австралийцев, следовательно, среди рас, не поклоняющихся привидениям, призраки не могли развиться в божества, которые даже не обязательно являются духами. Эти боги, опять же, не принимают жертвоприношений, и поэтому в них нет ничего от голодных призраков, жаждущих пищи. Действительно, в Австралии, хотя известно, что призраки не получают никаких подношений, "недавний обычай приносить им пищу" — мертвое тело друга — "интеллигентные старые аборигены высмеивают как "окорок белого товарища"".(1)

(1) Доусон, Австралийские аборигены, стр. 51, 1881.

У австралийцев нет вождей, подобных "Вичу Яну Вору или Чингачгуку", о призраках которых можно было бы сказать, что они превращаются в высших моральных божеств. У них есть "Вожди", лидеры различной степени авторитета, но нет Вичьен Вора, полусвятого представителя племени.(1) Также не известно, чтобы призраки Вождей пользовались каким-

либо особым посмертным вниманием или поклонением. Таким образом, действительно кажется невозможным привести доказательства того, что австралийские боги выросли из австралийских призраков, к чему мы еще вернемся.

(1) Хауитт, Организация австралийских племен, стр. 101-113. "Труды Королевского общества Виктории", 1889.

Поэтому некоторые сторонники нынешней теории возвращаются к гипотезе о том, что австралийцы, к сожалению, вырождаются.(1) Утверждается, что когда-то у них были вожди, или короли, а боги - это выжившие призраки этих полностью забытых властителей. На это мы отвечаем, что не знаем ни малейшего следа австралийского вырождения. Сэр Джон Лаббок и м-р Тайлор справедливо утверждали, что почва Австралии еще не дала ни фрагмента местной керамики, ни каких-либо следов местных металлических изделий, не встречается и следов каменных построек, ни каких-либо работ, выходящих за рамки нынешнего местного уровня культуры, если не считать плотин для ловли рыбы. "Австралийский бумеранг, - пишет мистер Тайлор, - утверждалось, что он произошел от некой гипотетической высокой культуры, тогда как переходные стадии, через которые он связан с дубинкой, следует наблюдать в его собственной стране, в то время как ни одна цивилизованная раса не обладает этим оружием".(2)

(1) См. проф. "История религии" Мензи, стр. 16, 17, где автор упустил странную непоследовательность.

(2) Прим. Культ., i. 57, 67.

Следовательно, австралиец со своим бумерангом представляет собой не вырождение, а прогресс своих предков, которые еще не развили бумеранг из дубинки. Если к чрезмерно сложному характеру австралийских правил запрещенных степеней апеллировать как к доказательству вырождения по сравнению со стадией, на которой они развивались, мы ответим, что цивилизация повсюду стремится не усложнять, а упрощать такие правила, поскольку это также общеизвестно упрощает формы языка.

Австралийский народ, когда его обнаружили, только выходил из палеолитической культуры, в то время как соседние тасманийцы были откровенно палеолитическими. (1) Австралийцы далеки от вырождения, они демонстрируют прогресс, когда заменяют своего зверя или другой тотем одноименным героем-человеком.(2) Одноименный герой, однако, менялся с каждым поколением, так что ни одно имя не было зафиксировано как имя племенного отца, который позже, возможно, стал племенным богом. Мы находим несколько племен, в которых дети теперь следуют классу ОТЦА, и, таким образом, родство по отцовской линии заменяет обычный для ранних дикарей метод определения родства по материнской линии, широко распространенный в других местах Австралии. В одном из этих племен, обитающем между Гленелгом и горой Нейпир, умение руководить передается по наследству, но ничего не говорится о каком-либо поклонении призракам вождей. Все это социальное улучшение означает продвижение по обычному австралийскому стандарту.(3) Дегенерации (за исключением тех случаев, когда она недавно вызвана европейскими пороками и болезнями) Я не знаю никаких следов в Австралии. Поэтому от их высших религиозных представлений не следует избавляться как от пережитков религии призраков таких вождей, которых австралийцы, как показано, никогда не признавали. "Идея Бога" в Австралии или у андаманцев должна иметь какой-то другой источник, кроме Теории о Привидениях. Это тем более очевидно, что австралийцы не только не поклоняются

призракам, но и отсутствуют божественные существа, которые, как утверждается, образуют связующие звенья между призраком и моральным богом. Нет никаких ведомственных богов, таких как война, мир, охота, любовь и так далее. Солнцу, небу и земле в равной степени не поклоняются. В религии нет ничего общего между Существом, с одной стороны (имеющим сына или сыновей), и смутными озорными духами, бойлями или мрартами, и призраками (которым не поклоняются), с другой стороны. Сторонники идеи, что Бог является древней эволюцией от призрака такого вождя, существование которого не доказано, очевидно, должны верить, что промежуточные стадии религиозной эволюции, ведомственные боги, боги природы и боги политеизма в целом когда-то существовали в Австралии, и все они были сметены потоком вырождения. Этот потоп оставил в религии нравственного, могущественного Отца и Судью. Теперь эта концепция значительно превосходит устаревшую веру в неизвестного бога, которая обычно встречается у варварских рас того типа, от которого, как говорят, произошли австралийцы. Нет никаких доказательств вырождения, и, если вырождение произошло, почему оно оставило именно тот тип божества, который в высшей варварской культуре обычно не встречается? Очевидно, что эта попытка объяснить высший аспект австралийской религии недемонстрированным вырождением является попыткой отчаяния.

(1) Тайлор, предисловие к книге Линга Рота "Аборигены Тасмании", стр. v.-viii.

(2) Камиларой и Курнай, стр. 231.

(3) Камиларой и Курнай, стр. 277, 278.

Хотя, таким образом, текущая теория, по-видимому, терпит крах из-за божеств некоторых австралийских племен и других низших дикарей, которые будут более подробно описаны ниже, она не более успешна в рассмотрении того, что мы назвали "ошибкой" или разрывом в религиозных слоях высших рас. Природу этого "недостатка" можно описать таким образом: в то время как божества некоторых низших диких народов религиозно считаются хранителями и судьями поведения как в этой жизни, так и в следующей, среди высших варваров они часто мало или вообще не заинтересованы в поведении. Опять же, в то время как среди австралийцев, андаманцев и огнеземельцев едва ли можно найти поддающиеся проверке следы, если вообще какие-либо следы есть, жертвоприношений какому-либо божественному существу, среди варваров боги, стоящие ниже самых высоких, получают даже человеческие жертвоприношения. Даже среди варваров высшему божеству очень редко поклоняются с жертвоприношениями. В разной степени оказывается, что он теряет всякое право на поклонение и даже становится простым именем и, наконец, насмешкой. Тем временем призраки предков и боги, созданные по тем же образцам, что и призраки, получают в жертву пищу и человеческие жертвы. Еще раз подчеркнем, что высшие боги низших дикарей не локализованы, не ограничены каким-либо храмом или регионом. Но боги высших варваров (боги, стоящие ниже высших) локализованы таким образом, как иногда локализуется и высший бог.

Все это показывает, что среди наступающих варваров боги, если они начинали с положения богов среди дикарей на низшем уровне, становятся деморализованными, ограниченными, обусловленными, низводятся до нездорового состояния и, наконец, низвергаются, пока прогрессивная цивилизация, как в Греции, не восстановит или не изобретет более чистые и философские концепции, не будучи в состоянии отменить популярные и жреческие мифы и ритуалы.

Итак, вот недостаток или разрыв в слоях религии. Что было причиной этого недостатка? Мы отвечаем: эволюция через призраков "анимистических" богов, сохранивших голод и эгоизм этих духов предков, которым, как известно, не поклоняются самые низкие дикари.

Моральные божественные существа этих низших рас, существа (с религиозной точки зрения) необусловленные, не нуждающиеся ни в каких дарах, которые может дать человек, не должны быть завоеваны подношениями пищи и крови. Общеизвестно, что в таких подношениях особенно нуждаются призраки и боги, созданные по образцу призраков. Усиленные и умиловленные кровью и жертвами (не приносимыми богам низших дикарей), анимистические божества станут сторонниками своих почитателей и либо не будут обращать внимания на мораль своих почитателей, либо будут легко подкуплены, чтобы простить грехи. Таким образом, с этической точки зрения, здесь кроется изъян в слоях религии, изъян, обнаруживаемый в верованиях варваров, поклоняющихся привидениям, но не в верованиях дикарей, не поклоняющихся привидениям. Толпа продажных, покладистых, услужливых божеств теперь развилась из призраков, и анимизм находится на пути к вытеснению или наложению грубой ранней формы теизма. Принимая во внимание факты, мы не видим, как они объясняются существующей теорией, которая делает высшего бога последним в эволюции из призрака. Эта теория снова разбивается о то обстоятельство, что, в то время как племенное или национальное высшее божественное существо, как последнее в эволюции, должно быть самым могущественным, на самом деле среди варварских рас оно обычно наиболее игнорируемо. Новая идея, конечно, не обязательно является мощной или модной. Ее можно рассматривать как "причуду", или ересь, или низкую форму инакомыслия. Но, когда это общеизвестно и принято племенем или народом, следует считать, что оно, вероятно, будет обладать большим влиянием. Но это не так; и среди варварских племен наиболее развитая концепция божества наименее ценится, она наиболее устарела.

Превосходный пример различия между отстаиваемой здесь теорией и теорией, которой обычно придерживаются антропологи, можно найти в ценной работе м-ра Аберкромби "Доисторические и протоисторические финны", i. 150-154. Боги и другие ранние идеи, говорит мистер Аберкромби, "ни в коем случае не могли рассматриваться как сверхъестественные". Мы приведем примеры богов среди рас, "ближайших к началу", чьи атрибуты силы и знания не могут, по крайней мере для нас, рассматриваться иначе, как "сверхъестественные". "Боги" (в этой гипотезе) "были настолько человечны, что их можно было заставить действовать в соответствии с желаниями их почитателей, и они также могли быть наказаны". Чернокожему австралийцу или андаманцу эти идеи показались бы опасным богохульством. Эти древние боги "обитали главным образом в деревьях, колодцах, реках и животных". Но многие боги малоизвестных нам дикарей живут "за пределами неба". Мистер Аберкромби предполагает, что небесный бог возник позже, и ему поклонялись после того, как человек исчерпал "помощников, которые казались ближайшими под рукой... в деревьях и воде у самого его порога". Теперь у австралийского чернокожего нет ни двери, ни богов, которые могли бы служить ему в "деревьях и водах", хотя духи могут таиться в таких местах для проказ. Но, по мнению мистера Аберкромби, некоторые люди в конце концов обратились к богу неба, "который со временем приобрел бы широкий круг почитателей". Его стали бы считать всемогущим, всеведущим, Творцом. Это представление, говорит мистер Аберкромби, "должно быть, если эта точка зрения верна, позднего происхождения". Но это неверное представление. Дальновидный могущественный Творец за пределами неба находится среди очень отсталых рас, которые не развили помощников ближе к человеку, обитающих вокруг того, что было бы его дверью, если бы он был

достаточно цивилизован, чтобы обладать ею. Такие близкие соседние боги, отвечающие человеческим потребностям, способные быть запуганными или умиловленными жертвоприношением, встречаются у рас более высоких, чем низшие, которые ради своей легкодоступной помощи позволили Создателю опуститься до никому не известного бога или простого имени. Мистер Аберкромби бессознательно доказывает нашу правоту, приводя пример самоеда. Этот человек знал бога Неба, Нума; эта концепция была ему знакома. Он также знал знакомого духа. По теории мистера Аберкромби, ему следовало обратиться за помощью к Небесному богу, а не к эльфу. Но он сделал обратное: он сказал: "Я не могу приблизиться к Нуму, он слишком далеко; если бы я мог добраться до него, я бы не умолял тебя (знакомого духа), а пошел сам; но я не могу". Именно по этой причине люди, которые развили веру в доступных и приветливых духов, идут к ним с заклинанием для сдерживания или подарком для подкупа и пренебрегают, а в некоторых случаях почти забывают о своем Создателе. Но Ему поклоняются низкие дикари, которые не умиловляют призраков и у которых нет богов в колодцах и деревьях поблизости. Кажется очевидным вывод о том, что более великий Бог развился раньше.

Это относится к числу трудностей современной антропологической теории. Однако существует решение, с помощью которого антропологи могли бы объяснить слабость божественной концепции, ее забытый, вышедший из употребления аспект среди варварских рас, не рассматривая его как устаревшую форму очень ранней идеи. Поэтому это решение широко используется. Оно применяется к божеству, явленному в древних мистериях австралийцев, и используется в американских и африканских примерах.

Принято говорить, что высшее божественное существо коренных народов Америки или Африки было заимствовано у европейцев и, особенно, является диким преломлением Бога миссионеров. Если это можно будет доказать, то призрачный, практически бессильный "Хозяин жизни" некоторых варварских народов выродится из христианской концепции, из-заэтой концепции он будет лишь слабым неудачным отражением. Утверждается, что он был представлен европейцами, но не гармонирует со своим новым окружением, и поэтому его "наполовину помнят, наполовину забыли".

Гипотеза заимствования допускает только один ответ, но этот ответ должен быть окончательным. Если мы можем обнаружить, скажем, в Северной Америке, единственный случай, когда высшее существо присутствует, в то время как все же оно не может быть объяснено каким-либо прослеживаемым или поддающимся проверке иностранным влиянием, то бремя доказывания в других случаях ложится на оппонента. Когда он настаивает на том, что другие высшие существа Северной Америки были заимствованы, мы можем ответить, что наш ключевой пример показывает, что это не обязательно должно быть фактом. Доказать, что в его примерах это факт, тогда его дело. Очевидно, что за информацией по этому вопросу мы должны обратиться к сообщениям первых путешественников, которые хорошо знали краснокожих индейцев. Мы должны попытаться докопаться до богов, стоящих за любыми известными миссионерскими усилиями. мистер Тайлор предлагает нам свидетельство Гериота, написанное примерно в 1586 году, о том, что уроженцы Вирджинии верили во многих богов, а также в одного главного бога, "который сначала создал других главных богов, а затем солнце, луну и звезды в качестве мелких божков".(1) Откуда уроженцы Виргинии могли позаимствовать это представление о Творце до 1586 года? Если нам ответят обычным образом, что они развили его из богов солнца, луны и звезд, других главных богов, и в конце концов достигли идеи Творца, мы

ответим, что идея Творца встречается там, где этих предполагаемых промежуточных стадий НЕТ, как в Австралии. Таким образом, в Вирджинии, как и в Виктории, Создатель, возможно, эволюционировал каким-то иным способом, помимо постепенного восхождения от призраков, и, возможно, это было, как в Австралии и других местах, до поддающегося проверке поклонения призракам. Опять же, в Виргинии, в нашем первом поселении, местные священники яростно сопротивлялись введению христианства. Они были довольны своим божеством Ахоне, "великим Богом, который управляет всем миром и заставляет солнце светить, создавая луну и звезды своими спутниками.... Добрый и миролюбивый Бог... не нуждается в том, чтобы ему приносили жертвы, ибо он желает им всего хорошего". Этот добрый Творец без жертв среди оседлой земледельческой варварской расы, приносящей жертвы другим богам и призракам, явно не может быть заимствован из новоприбывшей религии христианства, которой его священники, по словам наблюдателя, яростно сопротивлялись. У Ахона было подчиненное божество, исполнявшее арбитражные функции, "наблюдавшее за всеми поступками людей" и наказывавшее их за зло. ЭТОМУ богу приносились жертвы, и если его имя Океус происходит от Оки = "дух", то он, конечно же, был анимистическим божеством, развившимся из призраков. Авторы-антропологи, по недосмотру, подробно останавливались на Оки, но не упоминали Ахоне.(2) Очевидно, что невозможно настаивать на том, что эти виргинские высшие божества были заимствованы, не говоря уже о том, откуда и когда они были заимствованы варварской расой, которая в то же время отвергала христианское учение.

(1) Прим. Культ., ii. 341.

(2) "История путешествия в Виргинию" Уильяма Стрейчи, 1612 год.

Мистер Тайлор пишет со свойственной ему проницательностью: "Именно широко распространенная вера в Великого Духа, каковы бы ни были его точная природа и происхождение, давно и заслуженно привлекала внимание европейских мыслителей к исконным религиям североамериканских племен". Теперь, хотя в недавнее время христианские идеи, несомненно, выкристаллизовались вокруг "Великого Духа", стало считаться, что "вся ДОКТРИНА о Великом Духе была заимствована дикарями у миссионеров и колонистов". Но эта точка зрения не выдерживает критики", - говорит мистер Тайлор.(1)

(1) Прим. Культ., ii. стр. 339, 340 (1873). По какой-то причине мистер Тайлор изменил этот отрывок в 1891 году.

Мистер Тайлор продолжает доказывать это на примерах из Гренландии и алгонкинов. Он ссылается на бога Массачусетса, Кихтана, который сотворил других богов и принимает праведных на небеса. Это было записано в 1622 году, но вера, говорит Уинслоу, наш авторитет, уходит корнями в неизвестное прошлое. "Они никогда не видели Кихтана, но СЧИТАЮТ ВЕЛИКИМ ДОЛГОМ, КОТОРОМУ ОДНА ЭПОХА УЧИТ ДРУГУЮ". Как могло божество, столь уходящее корнями в традиционное прошлое, быть позаимствовано у недавних английских поселенцев?

В этих случаях гипотеза о заимствовании опровергается, и еще больше она опровергается по поводу алгонкинского божества Атахокана.

Отец Ле Жен, С.Дж., стал первым среди алгонкинов миссионером-первопроходцем в 1633 году и претерпел невыразимые страдания в своем мужественном стремлении завоевать души в самой непокорной пастве. Он пишет (1633): "Поскольку этот дикарь дал мне повод заговорить

об их боге, я замечу, что это большая ошибка - думать, что дикари не знают ни о каком божестве. Я был удивлен, услышав это во Франции. Я не знаю их секретов, но из того немногого, что я собираюсь рассказать, будет видно, что они обладают такими знаниями.

Они говорят, что существует тот, кого они называют Атахокан, создавший целое. Однажды, когда мы говорили о Боге в вигваме, они спросили меня: "Что такое Бог?" Я сказал им, что это Он сотворил все сущее, Небо и Землю. Затем они начали кричать друг другу: "Атахокан! Атахокан! это Атахокан!"

Не могло быть лучшего доказательства того, что атахокан НЕ был (как часто говорят) "заимствован у иезуитов". Иезуиты только что прибыли.

Позже (1634) Ле Женэ допрашивал старика и частично европеизированного колдуна. Они ответили, что нет ничего определенного; что об Атахокане говорили только как о "чем-то столь отдаленном", что гарантировать это было невозможно. "На самом деле, их слово Нитатохокан означает "Я выдумываю, я рассказываю старую историю".

Таким образом, Атахокан, хотя и был сразу признан тождественным Создателю "миссионера", был настолько далек от того, чтобы быть последним достижением религиозной эволюции, что превратился в притчу для древних и легендарных. Это, конечно, несовместимо с НЕДАВНИМИ заимствованиями. Им пренебрегали из-за кхичикуаи, духов, которые вдохновляют провидцев и приносят некоторую практическую пользу, получая вознаграждение в виде подношений жира, говорит Ле Жен.(1)

(1) Отношения, 1633, 1634.

Устаревший атахокан, похоже, не проявлял никакой моральной активности. Но в Америке эта леность Бога не является всеобщей. Мистер Паркман действительно пишет: "В представлении первобытных индейцев о Боге идея морального блага не имеет никакого значения".(1) Но этому определенно противоречат уже цитированные Гериот, Стрейчи, Уинслоу и отец Ле Жен. Хорошие качества Кихтана и Ахоне не были заимствованы из христианства, они были предметом индийской веры до прихода англичан. Г-н Паркман пишет: "В тот момент, когда индейцы начали созерцать объект своей веры и попытались облечь его атрибутами, это стало ограниченным и обычно смешным". Так было, как обычно, в МИФОЛОГИИ, но не в РЕЛИГИИ. В том, что известно об Ахоне и Кихтане, нет ничего смешного. Если бы у них была мифология, и если бы мы знали мифы, они, несомненно, были бы достаточно смешными. Разум дикаря, перешедший от веры и благоговения к плетению нитей, мгновенно поддается юмористическому воображению. Как мы знаем, средневековое популярное христианство в образах, традициях, сказках и искусстве обильно иллюстрирует один и тот же ментальный феномен. Святые, Бог, наш Господь и Пресвятая Дева - все они играют нелепые и аморальные роли в христианских народных сказках. Это мифология, а здесь, вне всяких придиорок, позднейшее искажение религии. Здесь, где мы знаем историю вероучения, Религия зарождается рано, а эти мифы - поздно. Можно привести и другие примеры американских божественных идей, такие как необычные гимны, в которых зуни обращаются к Вечному, Ахонавилоне. Но поскольку религия зуни изучалась только в последние годы, гимны были бы отвергнуты как "заимствованные", хотя в них нет ничего католического или христианского. Мы предпочли выбрать примеры, в которых о заимствовании из христианства не может быть и речи. Таким образом, современная антропологическая теория сталкивается с американскими

примерами представлений о божественном, которые не могли быть заимствованы, в то время как, если говорят, что боги произошли из призраков, мы отвечаем, что в некоторых случаях они не получают жертвоприношения, поскольку жертвоприношение обычно является признаком призрачного происхождения. Опять же, подобные боги, как мы показываем, существуют там, где призракам вождей не поклоняются, и, насколько можно судить, им никогда не поклонялись, потому что нет никаких свидетельств существования когда-либо таких вождей. Тогда высшие боги Америки могут быть в равной степени свободны от налета призрачного происхождения.

(1) Паркман, Иезуиты в Северной Америке. стр. lxxviii.

Есть еще одно более или менее нравственное североамериканское божество, эволюция которого довольно сомнительна. Отец Бребеф (1636), говоря о гуронах, говорит, что "они обращаются к Небесам почти во всех своих нуждах ... и я могу сказать, что на самом деле они слепо поклоняются Богу, ибо воображают, что на небесах есть Оки, то есть демон, который регулирует времена года, обуздывает ветры и морские волны и помогает им в любой нужде. Они страшатся его гнева и обращаются к нему как к свидетелю нерушимости своей веры, когда дают обещание или заключают мирный договор с врагами. "Небеса услышат нас сегодня" - это их форма обращения".(1)

(1) Отношения, 1636, стр. 106, 107.

Духовное существо, чей дом — небеса, кто летает по ветру, чьего гнева боятся, кто санкционирует клятву, называется "демоном" только из-за предубеждения достойного отца, который в то же время признает, что у дикарей есть представление о Боге - и что Бог, понятой таким образом, и есть этот демон!

Спорный вопрос заключается в том, был ли "демон" или реальное пространство неба первым в эволюции? Это невозможно точно установить, но в аналогичном китайском примере Китая мы находим небеса (Тянь) и "Шан-ти, личное правящее Божество", соответствующее гуронскому "демону". Шан-ти, личное божество, чаще всего встречается в древнейших, доконфуцианских священных документах и, по-видимому, является более ранней концепцией. "Демон" в вере гурунов также может быть более ранним, чем религиозное отношение к своему дому, небу.(1) Таким образом, демонстрируется незапамятная древность веры в божественное существо, творческое, а иногда и нравственное, в Северной Америке. Я уже успел написать это, когда случайно наткнулся на эссе мистера Тайлора на тему "Пределы религии дикарей".(2) В этом эссе, скорее к моему удивлению, мистер Тайлор приводит доводы в пользу заимствования "Великого Духа", "Великого Маниту", у иезуитов. Теперь, что касается выражения "Великий Дух", иезуиты, несомненно, стали причиной его распространения, и там, куда проникло их учение, обрывки доктрины, возможно, соответствовали индийской концепции этого божественного существа. Но мистер Тайлор в своем эссе не ссылается на ранние свидетельства, свои собственные, о том, что Оки, Атахокан, Кихтан и Торнгурсак, несомненно, предшествовали влиянию иезуитов и были найдены там, куда иезуиты позже не пошли. Поскольку у мистера Тайлора нет причин игнорировать свидетельства 1892 года, которые он переиздал в новом издании "Первобытной культуры" в 1891 году, невозможно спорить с ним в этом месте. Далее, в цитируемом эссе (1892), он утверждал, что австралийский бог камилароев Виктории, Байаме, по имени и атрибутам является миссионерским представителем. К счастью, эту гипотезу можно опровергнуть, как мы покажем в следующей главе об австралийских богах.

(1) См. Тайлор, Прим. Культ., ii. 362, и Создание религии, стр. 318; также Мензис, История религии, стр. 108, 109, и китайская классика доктора Легга, в Священных книгах Востока, тома iii., xxvii., xxviii.

(2) Journ. антроп. Инст., т. xxi., 1892.

Было бы достаточно легко встретиться с гипотезой заимствования в случае многих африканских племен, которые обладают чем-то, приближающимся к грубой монотеистической концепции. Среди них динки с Верхнего Нила и их соседи, чье вероучение Рассеггер сравнивает с вероучением современных деистов в Европе. Бог Динка, Дендид, всемогущ, но настолько великодушен, что к нему не обращаются с молитвой и не умилоствуют жертвоприношениями. Сравните высшее существо карибов, благодетельное, скучное, лишенное прикрас.(1) Подобное божество, скрытое в наставлениях о пока еще нераскрытых Мистериях, существует среди яо Центральной Африки.(2) О негритянской расе Уэйтц говорит: "даже если мы не называем их монотеистами, мы все равно можем думать о них как о стоящих на границе монотеизма, несмотря на их бесчисленные грубые суеверия".(3) У народа Золотого Берега, говорящего на ци, есть свой непокоренный Ньянкупон, ныне бесполезное, лишенное украшений существо, с авторитетным заместителем, которому поклоняются со многими жертвоприношениями. Этот случай почти точно аналогичен случаю Ахоне и Оки в Америке. ОНИ не были заимствованы, и автор подробно аргументировал теорию майора Эллиса о заимствовании у христиан Ньянкупона.(4)

(1) Rochefort, Les Isles Antilles, p. 415. Тайлор, ii. 337.

(2) Макдональд, Африка, 1, 71, 72, 130, 279-301. Скотт, Словарь языка манганья, Создание религии, стр. 230-238. Противоречивый взгляд у Спенсера, Церковные учреждения, стр. 681.

(3) Антропология, ii. 167.

(4) Создание религии, стр. 243-250.

В заключение этой главы, изучение религий дикарей и варваров, по—видимому, приводит к следующим фактам:-

1. Низкие дикари. Нет постоянных вождей. Великие существа, не получающие жертвоприношений, утверждающие мораль. Призракам не поклоняются, хотя в них верят. Политеизм, ведомственные боги и боги неба, земли, поднебесной и так далее, не были развиты или не найдены.

2. Варварские расы. Аристократические или монархические. Призракам поклоняются и им приносят жертвы. Политеистические боги пользуются известностью и принимают жертвы. Обычно существует верховный Творец, который в одних случаях высокоморальен, в других - бесполезен. Только в одном или двух известных случаях (как в случае с полинезийским таароа) он получает жертвоприношение.

3. Варварские расы. (Зулусы, монархические у ункулункулу; некоторые алгонкины (слабо аристократичные) у атахокан). Религия - это в основном поклонение предкам или смутному поклонению духам; призраков умилоствуют едой. Здесь есть следы изначального божественного существа, чье имя устаревает и становится предметом шуток.

4. Ранние цивилизации. Монархические или аристократические. (Греция, Египет, Индия, Перу, Мексика.) Политеизм. Единый бог стремится быть верховным. С точки зрения религии, боги моральны; в мифах все наоборот. Боги получают жертвы. Небесное общество построено по образцу человеческого, монархического или аристократического. Философская мысль склоняется к вере в единого чистого бога, которого в Греции могут звать Зевс.

5. Религия Израиля. Вероятно, возрождение и очищение старой концепции нравственного, милосердного творца, чье кредо было связано с жертвоприношениями и антропоморфным мифом.

На всех стадиях, в общих чертах описанных таким образом, преобладают мифы самого низкого сорта, за исключением записей последней стадии, где документы были отредактированы убежденными монотеистами.

Если эта теория приблизительно верна, то самые ранние религиозные представления человека вполне могли состоять в некотором смысле в зависимости от высшего морального существа, которое, когда дикари пытались описать способ его действия, оказалось вовлеченным в мифологические фантазии. Как возникла эта вера в такое существо, у нас нет доказательств. Мы не делаем никаких намеков на нуминисское чувство или прямое откровение.

Не предлагая никакой гипотезы о происхождении веры в морального творца, мы можем высказать предположение. Мистер Дарвин говорит о древнем человеке: "Те же самые высокие умственные способности, которые сначала привели человека к вере в невидимые духовные силы, затем в фетишизм, политеизм и, в конечном счете, в монотеизм, безошибочно приводили его, пока его способности к рассуждению оставались слабо развитыми, к различным странным суевериям и обычаям".(1) Теперь, принимая теорию мистера Дарвина о том, что древний человек обладал "высокими умственными способностями", концепция Творца вещей не кажется ему недоступной. Человек сам создал множество вещей и, вероятно, мог бы представить себе существо, создавшее мир и предметы в нем. "Несомненно, должно быть какое-то Существо, создавшее все эти вещи. Он, должно быть, тоже очень хорош", - сказал эскимос миссионеру.(2) Эскимос делает вывод о доброте из своего собственного удовлетворения "тем, что сделано".(3)

(1) Дарвин, "Происхождение человека", i, стр. 66.

(2) Кранц, i. 199.

(3) Послание к Римлянам, i. 19.

Можно привести еще один пример того, как варварский человек "ищет Бога".

То, что сказал гренландец, подтверждается тем, что сказал кафр. Кафрская религия в основном анимистическая, духи предков получают пищу и жертвоприношения — существует лишь мимолетная традиция о "Господе на небесах". Так, один очень уважаемый кафр сказал месье Арбруссе: "Ваши вести (христианство) - это то, чего я хочу; и я искал их еще до того, как познакомился с вами.... Я задавал себе печальные вопросы. "Кто касался звезд своими руками?... Кто заставляет воды течь?... Кто мог дать земле мудрость и силу производить зерно?" Потом я закрыла лицо руками.

"Это, - говорит сэр Джон Лаббок, - был, однако, исключительный случай. Как правило, дикари не ставят перед собой задачу обдумывать подобные вопросы".(1)

(1) Происхождение цивилизации, стр. 201.

Общеизвестно, что если дикари никогда не задают этот вопрос, то, во всяком случае, каким-то образом у них есть готовый ответ. "Мангарра, или Байаме, Пулуга, или Дендид, или Ахоне, или Ахонавиллона, или Атахокан, или Таароа, или Туи Лага, был создателем". Поэтому дикари, которые знают это, оставляют вопрос в покое или добавляют мифические наросты. Но их предки, должно быть, задавали этот вопрос, подобно "очень уважаемому кафру", прежде чем ответить на него.

Придя к идее Творца, было нетрудно добавить, что он был "добрым", или благотельным, и был бессмертен.

Представление о хорошем могущественном Творце, неподвластном смерти, потому что обязательно предшествующем Смерти (который лишь поздно вторгся в мир), кажется более достижимым, чем понятие Духа, которое, *ex hypothesi*, требует большого тонкого психологического изучения и напряженных размышлений. Идея о Добром Творце, однажды достигнутая, становится, возможно, зародышем будущего теизма, но, как говорит мистер Дарвин, человеческий разум был "безошибочно приведен к различным странным суевериям". Как говорит святой Павел, в полном согласии с мистером Дарвином по этому вопросу, "они стали тщеславны в своем воображении, и их глупые сердца омрачились".

Среди других фантазий (правильных или неправильных) была вера в духов со всем, что за этим последовало, включая жертвоприношения, даже человеческих существ, и падение морали, что вряд ли сильно заинтересовало бы призрак умершего знахаря. Предполагаемая близость к человеку, а также продажный и пристрастный характер почитаемых богов и богов-призраков неизбежно привлекли бы к ним больше служения и внимания, чем было бы уделено далекому, неподкупному и беспристрастному Создателю. Следовательно, представление о таком Существе имело бы тенденцию устаревать, как мы видим, и было бы наиболее затемненным там, где призраков больше всего умилялись, как, например, у зулусов. Более поздняя философия связала духовную концепцию с возрожденной или вновь открытой идеей верховного Бога.

Во всех этих спекуляциях нет ничего мистического; никакое сверхъестественное или сверхнормальное вмешательство не постулируется. Сверхъестественные переживания, возможно, помогли зародиться или поддержать веру в духов, это, однако, другой вопрос. Но эта гипотеза о происхождении веры в доброго, непрестанного Творца вещей, конечно, является общепризнанной гипотезой, для которой по сути дела не может быть приведено исторических доказательств. Все наши попытки обнаружить истоки, находящиеся далеко за пределами истории, должны быть предположительными. Их ценность должна оцениваться по степени, в которой та или иная гипотеза сопоставляет факты. Теперь наша гипотеза действительно сопоставляет факты. Это показывает, как вера в высшее моральное существо могла возникнуть до того, как стали поклоняться призракам, и объясняет изъясн в религиозных слоях, мифические наслоения, отдаленного Творца на фоне многих варварских религий и почти повсеместное отсутствие жертвоприношений относительно высшему Богу. С самого начала своего зачатия он не нуждался в подарках от мужчин.

По поводу вопроса об отдаленных верховных богах профессор Мензис пишет: "В верованиях дикарей очень часто можно встретить смутного, далекого бога, который стоит позади всех остальных, принимает мало участия в управлении делами и которому мало поклоняются. Но невозможно судить, чем это существо было в более ранние времена; возможно, оно было богом природы или духом, который постепенно ослабел и занял это положение".

Теперь положение, которое он занимает, обычно, если не повсеместно, является положением Творца. Он не мог достичь этого ранга, "ослабев", и "бог природы" не мог быть Творцом Природы. Единственный способ, с помощью которого мы можем обнаружить, "чем это существо было в более ранние времена", - это увидеть, чем оно БЫЛО в более ранние времена, то есть каково представление о нем у людей на более раннем этапе культуры. Среди них, как мы покажем, он гораздо более близок, силен и нравствен, чем среди рас, более продвинутых в социальной эволюции и материальной культуре. Мы не сможем составить никакого мнения о природе таких "смутных, далеких богов, стоящих позади всех остальных", пока не соберем и не сравним примеры и не попытаемся установить, что у них общего и в чем они отличаются друг от друга. Тогда становится ясно, что они наименее далеки и наиболее могущественны там, где меньше всего призрачной и политеистической конкуренции, то есть среди самых отсталых рас. Общее правило заключается в том, что чем больше анимизма, тем меньше теизма. Очевидно, что текущая гипотеза — о том, что все религии анимистичны по происхождению, — не учитывает эти факты и вынуждена прибегать к недемонстрированной теории деградации или к недемонстрированной теории заимствования. Мы не можем признать, что наша теория несовместима с общим учением об эволюции, если нам будет позволено согласиться с утверждением мистера Дарвина о высоких умственных способностях, которые сначала привели человека к симпатическим, а затем к диким верованиям. Мы не претендуем на то, чтобы быть большими сторонниками Дарвина, чем мистер Дарвин, который сравнивает "эти жалкие и косвенные результаты наших высших способностей" со "случайными ошибками инстинктов низших животных".

Поддерживаемое здесь мнение, а именно, что зародыш чистой веры может быть обнаружен среди путаницы низкой веры дикарей и что на еще более ранней стадии она, возможно, была менее приукрашена баснями, находится в прямом противоречии с современными теориями. Это также противоречит моему собственному мнению до того, как я провел независимую экспертизу доказательств. Как и другие, я был склонен рассматривать сообщения о Творце морали, который наблюдает за поведением и судит о нем даже в следующей жизни, как слухи, вызванные либо христианским влиянием, либо ошибкой. Однако я хорошо знаю, что мог бы не обращать внимания на источники ошибок и сделал это. Я был настороже против двойной ошибки - описания любой религии дикарей как "поклонения дьяволу" и ожидания найти примитивную "божественную традицию". Я также остерегался современных предубеждений, вытекающих из "теории призраков" и работ мистера Спенсера, и внимательно следил за возможностями "заимствования".⁽¹⁾ Фактически, в первом издании этой работы я классифицировал всех известных идолов, таких как ошибочность наводящих вопросов и вероятность преднамеренного обмана. Я искал самые ранние свидетельства, предшествовавшие какому-либо миссионерскому учению, и свидетельства того, что первые миссионеры нашли на пути веры по своему прибытию. Я предпочел свидетельства наиболее образованных наблюдателей и тех, кто лучше всего знаком с родными языками. Я искал доказательства в местных гимнах (маори, зуни, динка, краснокожие индейцы) и в местных церемониях и мистериях, поскольку эти источники были наименее подвержены загрязнению.

(1) Создание религии, стр. 187.

С другой стороны, я нашел огромное количество свидетельств того, что у дикарей вообще не было религии. Но эти показания в массовом порядке были опровергнуты Роскоффом, а также, местами, Тайлором. Когда трех свидетелей привели к присяге в том, что они видели, как ирландец совершил преступление, он предложил привести дюжину свидетелей, которые его НЕ видели. Негативные свидетельства скваттеров, моряков и колонистов, которые НЕ видели никакой религии среди той или иной расы, мало что стоят против свидетельств подготовленных наблюдателей и лингвистов, которые нашли то, что упустили другие, и которые находили больше по мере того, как лучше узнавали данное племя. Опять же, как и другие, я думал, что дикари неспособны к таким относительно чистым идеям, какими, как я теперь полагаю, обладают некоторые из них. Но я не мог устоять перед очевидностью и отказался от своих априорных представлений. Свидетельства убедительно свидетельствуют о градациях в центральном убеждении. Она проявляется в различных оттенках, от относительной силы до исчезающего следа, и она обнаруживается в значительной пропорции к распространенности анимистических идей, будучи самой слабой там, где они наиболее развиты, и самой сильной там, где они наименее развиты. У этих явлений должна быть причина, и эта причина, как мне кажется, заключается в наложении и замене грубо теистического вероучения анимистическим. Эта единственная причина могла бы объяснить и действительно сопоставляет все факты.

Остается пункт, в отношении которого оказывается возможным неправильное представление. Будет показано, вопреки существующей гипотезе, что религия низших рас в своей высшей форме санкционирует мораль. Эта мораль, опять же, в определенных случаях требует бескорыстия. Конечно, мы не утверждаем, что эта доктрина имеет какое-либо сверхъестественное происхождение. Религия, если она вообще санкционирует этику, будет санкционировать те, которые принимает совесть, и эта этика, так или иначе, должна была развиваться. Обычно признается, что "космический" закон гласит: "самый слабый должен идти к стенке". Человек, однако, оказывается пытающимся отменить закон путем равных и дружественных отношений (по крайней мере, внутри того, что неопределенно называется "племенем"). Будет показано, что его религия, как и в Австралии, настаивает на этом бескорыстии. Как он развивал свою этику?

"Мало или много они получают, - говорит Дампир об австралийцах в 1688 году, - у каждого есть своя роль, как у молодых и нежных, так и у старых и немощных, которые не способны выйти за границу, как сильные и похотливые". Такое поведение обращает вспять космический процесс, и общеизвестно, что цивилизованное общество, христианское общество, не действует в соответствии с этими принципами. Дикари, которые бьют старых и немощных по голове или намеренно оставляют их умирать с голоду, также не действуют по этим принципам, санкционированным австралийской религией, но (по словам мистера Доусона) НЕ проводимым в австралийской практике. "Когда старики становятся немощными ... убивать их законно и принято".(1)

(1) Австралийские аборигены, стр. 62.

Что касается бескорыстия, эволюционисты склонны объяснять его общими интересами. Племя, в котором сильнейшие монополизируют все лучшее, выживет не так хорошо, как бескорыстное племя в борьбе за существование. Но верно как раз обратное: аристократия отличает более успешные варварские расы, и аристократическое рабовладельческое племя могло бы захватить

Австралию, как зулусы захватили Южную Африку. О том, что аристократия и приобретение отдельной собственности являются шагами вперед по пути коммунистической дикости, заявляет вся история. Следовательно, племя, которое в Австралии развило частную собственность и обратило своих соседей в рабство, было бы лучше приспособлено к выживанию, чем такое племя, какое описывает Дампир.

Это настолько очевидно, что, вероятно, более Суровое состояние общества было достигнуто не в соответствии с признанными племенными интересами, а в соответствии с инстинктом привязанности. "Ils s'entr' aiment les uns les autres," says Brebeuf of the Hurons.(1) "Я никогда не слышал, чтобы женщины жаловались на то, что их не пускают на пиры, или на то, что мужчины съедают лучшие порции... каждый делает свое дело мило, мирно, без споров. Среди них вы никогда не увидите споров, раздоров, ненависти или упреков". Затем Бребеф рассказывает, как молодой незнакомец-индеец в трудную минуту украл лучшую часть лося. "Они не гневались и не проклинали, они только подтрунивали над ним, и все жевзять наше мясо означало почти лишить нас жизни". Бребеф хотел отчитать парня; хозяин-индеец велел ему помалкивать, и незнакомцу было оказано гостеприимство вместе с его женой и детьми. "Они очень щедры и считают своим долгом не привязываться к благам этого мира". "Их самый большой упрек - "этот человек хочет всего, он жадный". Они безропотно поддерживают вдов, сирот и стариков, но при этом убивают безнадежных или доставляющих беспокойство инвалидов, и все их поведение по отношению к европейцам было противоположно их домашнему поведению".

(1) Отношения, 1634, стр. 29.

Другой пример дикой бескорыстной этики можно найти в рассказе м-ра Манна об обитателях Андаманских островов, кочевой расе с очень низким уровнем культуры. "Примечательной чертой, заслуживающей высокой похвалы, является то, что все классы населения проявляют всяческую заботу и внимание к очень молодым, слабым, престарелым и беспомощным, и поскольку они становятся объектами особого интереса и внимания, они неизменно чувствуют себя лучше в плане удобств и предметов первой необходимости повседневной жизни, чем любой из более удачливых членов общества в остальном".(1)

(1) J. A. I., xii. стр. 93.

Мистер Хаксли в своей знаменитой Лекции Романеса "Эволюция и мораль" подчеркнул нарушение человеком космического закона: "самый слабый должен идти к стенке". Он не объяснил, почему эволюция человека противостоит этому закону. Обычная эволюционистская гипотеза о том, что племя, члены которого наименее эгоистичны, будет наиболее процветать, опровергается всей историей. Властные, "жадные", аристократические, индивидуалистические, беспринципные расы выбивают другие с поля боя. М-р Хаксли, действительно, утверждал, что "влияние космического процесса на эволюцию общества тем больше, чем более рудиментарна его цивилизация. Социальный прогресс означает проверку космического процесса на каждом шагу и замену его другим, который можно назвать этическим процессом.... По мере развития цивилизации увеличивались и масштабы этого вмешательства...."(1) Но где в Европе вмешательство столь заметно, как среди андаманцев? Нам еще предстоит столкнуться с проблемой великодушия низких дикарей.

(1) Этика эволюции, стр. 81-84.

Вполне возможно, что более высокая этика низших дикарей скорее отражает их эмоциональные инстинкты, чем вытекает из племенного законодательства, которое, как предполагается, позволяет "племени" процветать в борьбе за существование. Как доказывают, в частности, Бребеф и Дампир, дикари часто подают хороший пример христианам, и их этика в определенных случаях, как у андаманцев и огнеземельцев, и, вероятно, у яо, санкционирована их религией. Но, как говорит мистер Тайлор, "лучшая социальная жизнь дикарей кажется лишь находящейся в неустойчивом равновесии, которое легко может быть нарушено легким прикосновением горя, искушения или насилия".⁽¹⁾ Тем не менее, в определенных случаях религия делает все возможное, чтобы обеспечить равновесие; хотя во всем мире религия часто терпит неудачу на практике.

(1) Прим. Культ., i. 51.